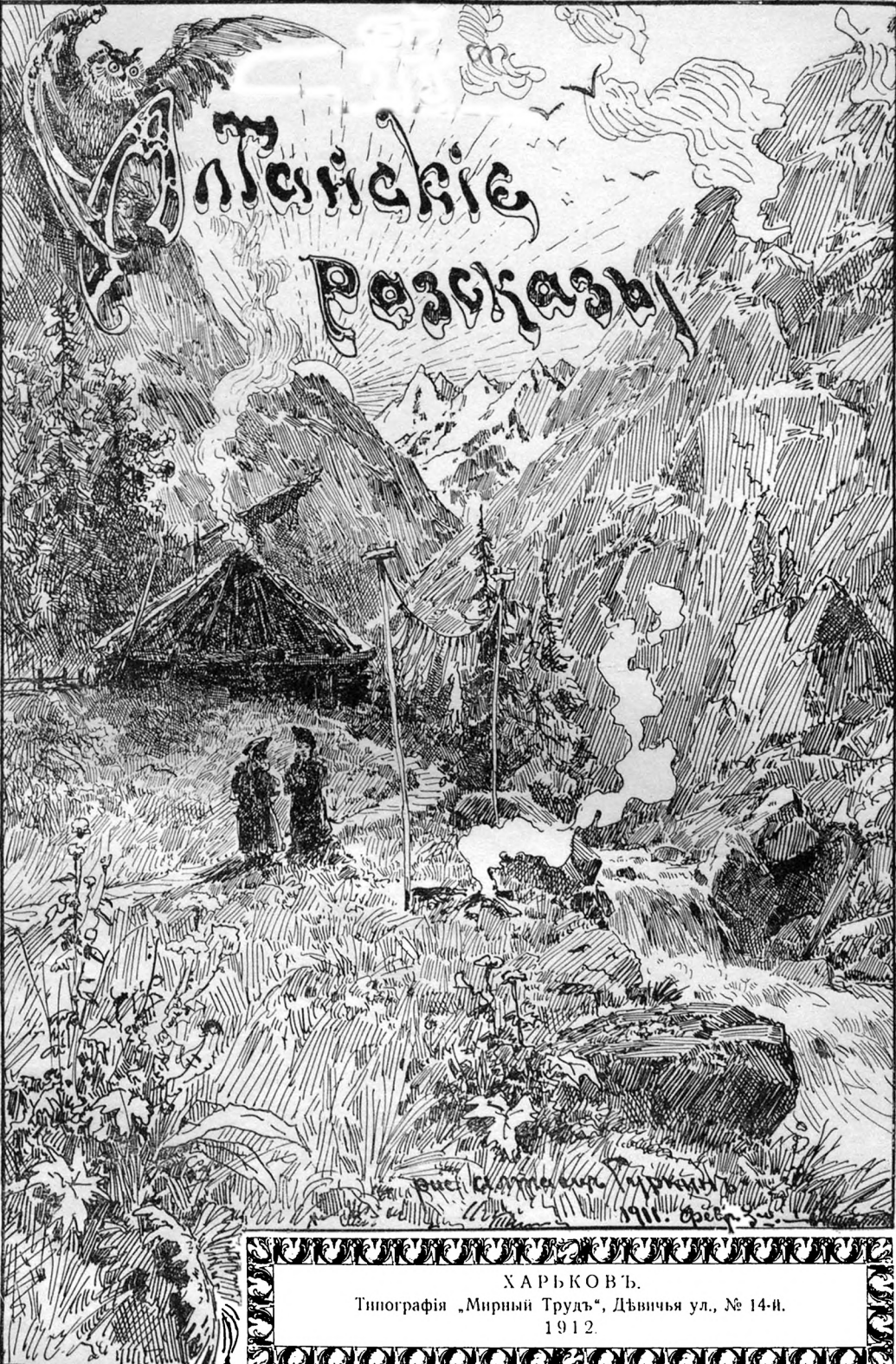


ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14-й.
1912.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

свой трудъ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Александра Макарова-Мирская.

Престола русскаго НАДЕЖДА и ОПЛОТЪ!
Съ благоговѣніемъ ВАМЪ трудъ свой посвящаю...
Пусть лѣта многія Господь ВАМЪ ниспошлетъ
На благо родины — Россіи и Алтая!..

*

Жемчужиной сверкающей и цѣнной
Въ коронѣ ГОСУДАРЯ этотъ край
Является красою совершенной,
И я молю: любите ВАШЪ Алтай!..

*

Пріймите милостиво книгу: подрастая,
ВЫ вспомните о немъ, ВЫ вспомните тотъ край,
Гдѣ, льдами вѣчными, холодными сверкая,
Царитъ его глава — огромный Ханъ-Алтай...

*

Россія любитъ ВАСЪ, и свято на Алтаѣ
ЦАРЯ-НАСЛѢДНИКА простые люди чтутъ,
Тамъ, въ милыхъ мнѣ горахъ, отъ края и до края
ВАСЪ СОЛНЫШКОМЪ своимъ и РАДОСТЬЮ зовутъ.

А. Макарова-Мирская.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Съ фотографіи Буассонна и Эклеръ. С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗСКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стр.
1. Алтай,—стихотв., съ 1 рис.	1
Алтын-ту, съ 9 рис.	3
Дѣдушкина внучка, съ 9 рис.	28
Ивась, съ 5 рис.	54
5. Коог-ай, съ 6 рис.	66
Карчіга, съ 5 рис.	83
Отчаянный, съ 10 рис.	93
Камланье, съ 9 рис.	129
Во ржи, съ 5 рис.	161
10. Пюрю, съ 4 рис.	173
Чемгуленокъ Микешъ, съ 5 рис.	190
12. Ночь, въ которую родился Христосъ, съ 3 рис.	206

ПОРТРЕТЫ И РИСУНКИ.

	Стр.
1. Алтай—рисун. алтайскаго художн. Г. И. Гуркина	I
А. И. Макарова-Мирская авторъ сборника	XI
Ирисы—виньетка	1
Гора Бѣлуха.... ледникъ Геблера	3
5. Въ глуши,—картина Г. И. Гуркина	5
Таня	7
Тумчукъ,—алтаецъ	11
Долина по рѣкѣ Коргонъ	13
Алтын-ту въ облакахъ	15
10. Видъ на цѣпь Катунскихъ бѣлковъ съ перевала Аккем-каиръ	18
Кузук-агашъ (алтайскій кедръ),—рис. Г. И. Гуркина	25
Капчальскій ледникъ	26

Стр.

Еп. Владиміръ—третій начальникъ алтайской миссіи—впослѣдствіи архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, (нынѣ умер.). 28
Саша, въ пять лѣтъ. . . . 31
15. Калмыцкая юрта съ ея обитателями 32
Видъ съ хребта Кулумусъ на сѣверъ. 37
Селеніе Улала, главный станъ алтайской миссіи. 40
Архіерейскій домъ въ селѣ Улала 42
Улалинскій храмъ во имя Всемилостиваго Спаса, построенъ въ 1875 г. . 43
20. Протоіерей Василій Вербицкій, помощн. начальника Алтайской миссіи, (нынѣ умершій) 47
Рѣка Коргонъ, выше каменоломни, Бійск. у. . . 52
Ивась 54
Водяныя лиліи,—виньетка 54
Калмыцкая юрта (лѣтняя и зимняя) вблизи миссіонерскаго стана. . . . 56
25. Нижнее озеро въ долинѣ рѣки Арасанъ 61
Рахмановское озеро. . . . 64
Коог-ай 66
Рѣка Іедыгемъ 68
Селеніе Чемалъ, миссіонерскій станъ въ 70 в. отъ с. Улалы 73
30. Скала на рѣкѣ Чуѣ . . . 77
Порогъ на рѣкѣ Катуни въ 20-ти в. ниже Чемала . 79

Стр.

Порогъ на рѣкѣ Катуни близъ с. Эликмонаръ. . 80
Кара-кызъ. 83
Карчіга 83
35. Рѣка Коргонъ близъ каменоломни, Бійск. у. . . 85
Озеро Кара-колъ 87
Пещера Талдинская . . . 90
Рѣка Каир-Кумиръ. . . . 93
Село Онгудай,—видъ съ сѣвера. 95
40. Отчаянный 96
Избушка на Алтаѣ,—рис. Г. П. Гуркина 97
Охотникъ Семейка 101
Гора Алтын-ту на Телецкомъ озерѣ, близъ рѣки Чолушмана 104
Рѣка Амміакъ. 107
45. Видъ Телецкаго озера . . 112
Водопадъ Коко 115
Долина рѣки Чолушмана между горами Тарбинду и Шуданъ 121
Долина въ вершинѣ р. Нижн.-Кураганъ 129
Тамчугашъ 129
50. Калмыцкій мостикъ и верховая тропа у подошвы бома Юхтенеръ по р. Катуни. 133
Каскады рѣки Яр-болыкъ. 135
Камъ передъ началомъ камланья 143
Рѣка Чемалъ при впаденіи въ рѣку Катунь 148
„Синій бомъ“ на рѣкѣ Кок-су.. 151

Стр.

55. Береговая тропа по рѣкѣ Ниж.-Курагану 156
Рѣка Чолушманъ близъ впаденія въ Телецкое озеро 157
Сашенька въ 11 лѣтъ . . 161
Бомъ „Скакунъ“ на рѣкѣ Катуни. 164
Во ржи,—во время жатвы. 165
60. Телецкое озеро близъ Чолушманскаго монастыря 171
Водопадъ Камышла . . . 172
Андрюша 173
Домикъ Алексѣя въ алтайской долинѣ 175

Стр.

Рѣка Катунь у устья р. Чуи 180
65. Миссіонерскій станъ . . . 187
Чемгуленокъ Микешъ. . . 190
Колосья,—виньетка 190
Видъ Аргута съ перевала между Каиромъ и Болтуртагомъ 198
Рѣка Аргутъ, притокъ р. Катуни 201
70. Рѣка Іедыгемъ 204
Елки на Алтаѣ 206
Горы по рѣкѣ Кок-су . . 206
73. Г. Виѳлеемъ 210

Александра Ивановна Макарова-Мирская.

АЛТАЙ.

(Подражаніе Гёте).

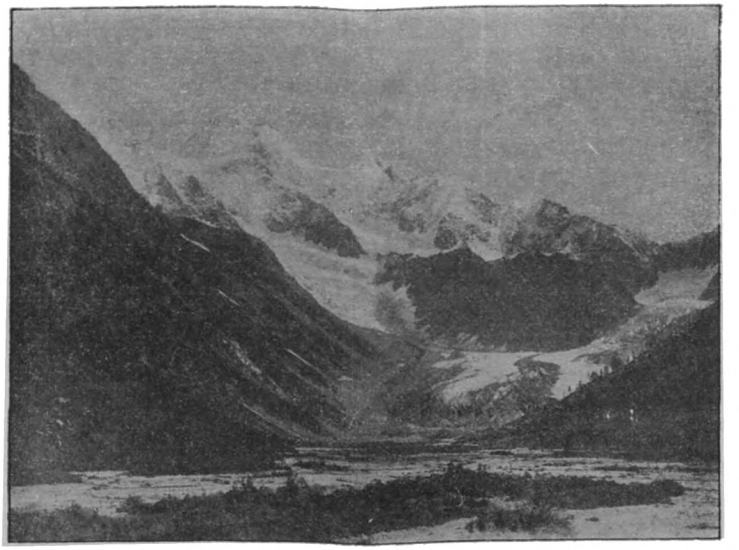
Ты знаешь-ли тотъ край, гдѣ коротка весна,
Гдѣ горъ стоятъ высокія громады,
Гдѣ съ шумомъ, какъ стрѣла, несутся водопады,
Гдѣ темный лѣсъ шумитъ и гладь озеръ свѣтла?
Ты знаешь-ли, мой другъ, ты знаешь-ли тотъ край,
Который я люблю?..
Его зовутъ „Алтай!“

* * *

Ты знаешь-ли тотъ край, гдѣ звѣзды блещутъ ясно,
Гдѣ ночь морозная особенно прекрасна,
Гдѣ великановъ—горъ вершины, при лунѣ,
Застывшія стоятъ и дремлютъ въ тишинѣ?
Ты знаешь, дорогой, ты знаешь-ли тотъ край,
Покинутый, родной?
Его зовутъ „Алтай!“

* * *

Ты знаешь-ли тотъ край, гдѣ то стоитъ село,
Въ которомъ я жила?—Мнѣ все тамъ было
мило:
И храмъ, и старый домъ, и садикъ, и русло
Родной рѣки, и та, съ простымъ крестомъ,
могила...
Ты знаешь-ли, отецъ, ты знаешь-ли тотъ край,
Куда я рвусь въ тоскѣ?..
Его зовутъ „Алтай!“



...Вѣлки сверкали ослѣпительно на высотѣ горнаго кряжа, уходившаго въ ясную небесную синеву...

Алтынъ-ту.

За нѣсколько сотъ верстъ отъ культурнаго центра Сибири—Томска поднимаются похожія на облака горы, которыя непривычный глазъ не сможетъ издали отличить отъ густыхъ синеватыхъ облаковъ. Это—хребты Чингистая, Чиндагатуя, Чарышскіе, Ануйскіе, Табаты, Суокъ и другіе, чьи имена занесены на карты Алтая—жемчужины Сибири, чудной, дѣвственной страны съ сотнями синихъ озеръ и водопадовъ, съ говорливыми рѣками и вѣчной тайгой, въ которой живетъ тихій народъ, говорящій на разныхъ нарѣчіяхъ страннымъ языкомъ; тайгой, въ которой растутъ могучіе Кузукъ-агаши [1]), и бродятъ медвѣди,

[1]) Кузукъ-агашъ—кедръ.

гдѣ надъ горными хребтами рѣютъ Чемгулы [1]), свивающіе гнѣзда въ недоступныхъ утесахъ, и расцвѣтаютъ бѣлые цвѣты цикламенъ надъ глубокими пропастями. Тотъ, кто не видалъ этихъ горъ и синихъ озеръ, не слышалъ грохота водопадовъ и не любовался волнами красавицы-Катуни, потерялъ многое. Господь Богъ, по Своему милосердію, положилъ во время творенія міра въ холодныя тундры Сибири чудную жемчужину, и нѣтъ сердца, которое, увидавъ эту красоту, не вздохнуло бы умиленно и не сказало: „Господи, великъ Ты въ Твоемъ твореніи!“

И эту красоту увидали большіе, задумчивые глаза дѣвочки-подростка лѣтъ четырнадцати, увидали и заглядѣлись на прекрасный Божій міръ, облитый свѣтомъ солнечнаго утра. Уже девять денъ любовалась она съ этого мѣста на видъ. Этою ночью обильный дождь омылъ вѣковой лѣсъ, и онъ былъ душистъ и свѣжъ. Бѣлки сверкали ослѣпительно на высотѣ горнаго кряжа, уходившаго въ ясную небесную синеву.

Чуть намѣтился темною точкой надъ расщелиной Чемгулъ, а изъ за камней скалъ, нависшихъ надъ станомъ, выглядывала нѣжная головка Элікъ [2]), горной красавицы Элікъ, а ея тонкія ножки чуть стукали, когда она перелетала съ камня на камень.

Ручей близъ палатки, весело слетая съ уступовъ, обдавалъ брызгами берега и прибрежную поросль, онъ уходилъ, перелетая, на широкую долину, подъ скалы другой горной цѣпи, тянувшейся туда въ глубину молчаливаго спокойнаго лѣса, точно дремавшаго въ тиши.

— О чемъ задумалась?—спросилъ отецъ, кладя руку на плечо Тани.—На что заглядѣлась?

— Папа, смотри, тамъ точно золото—на горѣ, въ высотѣ... Навѣрное оно блеститъ изъ-за снѣга. Дѣдушка Ургонъ говоритъ, что горы прорѣзали зо-

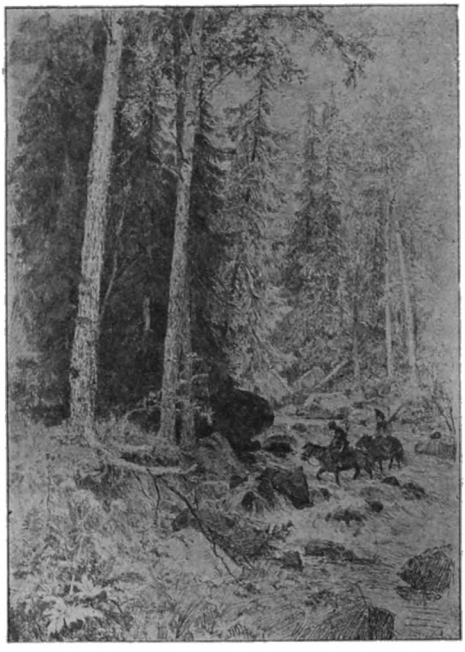
---

[1]) Чемгулъ—орелъ.

[2]) Элікъ—дикая козочка.

лотыя жилы, просѣкли каменныя породы—и на самыхъ недоступныхъ мѣстахъ блестятъ, горятъ и сверкаютъ тамъ, гдѣ потоки рождаются...

— Охъ, этотъ твой Ургонъ—большой выдумщикъ. Говорилъ онъ и мнѣ что-то такое, когда я былъ молодъ: вѣдь, ему лѣтъ сто... я всегда его



...Вотъ тутъ жди хозяйскаго приказа... глушь!..

помню такимъ!... Помню, толковалъ и мнѣ, что душа непорочная можетъ взять сокровища, добраться до нихъ... Все это вздоръ, сказки!.. Но, если они тебя тѣшатъ, Таня, то думай, какъ хочешь, и не дѣлай грустныхъ глазъ.

— Видишь, папа!—сказала она серьезно.—Жизнь ужасно тяжела, какъ говоритъ мама, и долги тяготятъ. Моя болѣзнь сколько вамъ стоила! Теперь, пока

мы путешествуемъ, мама тамъ шьетъ, не разгибаясь... Вѣдь, съ ней Анюта да Лиза только осталися, а здѣсь золотыя жилы лежатъ нетронутыя. Если-бъ у меня была непорочная душа?!

— Глупышка!—засмѣялся отецъ.—Ничего, Богъ поможетъ: скоро я, можетъ быть, обернусь, свое дѣло начну и безъ найденнаго золота. Сперва буду хотя съ Ининымъ ходить. Одного верблюда купить бы Богъ помогъ. Ты, пожалуй, права. Жизнь не легко достается съ такимъ хозяиномъ, какъ мой, а мать замоталась въ работѣ. Но говорю: за все—Богъ!

Его глаза съ печальной покорностью взглянули на небо.

— Вотъ тутъ жди хозяйскаго приказа. Глушь... скоро сухари выйдутъ!—говорилъ онъ грустно.—Велѣлъ отправляться, гналъ изъ дому раньше времени, а самъ приказалъ ждать на полпути... а теперь Лошаковы, что вчера проѣхали (тоже скорѣе людей хочутъ добраться!), говорятъ—развѣ недѣли черезъ двѣ будетъ. Оно для тебя то хорошо: подышешь въ волю: ишь, какая стала худенькая! Мать велѣла беречь тебя, а я взялъ и боюсь: ну, какъ караванъ заставитъ до мѣста провожать? Самодуръ! не поѣдетъ да и все. Тамъ товаръ пока обмѣнишь—придется тебѣ зазимовать со мною, а зима за горами—тоска одна!

— Ну, да не зря же онъ слово давалъ!—самъ себя ободрилъ отецъ и провелъ рукою по русой головкѣ дочери.

Честное и открытое лицо, спокойный голосъ и прямой взглядъ добрыхъ глазъ былъ у Павла Степановича Лопатникова. Лѣтъ 25 служилъ онъ у Чуйскаго купца Хранчевцева вѣрой и правдой, и старикъ цѣнилъ его. Но годъ какъ умеръ онъ, а молодой хозяинъ уродился совсѣмъ не похожимъ на отца. Деспотичный, грубый, самодуръ—онъ изводилъ служащихъ, и, если бы не семья, Павелъ Степановичъ давно бы ушелъ отъ него. Но семья связала приказчика по рукамъ и ногамъ: четыре дочери „на выданьи“, два сына, которыхъ приходилось учить, и

Таня, самая любимая младшая, которую семья нѣжила и баловала за кротость и красоту. Покойный Хранчевцевъ, ея крестный, училъ ее въ гимназіи Б., но сынъ разомъ оборвалъ отпускъ денегъ на ученье Тани.

— Старикъ блажилъ, а я не вознамѣряюсь!— сказалъ онъ грубо.—Коли богатъ, учи самъ, Степа-

...Таня, самая любимая младшая, которую семья нѣжила и баловала за кротость и красоту...

нычъ. Я этой дурацкой науки не понимаю. Сколь изъ-за нее порокъ вынесъ отъ покойника. А твоя дочь пусть лучше учится стирать да полъ мыть. Не съ твоей оравой за образованностью гнаться.

И пришлось взять дѣвочку, способную и умненькую, изъ гимназіи, потому что платить за нее не было силъ. Но тѣ три класса, которые она прошла, рѣзко отдѣлили ее отъ семьи, и она, принявшаяся за домашнія работы, все же была барышней среди нихъ, впечатлительная, чуткая, ласковая и умненькая съ глубокими мыслями и цѣлымъ міромъ фантазій

Сестры смѣялись надъ ея дружбой съ Ургономъ, старымъ алтайцемъ, жившимъ по сосѣдству съ ихъ домикомъ въ селѣ, гдѣ жила семья, и откуда совершалъ свои вѣчныя поѣздки Павелъ Степановичъ, ходя на Чую съ хозяйскими караванами, ведя торговлю съ пограничниками и монголами. Въ эту зиму Таня, привыкшая жить въ городѣ въ тепломъ и уютномъ домѣ крестнаго отца, простыла въ собственномъ ветхомъ старомъ домикѣ и долго пролежала съ тяжелымъ плевритомъ, а весною еще дольше поправлялась, борясь съ упорнымъ кашлемъ. Докторъ, жившій въ селѣ, велѣлъ везти ее въ глубь Алтая, въ глушь, но отецъ не могъ взять ее съ начала лѣта съ собой: пришлось играть двѣ свадьбы старшихъ сестеръ, нашедшихъ себѣ жениховъ, и за безконечнымъ шитьемъ Таня совсѣмъ захирѣла. Но теперь, въ началѣ іюля, они тронулись, наконецъ, въ горы, минуя Чуйскій трактъ, которымъ обычно ходили при покойномъ Гервасіи Платоновичѣ. Старыми дорогами, заповѣдными и трудными тропами, вотъ уже два раза шли они при молодомъ хозяинѣ.

— Точно съ контрабандою!—шутилъ съ подручными приказчиками Павелъ Степановичъ.

— Дивлюся я на хозяина: зачѣмъ онъ все имѣніе препоручилъ дураку?!—говорилъ Онисимычъ, другой довѣренный Хранчевцева.—Всю жизнь умникомъ слылъ... Сына зналъ ужъ очень хорошо и по заслугамъ цѣнилъ, а нѣтъ вотъ оставилъ наслѣдство ему, а не Дарьѣ Митрофановнѣ съ Сонечкой. Прямо житья имъ нѣтъ, даромъ что мать и сестра родныя!

Таня глубоко сочувствовала женѣ покойнаго крестнаго и Сонечкѣ, 16-ти лѣтней дѣвушкѣ, такъ же, какъ и она, взятой изъ гимназіи неумолимымъ братомъ.

Сейчасъ, въ ясное утро она задумалась о нихъ, заглядѣвшись чудесными полными думы глазами на золото, сверкавшее ей изъ-за снѣговъ, и мысли неслись въ юной головѣ подъ тяжелыми косами, высоко положенными надъ нѣжнымъ лбомъ.

— „Туда бы... туда, если бы знать, что у меня

душа непорочная! Ургонъ говоритъ: „только дойти до золота и руки протянуть!“

— „Батюшка въ селѣ на ея вопросъ: „у кого бываетъ непорочная душа?“ сказалъ ей: „у добрыхъ дѣтей!“ и взглянулъ ласково ей въ лицо умными глазами. Можетъ быть и ея душа немного непорочна. Хорошо бы добраться туда, до сверкающихъ вершинъ!.. трудно—такъ что-же? за то мама не будетъ томиться и маяться, отецъ отдохнетъ, этотъ сѣдѣющій труженикъ, братъ Митя изъ городского проберется въ реальное: онъ такой способный! и Андрюша пойдетъ въ семинарію изъ катехизаторскаго. Тогда и сестра Анюта выйдетъ за Мишу Бутягина, котораго любитъ, а не станетъ, какъ старшія сестры, выходить за пожилыхъ вдовцовъ съ горькими слезами. Нѣтъ, правда, нужно это сдѣлать!.. Вотъ какъ пополдничаютъ и уснутъ мертвымъ сномъ въ самый жаръ, тогда и идти съ Соколкой!

— Соколка!—Позвала она огромную собаку овчарку.

Та поднялась и подошла къ ней.

— Соколка милый, пойдешь со мною? Ты добрый Соколка, хорошій мой, ты меня не бросишь одну!

И Соколка, ластился къ дѣвочкѣ и лизалъ ея руки. Онъ прискакивалъ и радовался чему то.

Павелъ Степановичъ подошелъ къ дочери.

— Пойдемъ-ка чай пить Танюша. Гляди—вьются Чемгулы... быть, однако, ненастью! А Діланъ [1]) посвистываютъ поминутно... ты осторожнѣе, дѣвочка: тутъ въ камняхъ діланокъ этихъ пропасть!.. пожалуй и окъ-діланъ есть [2]).

Выросшій въ предгорьяхъ Алтая, онъ хорошо зналъ языкъ его народа и привыкъ мѣшать русскую рѣчь съ алтайской, а Таня великолѣпно его понимала, сама отлично умѣя говорить по алтайски.

— Папа, а Одъ-эленъ (огненная трава) растетъ тутъ, если окъ-діланъ укуситъ?

---

[1]) Діланъ—змѣя.

[2]) Окъ-діланъ—мѣдянка.

— Одъ-эленъ?—задумался онъ.—Найти бы мнѣ ее, Танюша, я бы ее грызъ безпрестанно, еслибы отъ яда словъ хозяйскихъ она помогала, да не видывалъ я, милая, такой травы. Заботитъ меня погода... Здѣсь только дождь хлынетъ, такъ этотъ ручей тебѣ не узнать: потокъ будетъ широченный—не дай Богъ!

Къ нимъ подошелъ немолодой уже приказчикъ Онисимычъ и засмотрѣлся на горы.

— Смекаю я—проманежитъ насъ тутъ хозяинъ! Мѣсто тихое, верблюдовъ кормить есть чѣмъ... Онъ будетъ похохатывать себѣ. Это я передъ отъѣздомъ то къ нему пріѣхалъ за приказомъ, да и встрѣтилъ Сонечку... блѣдная такая, брови сдвинуты, поклонъ велѣла Танѣ сказать: „Скажи, говоритъ, Онисимычъ, Павлу Степановичу: пусть на отца не бѣднится!.. Ты —человѣкъ вѣрный... передашь ему слова мои... только троимъ вамъ и вѣру даю: тебѣ, ему, да Христофору Митричу. Не обидѣлъ Павла Степаныча отецъ, да пропало завѣщаніе... только найду я его, докопаюсь... не дамъ Ивану владыкой быть да надъ мамой и вами издѣваться!“ и торопливо такъ ушла.

Они заговорили про хозяина, а Таня быстро пила чай.

— „Надо будетъ хлѣба взять съ собой для Соколки, сухарей, лепешекъ... а я ягодъ тамъ нарву, поѣсть если захочется. Въ самомъ дѣлѣ, если хлынутъ дожди, тогда и не проберешься. Далеко ли эта гора? Я думаю—до нея версты двѣ... поѣду на Сивомъ, засѣдлать попрошу Тумчука: онъ любитъ говорить... спрошу его, далеко ли до бѣлковъ!“

И она, кончивъ чай, побѣжала къ верблюдамъ, мирно пасущимся въ боковой долинѣ.

Тумчукъ, типичный инородецъ, съ вѣчною трубкой въ зубахъ, лежалъ, положивъ голову на облитый солнцемъ камень, и щурился, какъ котъ. Она потрясла его за руку, заставляя открыть глаза.

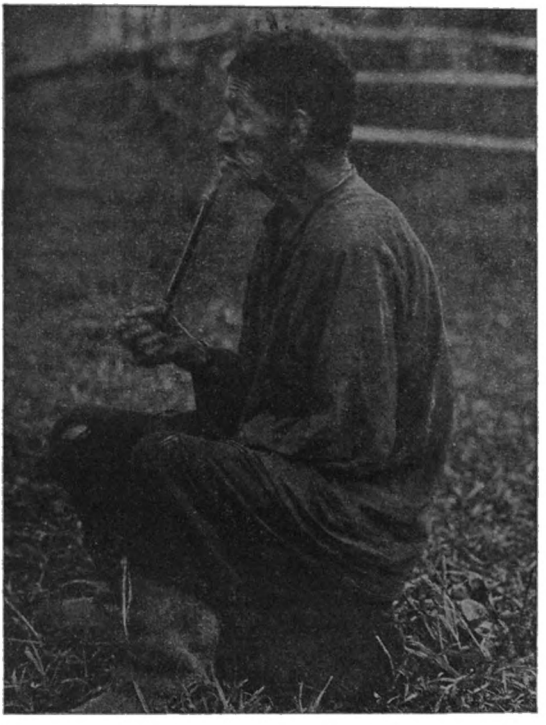
— Лошадь осѣдлать?—спросилъ онъ, приподнимаясь добродушно.—Стосковался, Таня?

— Пожалуй Сиваго осѣдлай, только не сейчасъ.

Скажи, Тумчукъ, далеко отсюда та гора?—указала она на снѣжную вершину.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ медленно.—Долина направо, налѣво, прямо и вверхъ... а тебѣ на што?

— Такъ!—опустила она глаза.—Хорошо тамъ?



...Тумчукъ, типичный инородецъ, съ вѣчною трубкою въ зубахъ...

— Высоко!—усмѣхнулся онъ.—Ты бѣлая карлагашъ... [1]) лети—погляди!..

Дѣвочка вспыхнула:

— Молчи, Тумчукъ... что ты говоришь!.. Туда не добраться!..

[1]) Карлагашъ—ласточка.

— Ну!—усмѣхнулся онъ шутливо, а буны [1]) забираются же! Поспорь съ Чемгуломъ: гляди, куда онъ взвился! точкой виситъ на небѣ, а отъ камней не далеко. Былъ бы я молодой, пошелъ бы кой-чечековъ нарвалъ тебѣ, (такъ алтайцы зовутъ бѣлую вѣтренницу и цвѣты Цыкламенъ). Любилъ лазать по горамъ, а теперь—старый... теперь лежу—верблюдовъ пасу.

— „Направо, налѣво, прямо и вверхъ!"—думала Таня.—„Всетаки попробую: хотя я и сержусь иногда на братьевъ, но, можетъ быть, у меня осталась хотя чуточка непорочной души. Попробую добраться туда. Папа долго пробудетъ здѣсь... я могу вернуться къ ночи. Будетъ безпокоиться, но я попрошу прощенья. Только бы скорѣе они легли отдыхать!"

И она ждала нетерпѣливая, волнуясь и шепча молитвы, а когда солнце поднялося высоко и залило самыя глубокія балки въ долинѣ, на осѣдланномъ Тумчукомъ Сивомъ смѣло и отважно пустилась въ путь сопровождаемая Соколкой.

— Ты не далеко, Тань?—спросилъ ее Тумчукъ.—Мотри, дороги не знаешь... плохо.

— Я туда!—неопредѣленно указала она впередъ прямо, гдѣ поднималась громада горы, залитая свѣтомъ.—Я вернусь.

Тумчукъ не замѣтилъ ея волненія: онъ опять, какъ утромъ, лѣниво щурился отъ солнца, да и Таня не въ первый разъ ѣздила днемъ. Самъ Павелъ Степановичъ спроваживалъ ее гулять, боясь, что дѣвочка соскучится сидѣть цѣлые дни у стана.

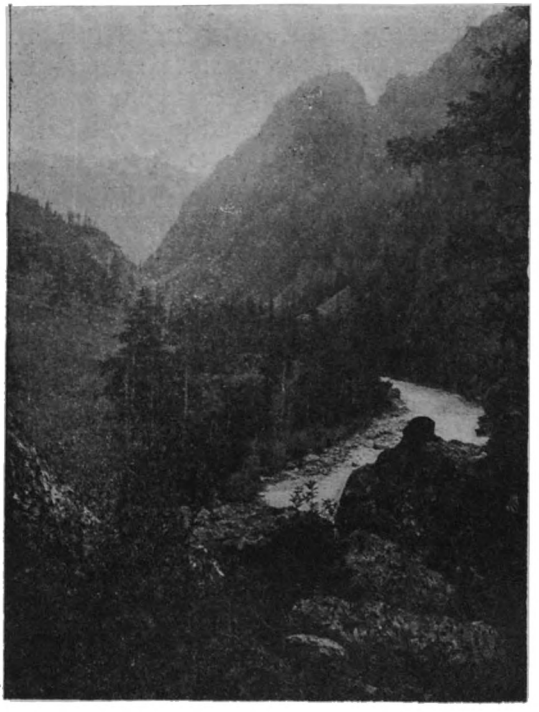
Сивый и Соколка весело бѣжали по берегу ручья туда, гдѣ долина поворачивала направо крутымъ поворотомъ; тутъ бѣжала извилистая горная рѣка. Таня переѣхала бродъ, черезъ который Сивый осторожно перенесъ ее. Быстро выпрыгнувшій на берегъ вслѣдъ за ними Соколка обдалъ брызгами Танины плисовые шаровары. Она перекрестилась, не обращая вниманія на собачій восторгъ, и подогнала Сиваго.

---

[1]) Бунъ—горный баранъ.

— Куда же? Налѣво рѣчка уклоняется, направо... неужели сюда, на перевалъ? Да, вотъ тутъ тропа... можетъ быть звѣри ходятъ тутъ?!

И тихо она принялась забираться туда, гдѣ межъ рѣдкихъ камней разрослися богато стройныя и пря-



... Гдѣ долина поворачивала направо крутымъ поворотомъ; тутъ бѣжала извилистая горная рѣка.

мыя сосны, охваченныя порослью чернолѣсья и кустовъ. Дальше было царство кузукъ-агашей, пустившихъ цѣпкіе корни глубоко межъ камней. Красныя спѣлыя ягоды агашъ-тіілекъ (малины) манили дѣтскіе глаза, большія и крупныя, но она поборола искушеніе и двигалась въ тишинѣ, царившей на перевалѣ, гдѣ только дружно щебетали карабарчікі (скворцы), да

таралджі (кедровки) звонко перекликались. Изъ-за деревьевъ не видно было низины. Тропа вилась по чащѣ, но вотъ рѣже стали кузукъ-агаши, точно отбѣжали они, давая свободу каменистымъ породамъ, къ которымъ сиротливо жалась узютъ-тімырыды (крушина), и темный аржанъ-эленъ [1]) вѣнками ложился на сѣрыя и желтыя скалы.

Заглушая пѣніе птицъ, откуда то пронесся новый звукъ, звукъ падающей съ высоты воды, и наконецъ, послѣ получаса труднаго пути, тропа вывела Таню на высоту перевала, гдѣ изъ за разрѣдившагося лѣса и камней она увидала глубокую, поросшую лѣсомъ, прекрасную долину, въ которую стремительно несся потокъ съ противоположной горной цѣпи. Вода летѣла черезъ скалы широкими каскадами, бѣлой и розовой отъ солнца пѣной неслась она съ радостнымъ грохотомъ въ сіяніи солнечнаго дня мимо строгихъ кузукъ-агашей и задумчивыхъ карагай (сосенъ). Таня остановила Сиваго и любовалась съ минуту этимъ потокомъ. Потомъ глаза ея внимательно осмотрѣлись, и она вскрикнула, увидавъ оснѣженную вершину завѣтной горы, значительно приблизившуюся и уходившую въ высь, точно желавшую заслонить небо. Но тропы къ спуску не было совсѣмъ, а растительность на этой сторонѣ перевала была значительно гуще, чѣмъ на сторонѣ подъема. Краснолѣсье перемѣшалось съ чернолѣсьемъ, и шипы толоно (боярки) больно кололи Сиваго, тихо и осторожно пробиравшагося къ спуску не прямо по тому пути, куда они перевалили, а повернувъ на востокъ,

И тутъ было много агашъ-тіілека (малины), но дѣвочка уже не думала о ней: гора приковала, точно гипнозомъ, ясные красивые дѣтскіе глаза, гора тянула неодолимо,

— „Нужно взойти туда и добраться до того мѣста, гдѣ Алтынъ-Ту сверкаетъ. Добраться и лечь на камни, что скрываютъ жилу изъ глазъ, лечь непорочной грудью на нее и сказать:

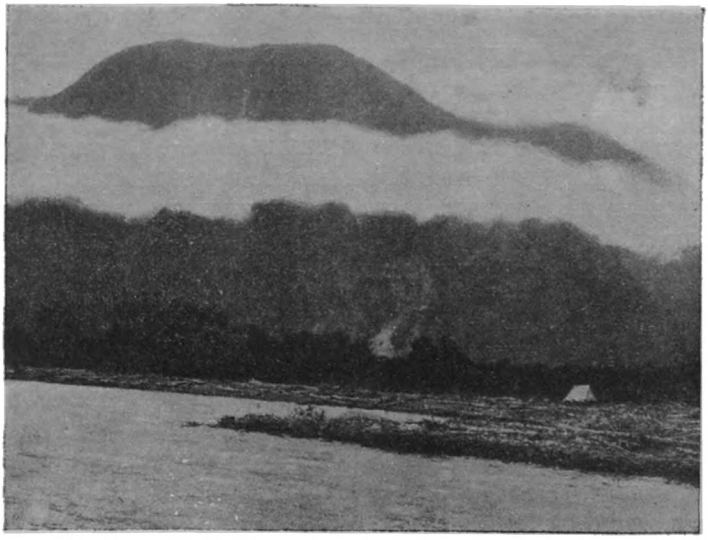
---

[1]) Аржанъ-эленъ—верескъ.

— „Ту [1]), мое сердце чисто, какъ твои снѣга. Оно болитъ за родныхъ, которымъ нужно золото. Открой свои жилы и дай непорочному сердцу рожденное въ чистыхъ снѣгахъ свѣтлое золото!“

„Такъ говорилъ старый Ургонъ“.

— Милый Сивый, вези меня скорѣе. Вонъ тамъ прямо она поднимается—Алтынъ-Ту стараго Ургона!



... Гора приковала, точно гипнозомъ, ясные красивые дѣтскіе глаза, гора тянула неодолимо...

И лошадь шла въ сіяніи дня, ушедшаго за полдень. Она осторожно наискось опустилась съ перевала и также осторожно пошла по берегу потока, стремительно падавшаго съ каскадовъ идущей уклономъ книзу долины.

— „Прямо!“—Горѣло въ умѣ Тани. Она не побоялась брода глубокаго и опаснаго. Она безъ страха миновала его и очутилась у подошвы горы, строгими

[1]) Ту—гора.

уступами поднимавшейся въ высоту. Тутъ, на днѣ долины, было полутемно и сыро. Шумѣли ручьи въ густой заросли подъ нависшими сводами деревьевъ, и трудно было рѣшить, гдѣ нужно подниматься. Да можно ли лошади овладѣть эти уступы? Нѣтъ: сразу круты, недоступно круты для нея были они.

Таня слѣзла съ Сиваго и обняла его шею.

— Можетъ быть ты подождешь меня?—спросила она неувѣренно и невольно улыбнулась надъ собою.

Сиваго нельзя было привязать: его могъ съѣсть абшакъ [1].—„Нѣтъ, пусть онъ пасется тутъ на волѣ“.

— Впередъ, Соколка!

И съ Соколкой она, перекрестившись, полезла на камни, поднимаясь все выше и выше. Ей казалось, что она шла ужасно долго, и, выбравшись изъ лабиринта камней и поросли, она взглянула внизъ, въ долину, гдѣ оставила лошадь. Та была совсѣмъ близко, тутъ, подъ ногами. Задумчивая долина, казалось, отстояла въ двухъ шагахъ.

— „Неужели они съ Соколкой преодолѣли только первые уступы? Да! Но тутъ будетъ лучше идти: вотъ тропинка... совсѣмъ даже хорошо. Теперь все прямо... здѣсь и Сивый свободно бы пошелъ. Ахъ, Господи, и солнце какъ низко опустилось! Неужели она сегодня не достигнетъ вершины? а еще хотѣла вернуться къ вечеру. Надо покормить Соколку и въ путь, впередъ, безъ отдыха туда, гдѣ цвѣтутъ койчечеки, и потоки рождаются изъ подъ снѣговъ. Хорошо, что кофточку взяла теплую надѣть сверхъ мужской рубашки: теперь жарко, а тамъ будетъ холодно. Вонъ она... вонъ куда ушла... ахъ, какая высокая эта Алтынъ-Ту!“

Дѣвочка покормила Соколку, съѣла сама кусокъ лепешки и опять съ новой энергіей стала взбираться съ уступа на уступъ, преодолѣвая то крутыя и едва доступныя скалы, нависшія надъ ранѣе пройденными, то идя по мягкимъ травамъ и мхамъ. Свободно забираясь прохладными котловинами, она уходила все

---

[1]) Абшакъ—медвѣдь.

выше и выше, и небо казалось ближе и доступнѣе, это теплое синее небо! Кончились рѣдкіе караган, ушли въ низину кузукъ-агаши... только аржанъ-эленъ вился по камнямъ—темнозеленый, душистый,—обвивая ихъ, какъ братъ. Круче стали скалы, и отъ взгляда внизъ кружилась голова. Солнце разомъ потухло, но закатъ горѣлъ долго. Силы оставили Таню, и она сѣла между камней, повитыхъ аржанъ-эленомъ. Подъ ея ногами былъ дивный видъ: цѣлое море горъ и лѣсовъ уходило во всѣ стороны догоравшаго заката, сверкали ленты водопадовъ, рѣки прятались во мглу, начавшую заполнять долины, но на синевѣ неба ясными чистыми линіями поднимались строгія вершины. Вонъ на право, какъ большое зеркало, лежало озеро, тамъ въ полугорѣ чуть намѣтился аилъ, а вдали небо сходилось съ дальними оснѣженными цѣпями горъ.

Первыя звѣзды заблестѣли въ вышинѣ. Тутъ въ высотѣ никакіе звуки не рождались. Живой міръ былъ внизу. Только ящерица зашуршала, пробираясь между камней: она задѣла сухой мохъ, и, сама испуганная, скользнула въ расщелину. Тамъ внизу была земля съ ея суетою, міръ полный шума и жизни. Здѣсь воздвигались Божьи алтари, далекіе мірской суеты, покрытые чистыми, какъ кристалъ, снѣгами.

— „Вонъ и лампады!“—подумала Таня.—„Какія большія звѣзды. Тамъ, внизу, они гораздо меньше кажутся!“

Ей не было жутко. Нѣтъ. Только мысль объ отцѣ томила сердце.

— „Милый, бѣдный папа. Тумчукъ напугаетъ его еще... но за то, если“...

Она печально задумалась.

— „Все дѣло въ праведной душѣ. Господи!—поднялись къ небу большіе глаза,—милый, добрый, мнѣ вѣдь немного надо. Сокровища пусть остаются другимъ. Ты, Господи, видишь мою душу... можетъ быть въ ней будетъ хоть чуточка непорочности для моихъ родныхъ?!.“

Она не помнила, какъ заснула тутъ, между кам-

ней, прижавшись къ Соколкѣ, и мѣсяцъ, поздно поднявшійся и обливший грустнымъ свѣтомъ задумчивыя горы, навѣрно, изумился, увидавъ недалеко отъ пояса снѣговъ красивое личико дѣвочки, прижавшейся къ мохнатой собачьей шеѣ. Черты его были кротки и грустны. Уснувшая съ молитвой, и во снѣ она, можетъ быть, продолжала ее.

... Розовые туманы ползли по камнямъ; изъ этой пелены: точно острова на морѣ, выглядывали вершины горъ...

Розовые туманы ползли по камнямъ; изъ этой пелены, точно острова на морѣ, выглядывали вершины горъ. Таня проснулась отъ холода и поспѣшно натянула на себя кофточку, прижалась къ Соколкѣ, глядя на востокъ туда, гдѣ надъ снѣгами пламенемъ разливалась заря. Можетъ быть за вершинами уже взошло солнце, но она, заслоненная каменной громадой, не могла видѣть его и, преодолѣвая истому, усталость и сонъ, Таня вдругъ поднялась рѣшительно впередъ.

— На, Соколка, поѣшь!—вынула она изъ ручного мѣшка послѣдній хлѣбъ.—И скорѣе: намъ еще много надо пройти!

Въ свѣтѣ все разгоравшейся зари дѣвочка и собака миновали послѣдніе уступы. Тутъ кончилась растительность; камни и снѣгъ были впереди. Путь становился ужасенъ: глубокія расщелины, казалось, уходили въ нѣдра земли; изъ подъ нихъ вырывались потоки черные на бѣломъ снѣгу. Толстымъ пластомъ точно ползли по скатамъ оснѣженные льды. Воздухъ былъ холоденъ и рѣзокъ, а дѣтскія ноги неутомимо поднимались впередъ. Карабкаясь съ уступа на уступъ, обдирая пальцы рукъ до крови, Таня шла къ своей цѣли.

Соколка, жалобно воя, отсталъ отъ нея: онъ страшился преодолѣть то, что могла она. Онъ не могъ лѣпиться на выбоинахъ камней, за которыя хватались окоченѣвшіе тонкіе пальчики.

— Ахъ!—вскрикнула вдругъ Таня ослѣпленная. —Ахъ!

Ослѣпительный блескъ снѣга, засверкавшаго всѣми цвѣтами радуги, ослѣпилъ ее на мигъ. Точно разомъ разорвалася дымчатая пелена тумана, и дивный Божій міръ предсталъ предъ дѣтскими глазами, тамъ, далеко внизу,—міръ, надъ которымъ она царила въ высотѣ, доступной чумгуламъ и бунамъ... она—такая крошечная, ничтожная, совсѣмъ затерянная среди льда и камней! Съ невольнымъ восхищеніемъ Таня глядѣла внизъ на горы, облитыя розовымъ свѣтомъ, на узкія ленты рѣкъ и чудное вѣчное небо, необыкновенно чистое и глубокое тутъ въ высотѣ.

— „Гдѣ же жилы? Тутъ все блеститъ, какъ золото. Вонъ та скала. Да, вѣрно... тутъ начинаются золотыя породы. Нужно обнять ее и сказать... Почему это кружится голова и въ ушахъ точно шумитъ? Кровь изъ носа! Ничего, это пройдетъ... Еще немножко“.

Ноги скользятъ и обрываются, но скала тутъ:

могучимъ выступомъ выдвинулась она. Дѣвочка тонкими худенькими руками охватила холодные камни.

— Ту! мое сердце чисто, какъ твои снѣга. Оно болитъ за родныхъ, которымъ нужно золото. Открой свои жилы и дай непорочному сердцу, рожденное въ чистыхъ снѣгахъ свѣтлое золото!

Торжественно пролетѣли ея слова въ высотѣ и слабымъ эхомъ пронеслись между снѣговъ и камней. Въ величавой тишинѣ безъ отвѣта осталась дѣтская просьба и жуткое чувство сомнѣнія, похожее на отчаяніе, родилось въ смѣломъ сердцѣ: оно не было непорочно, къ чему былъ весь трудъ? Алтынъ-Ту не приняла ея просьбы. Нужно идти назадъ и не принести ничего отцу и семьѣ.

Тихо и горестно плача, она еще разъ осмотрѣлась кругомъ на чудную красоту Алтайскихъ горныхъ цѣпей. Она не могла любоваться ими, полная своего горя, и тихо начала спускаться съ холодныхъ и скользкихъ скалъ туда, гдѣ далеко внизу вылъ Соколка. Но силы оставили ее: не было болѣе энергіи, не хотѣлось бороться съ усталостью, и на первой же площади за поясомъ снѣговъ она безъ чувствъ упала около камней, повитыхъ аржанъ-эленомъ.

* * *

Павелъ Степановичъ измучился отъ безпокойства во весь томительный день.

— Да куда она уѣхала?—разспрашивалъ онъ Тумчука.

— Скоро обѣщалъ вернуться Тань!—убѣдительно говорилъ тотъ.—Ты не бойся, хозяинъ.

Но къ вечеру не только Павелъ Степановичъ, но и весь станъ всполошился, видя, что дѣвочка не вернулась. Тогда взволновался и Тумчукъ.

— Та это она на Ту, на кору пошла. Она спрашивалъ, какъ идты, а я сказалъ, направо, налѣво и прямо вверхъ. Ай, ай!

Павелъ Степановичъ поблѣднѣлъ. Онъ раздѣлилъ своихъ людей, оставивъ караванъ подъ присмотромъ

Онисимыча, взялъ съ собой Тумчука и подручнаго, на наскоро осѣдланныхъ лошадяхъ быстро пустился въ путь, предварительно заѣхавъ въ аилъ, недалеко лежащій у озерка, и взялъ тамъ охотника Таргына въ проводники.

Съ возможной поспѣшностью они ѣхали ночь и наткнулись на Сиваго уже тогда, когда солнечные лучи брызнули въ долину.

— Надо на гору. Она на гору ушла. Вѣдь это горе!—говорилъ спутникамъ Павелъ Степановичъ.— Ночь на горѣ съ ея то здоровьемъ!.. Поди напугалася... Слава Богу, что еще Соколка съ нею. Боже мой, то то она все твердила о золотѣ... сбилъ съ толку ее Ургонъ сумасшедшій.

— Ты, Таргынъ, поѣдемъ со мною. Она поднялась гдѣ нибудь тутъ недалеко. Лошадь не пошла черезъ бродъ назадъ... надо искать.

— И я,—сказалъ Тумчукъ,—пойду на Ту... пусть Алексій останется съ конями. Ты съ Таргыномъ, хозяинъ, въ одну сторону, а я—въ другую. Хорошо будетъ такъ.

И они пошли взбираться на гору. Но то, что давалось ребенку легко, они преодолѣвали съ трудомъ. Павелъ Степановичъ хотѣлъ бросить поиски совсѣмъ и подняться съ другой доступной стороны, но въ эту минуту гдѣ то въ высотѣ раздавшійся чуть слышный сабачій вой поразилъ его слухъ.

— Соколка!

И никакія преграды больше не останавливали отца.

Таня очнулась, согрѣтая солнцемъ. У нея болѣла голова, и ее шатало изъ стороны въ сторону, когда она поднялась. Но мысль объ отцѣ больно ударила по сердцу.

— Скорѣе внизъ, туда теперь легче идти.

Аржанъ-эленъ и кусты Узютъ-тімырыды помогали дѣлать спускъ быстрѣе: держась за нихъ, она сползала по камнямъ и вдругъ вспомнила своего четвероногаго друга.

— Соколка, Соколка!

Слабый крикъ понесся по горѣ тихимъ эхомъ.

— Соколка, Соколка!—заговорили камни.

А оттуда, изъ низины, уже гулкое эхо донесло до нея радостный крикъ:

— Танюша, Танюша... мы тутъ!

— Слава Богу!—собрала она послѣднія силы, но добравшись до первыхъ кузукъ-агашей, безъ силъ опустилась подъ ними, и только слабые крики ея неслись отъ времени до времени, повторяемые эхомъ.

— Папа, я тутъ. Я тутъ, папа!

* * *

На стоянку они вернулись уже тогда, когда потухла вечерняя заря, и изъ лѣсу потянуло холодкомъ. Отецъ далъ Танѣ отдохнуть и уснуть въ волю. Она со слезами передала ему о своемъ разочарованіи, а онъ радостный, что нашелъ ее, обласкалъ и успокоилъ дѣвочку, и теперь она уже смѣялась надъ шутками отца, радовавшагося, что она жива, здорова и невредима, съ затаенной грустью оглядываясь на тонувшую въ сумракѣ ночи Алтынъ-Ту, такъ негостепріимно принявшую ее на своей вершинѣ.

На стану ихъ ждали. Ярко пылали костры и, пристально взглянувъ зоркими глазами еще издали на станъ, Павелъ Степановичъ, свистнувъ, сказалъ Алексѣю:

— Должно быть нагоритъ за отлучку: хозяинъ пріѣхалъ. Я вижу вьюки и Христофора Митрича.

Христофоръ Митричъ всегда сопровождалъ стараго хозяина. Онъ сумѣлъ стать необходимымъ и молодому. Всѣ дивились этому, потому что неподкупно правдивый старикъ былъ строгъ и рѣзокъ, но хозяинъ терпѣлъ его около себя.

Видя его фигуру на фонѣ костровъ, Павелъ Степановичъ справедливо заключилъ, что и хозяинъ долженъ былъ быть тутъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ онъ ближе подъѣхалъ къ стану. Кони заржали, при-

вѣтствуя товарищей, и радостный, возбужденный выскочилъ на встрѣчу Онисимычъ.

— Слава Богу, нашли Танюшку, а мы тутъ сколь горевали съ Христофоромъ Митричемъ о ней... онъ утречкомъ подъѣхалъ съ вѣстями. Ну и вѣсти, Павелъ Степановичъ. Отъ хозяйки приказъ вамъ обратно вернуться... нарочно послала человѣка вѣрнаго. Мнѣ —на Чую, а вамъ—домой. Тамъ такія дѣла... Да вы слѣзайте.

— Таничка, неужто на гору забиралась? Господь то за всѣхъ! Може старый Ургонъ и не зря болталъ: вѣдь не ранѣ—не послѣ.

— Да что ты? Ничего не пойму!—спѣшился Павелъ Степановичъ, снимая дочь съ сѣдла и здороваясь съ Христофоромъ Митричемъ.—Какія дѣла? А хозяинъ гдѣ?

— Хозяина нѣтъ: есть хозяйка Сонечка, а опекунша мать—Дарья Митрофановна!—торжественно сказалъ Христофоръ Митричъ.—Сонечка меня за тобою послала: нуженъ ты ей, Павелъ Степановичъ... обоимъ намъ дѣла по горло будетъ... и скорѣе поѣдемъ. Меня отпустила для убѣжденія: „не повѣритъ, говоритъ, Степанычъ, что чудеса у насъ совершились, если тебя не пошлю... съ караваномъ Онисимычъ одинъ управится“.

— А все наука. Не будь она ученая, никогда бы ей не докопаться до секрета. Какъ Иванъ уйдетъ, она въ кабинетъ; у отца рылась сначала, всѣ комодки взяла въ бюро и шкафы. Потомъ попустилася, уже горе ее брало, а сама мнѣ говоритъ: „было завѣщаніе форменное!“

— Ну, Павелъ Степановичъ, а послѣ тебя на третій день послѣ отъѣзда вашего нашла она его... а все черезъ науку!

— Ахъ, ты—чудеса!—развелъ руками Павелъ Степановичъ.

— Вотъ и чудеса!—усмѣхнулся тотъ:—Книги,—знашь сколько ихъ!—на чердакъ сфурилъ, а Соня одну по одной, одну по одной да къ себѣ ихъ въ комнатку. Учиться не даетъ Иванъ, отъ себя не пу-

скаетъ... читать только и радости!.. да невзначай въ книгѣ одной завѣщаніе то и нашла. Умница наша! Сохранила его отъ Ивановыхъ глазъ жадныхъ. Ну, Сонечка взяла книгу да къ адвокату Порхову знакомому, а тотъ съ полиціей къ Ивану. Оказалось, что у чиновника Горнаго, пріятеля старика,—знаете? хорошій „пріятель“, нечего сказать!—копія хранилась, да Иванъ ее купилъ. Вотъ негодяй то! Самъ же и сознался: „это, говоритъ, онъ подлецъ, душа продажная вамъ выдалъ... сжечь обѣщалъ!“—ну, всего тутъ напоролъ при чинахъ... подъ уголовщину себя и того подвелъ! А по завѣщанью то выходитъ—ему заводъ мыловаренный да кирпичный и пятнадцать тысячъ, а остальное: и капиталъ, и дома, и торговля, все—Сонечкѣ да матери. И мы съ тобою и другіе, Павелъ Степановичъ, не позабыты: обоимъ по пяти тысячъ за вѣрную службу и рекомендація Сонечкѣ держать насъ, какъ вѣрныхъ слугъ, а также и Танѣ твоей три тысячи на приданное да заказъ воспитать по возрасту лѣтъ. Онисимовичу двѣ тысячи, молодцамъ —по триста рублей... да всѣмъ, всѣмъ!!.

— Тебѣ еще, Павелъ Степанычъ, отказанъ домикъ около собора; постоянно велѣно быть при наслѣдницѣ, мнѣ въ помощь. Иванъ же—фью... Катнулъ изъ города на свой заводъ, пока судъ да дѣло будетъ. А Соня принялася за дѣла. Велѣла тебѣ сейчасъ же ворочаться и Таню везти!

Таня слушала, широко открывъ глаза; при свѣтѣ костровъ, въ тишинѣ лѣса эти рѣчи звучали для нея сказкой, нежданной и новой, прекрасною сказкою!

— „Да, золотая Ту раскрыла свои сокровища, открыла жилы не такъ, какъ она думала... правда, не такъ... но такъ или иначе, а то, о чемъ она грезила, пришло, это золото, желанное золото, о которомъ она мечтала. Значитъ не напрасно провела тамъ ночь, не напрасно добралася до холодной вершины!“

— Папа!—зазвенѣлъ ея голосъ.—Милый, хорошій, вѣдь правду говорилъ старый Ургонъ! Пусть это не такъ, не жилы открылися, но золото пришло, такъ нужное для васъ золото. Я такъ боялась, папочка,

что не имѣю даже чуточку непорочной души, но Господь очень добръ, Онъ далъ мнѣ непорочности.

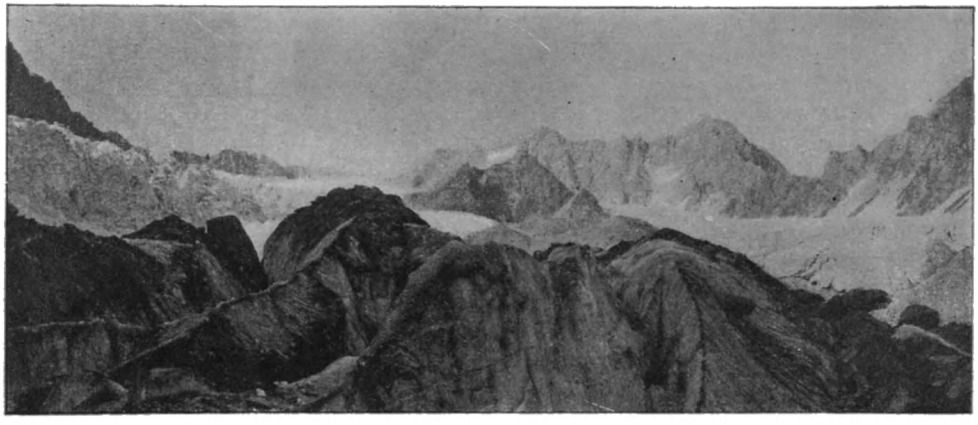
Христофоръ Митричъ немного изумленно смотрѣлъ на дѣвочку, но Павелъ Степановичъ объяснилъ ему ея мечты. Они подошли къ кострамъ и сѣли на

...и тихо, точно на стражѣ, стояли старые великаны Кузукъ-агаши, спускаясь съ причудливыхъ уступовъ...

отдыхъ, въ живомъ разговорѣ передавая другъ другу событія послѣднихъ дней. Таня отошла отъ нихъ; она свистнула Соколку и поднялась на камни повыше, гдѣ при свѣтѣ восходящей луны была виднѣе Алтынъ-Ту.

Гора стояла задумчивая и безмолвная, строго очерненными контурами рисуясь на темномъ небѣ. Вѣчные снѣга блестѣли на ея вершинѣ тамъ, гдѣ рождались

потоки, и золотыя жилы уходили въ глубину земли. Лѣсъ въ безмолвномъ почтеніи отбѣжалъ отъ ея вершины и тихо точно на стражѣ, стояли старые великаны кузукъ-агаши, спускаясь съ причудливыхъ уступовъ и опоясывая гору кругомъ. Здѣсь въ долинахъ они были царями, властно поднимаясь отъ земли, одѣтые вѣчною зеленью. Имъ принадлежала эта прекрасная земля чудной страны, гдѣ горы могли отдавать сокровища людямъ, и люди всегда любоваться



... Въ Алтаѣ такъ много чудесъ... Онъ самъ чудо, огромный, сверкающій снѣгами недоступныхъ вершинъ, съ тихими долинами и стройными пиками горъ.

ими, ихъ совершенной красотою, слушать шелестъ лѣсовъ и говоръ ручьевъ и рѣкъ.

Въ душѣ Тани поднималась восторженная нѣжная молитва. Она не похожа была на обычныя молитвы міра, но она была чиста и свѣтла, какъ душа ласковаго ребенка, изъ любви къ роднымъ не побоявшаяся опасностей пути, глетчеровъ Ту и звѣрей.

Синяя, душистая Алтайская ночь, немного холодная и торжественно тихая, разбросала звѣзды. Гудѣли только дальніе водопады, да рокоталъ ближній ручей, и Таня поняла, что безумно любитъ этотъ міръ, задумчивый, дѣвственно прекрасный и чистый, отъ

котораго такъ далека была людская злоба, поняла и благословила его всѣмъ сердцемъ, полнымъ свѣтлой ликующей радости.

И ея отецъ тоже заглядѣлся на Ту, облитую луною. Онъ думалъ о злѣ человѣческомъ, думалъ о годѣ кабалы и тоски, думалъ объ отважномъ дѣтскомъ сердцѣ, и его собственное сердце тоскливо сжалось при мысли о прошлой ночи, когда тамъ, подъ снѣгами горнаго великана, его дочь нашла пріютъ въ камняхъ горы, на которую пошла изъ любви къ нимъ. Гора была добрѣе людей. Можетъ быть Божіи ангелы ходили тамъ недоступными тропами по чистымъ снѣгамъ и охраняли ее. Его дѣвочка осталась цѣлой и невредимой, и Господь нашелъ его Своей милостью ради ея непорочнаго сердца. Да, не даромъ говорятъ, что вѣра ворочаетъ горами. Сказки стараго Ургона сбылись неожиданно. Въ Алтаѣ такъ много чудесъ. Онъ самъ чудо, огромный, сверкающій снѣгами недоступныхъ вершинъ, съ тихими долинами и стройными пиками горъ, съ быстрыми рѣками и синими озерами!

— Милый, любимый красавецъ Алтай!

И Павелъ Степановичъ долго сидѣлъ въ тишинѣ ночи, забывъ все и отдавшись созерцанію, полный воспоминаній о добромъ Гервасіи Платоновичѣ, съ кѣмъ онъ проходилъ сотни разъ по этому краю, который они оба крѣпко и глубоко любили.

.... Милое доброе лицо... Саша любила его и эти темные глубокіе глаза, смотрѣвшіе поверхъ очковъ...

Дѣдушкина внучка.

I.

Милое, доброе лицо. Саша любила его и эти темные, глубокіе глаза, смотрѣвшіе поверхъ очковъ, и ласковую улыбку. И онъ любилъ шаловливое личико, неправильное, но миловидное, и ясные глаза, сѣросиніе, чистые, удивленно и весело глядѣвшіе изъ подъ густыхъ кудрей.

— Ну, сорока, пришла? Что, принесла письмо алтайскому дѣдушкѣ? нѣтъ? Ахъ, ты, лѣнтяйка! тащи стулъ, такъ... вмѣстѣ работать будемъ... пиши же.

— „Милый дѣдушка. Я твоя городская внучка очень тебя люблю и посылаю тебѣ поклонъ съ архіереемъ“.

— Ишь, знаетъ, какъ меня зовутъ,—пробѣжалъ онъ ея каракульки.—„Архіерей“, ахъ, сорока, ахъ, каракульщица! вотъ, привезу къ дѣдушкѣ письмо и скажу: „Это внучка-сорока лапкой нацарапала“. Ишь, смѣется... зачѣмъ смѣешься? а?

А Саша смѣялась звонко, весело, и доброму, красивому архіерею нравился дѣтскій смѣхъ и ея личико, чистоеличико шестилѣтняго ребенка.

— Алтай большой?—спрашивала она серьезно.

— Огромный!—отвѣчалъ онъ.—Къ небу поднялся и въ стороны разбѣжался.

— А рѣки тамъ, говорятъ, красивыя?

— Рѣки бѣгутъ, спѣшатъ, съ горъ несутся.

— А лѣсъ?

— Твой отецъ тосковалъ о немъ, когда его, малышенка, привезли сюда... какъ тосковалъ! я боялся, что умретъ онъ, маленькая алтайская птичка. И теперь сердце у него на Алтай тянется за нами... а ты бы поѣхала, сорока?

— Поѣхала бы съ тобой и съ дядей,—трясла она въ увѣреніе кудрями.—Непремѣнно поѣхала бы.

— И поѣдешь, погоди. Тамъ у тебя два дѣдушки, тетки и дяди, вся родня, и весь Алтай съ Ханъ-Алтаемъ—твой родной по отцу. Ну, что ты смотришь тамъ? Ужъ и писать бросила, лѣнивица!

— Это у меня большая книга, я тебѣ показать принесла. Мнѣ ее дядя вчера подарилъ; хорошая, смотри: тутъ—Роландъ... это у короля Карла рыцарь былъ; это, вотъ,—тыкала она пальчикомъ въ картинки,—я забыла, какъ ихъ зовутъ,—убили его. Ты спроси дядю, когда онъ пріѣдетъ, а теперь—пиши. Мамочка сказала мнѣ, когда ты за мной послалъ: „не мѣшай владыкѣ и сиди читай свою книгу!“ Пиши, пожалуста; я буду смирно сидѣть!

— А я не хочу смирно сидѣть!—шутилъ онъ.—Я хочу, чтобы ты мнѣ разсказала про то, что на картинкахъ. Это что?

— Это—Лиръ король. Его, знаешь? злыя дочери прогнали; а это—его дочь. Я забыла, какъ ее зовутъ!

которая его любила; а это—графъ одинъ, онъ замокъ туркамъ не отдалъ. Хорошо читать.

— Изъ міра великихъ преданій,—прочелъ красивый сѣдѣющій человѣкъ.—Хорошая книга. Ты любишь читать, сорока?

— Люблю; я сама выросту писать буду.

— Про Роландовъ?—засмѣялся онъ.—Теперь ихъ нѣтъ; а вотъ, ты, какъ выростешь, пиши-ка про Алтай, про его горы и долины, про его людей и меня вспомни, писательница!—поклонился онъ, смѣясь, дѣвочкѣ и, высоко поднявъ ее вмѣстѣ съ книгой, выпустилъ за дверь со словами:—Бѣги, завтра пришлю опять! Надо же переписать письмо къ дѣдушкѣ: вѣдь, это Богъ знаетъ, какія каракульки!

— Перепишу!—звонко отвѣтила она, попадая въ руки дяди, молодого красиваго діакона, который принялся ее укутывать для того, чтобы отнести домой.

Склонившись надъ письмами, красивый архіерей долго писалъ и, поднявъ усталую голову, улыбнулся, взглянувъ на дѣтскія каракульки на столѣ.

— Алтайскій дѣдушка едвали разберетъ, что моя писательница пишетъ!—сказалъ онъ и задумался о далекомъ больномъ старикѣ.

II.

Зимній короткій день кончался. Кудрявая дѣвочка, сидѣвшая теперь на окнѣ маленькой гостиной, глубоко задумалась, поднявъ голову и глядя поверхъ замерзшихъ стеколъ на тѣ звѣзды, что зажигались въ чистомъ морозномъ небѣ. На улицѣ холодало, а въ теплой комнаткѣ было тепло и уютно. Дѣтская фантазія унесла ребенка въ сказочную страну мечты.

— Тамъ далеко,—говорила ея фантазія,—дальше, дальше, гдѣ другія звѣзды свѣтятъ, поднимается Алтай. Высокія горы стоятъ такія, что уходятъ въ небо, какъ въ Ронсевальской долинѣ, гдѣ трубилъ рогъ Роланда, и вода падаетъ, бьется съ уступовъ. Что это, орлы клекочутъ? Да, дядя говорилъ, что

орлы такъ странно кричатъ... нѣтъ, это сестренка Лиза капризничаетъ. Не надо думать, что это Лиза... надо думать, что она—могучая птица сама. Вотъ бы, въ самомъ дѣлѣ, взмахнуть крыльями и высоко, высоко подняться изъ дома, выше мороза, летѣть, летѣть туда, къ далекому дѣдушкѣ, въ его домикъ въ горахъ. Дядя говоритъ: „онъ лежитъ, читаетъ и ду-

... *„Вотъ я, дѣвочка Саша. Ваша внучка!“*...

маетъ: съ нимъ тетя Оля и тетя Катя“. Она бы отворила дверь и сказала: „Вотъ я, дѣвочка Саша, ваша внучка; вы хотите меня увидѣть, дѣдушка? я прилетѣла, какъ птица, безъ ковра самолета“.

И путаются въ дѣтской головкѣ и горы, и орлы, и звѣзды. Милое лицо епископа Владиміра плыветъ передъ нею, улыбаясь изъ тумана, плыветъ и исчезаетъ все, только засыпающее ухо ловитъ какіе то звуки, и въ тишинѣ небольшой гостиной скоро слышится мѣрное дыханіе спящаго ребенка да скрипъ

полозьевъ за окномъ отъ часто проѣзжающихъ экипажей. Сашу уноситъ сонъ, теперь она видитъ далекую папину родину.

Вотъ, бьются рѣки, точно бѣлыя крылья, по уступамъ высокихъ горъ, исчезая среди зеленаго лѣса и опять появляясь, могучія, сильныя и красивыя, а лѣсъ темнозеленый, глубокій точно тянулъ въ свою

... она слушаетъ, и лица глядятъ на нее, странные уборы, одежды, юрты...

глубину, туда, гдѣ запрятались озера, и она, дѣвочка Саша, такая маленькая на спинѣ лошади среди горъ и лѣсовъ, она слушаетъ шорохи камней въ горныхъ рѣкахъ, шепотъ лѣса, грохотъ водопадовъ и гомонъ птицъ; она слушаетъ, и лица глядятъ на нее, странные уборы, одежда, юрты. Живое дѣтское впечатлительное сердце ловитъ всѣ звуки голосовъ, говорящихъ на невѣдомомъ языкѣ, и странное пѣнье. Вотъ ея лошадь пошла по горной тропѣ, высоко, высоко, чуть мерещится въ глубинѣ пропасть глубокая, дна которой не видно изъ за тумана, и вдругъ ло-

шадь оступилася, и Саша летитъ въ бездну съ громкимъ крикомъ.

— Господи!—сердилася бабушка.—Напугала до смерти: я думала—жулики въ окно лѣзутъ... ушиблася?

Она съ прислугой въ освѣщенной уже гостиной поднимала Сашу съ полу, большими недоумѣвающими глазами смотрѣвшую на ея лицо и еще не очнувшуюся отъ своихъ грезъ. Она такъ въ полуснѣ едва помнитъ, какъ ее унесли въ кроватку; и тамъ опятъ летятъ свѣтлые сны къ дѣтскому изголовью, красивые сны, которые потомъ въ жизни помнила дѣвочка Саша: и милое лицо епископа Владиміра, и алтайскаго дяди, и того далекаго дѣдушки, такъ и не увидавшаго ее, чье лицо представлялося ей улыбающееся и ласковое, какъ на портретѣ въ папиномъ альбомѣ.

III.

Сашенька росла страннымъ ребенкомъ, то шаловливая, рѣзвая, то тихая, задумчивая, по часамъ глядѣвшая куда то, забравшись въ уголокъ.

— Ты какая то „бя“ сегодня!—говорилъ, тряся ее за руку, братъ Колька.—Иди, играй.

Но и его слова оставалися для нея пустыми звуками, а Колька, осердясь, убѣгалъ отъ нея.

Дѣвочка грезила и, забывая дѣйствительность, уходила въ міръ прочитаннаго, и ее окружали герои дѣтской фантазіи. Иногда ей хотѣлося бредить на яву, тогда на помощь являлися бабки изъ коровьихъ ногъ, которыхъ у Кольки были цѣлые запасы, и бабушкина старая ангорская шуба: ее разстилали въ дѣтской на полу, Сашенька садила около себя четырехлѣтняго Кольку и трехлѣтнюю Лизу и начинала фантазировать.

— Тихо бредетъ о. Менрадъ,—говорила она, проводя по мягкому мѣху шубы бабку,—старый капелланъ капеллы замка рыцаря Ролана. У о. Менрада умное лицо и добрые глаза. Сарацины же знаютъ, что крестоносцы скрываются въ долинѣ, что двухъ—

рыцаря и молодого пажа—пріютилъ у себя старый капелланъ, таившійся въ ней, чтобы спасать погибающихъ, но злодѣй Ганно выдалъ ихъ. Глядите: черный ползетъ, крадется и ведетъ къ убѣжищу своихъ друзей, которымъ измѣнилъ сарацинъ. А о. Менрадъ обмываетъ раны бѣднымъ, которые сражались за Іерусалимъ. Видите, вотъ Арнопатъ и пѣвецъ, онъ любитъ рыцаря Фредерика, который выздоравливаетъ; у него глаза, какъ у орла, у пажа Арно, онъ видитъ далеко и внизу примѣтилъ, какъ колеблются кусты.

— „Спасайтесь"—говоритъ онъ Фредерику и Менраду.—„Спасайтесь. Я останусь тутъ: мои раны смертельны".

Но они не хочутъ уйти.

— Для гроба Господня иди!—кричитъ она властнымъ голосомъ отъ лица маленькой бабки, болѣе толстой и старой, плохо очищенной отъ студня, изображающей о. Менрада, и ея слова звучатъ убѣдительнымъ приказаніемъ.

О. Менрадъ не хочетъ уйти, но рыцарь со слезами цѣлуетъ пажа.

— „Я пойду и буду воевать, Арно, но мнѣ никогда уже не получить такого друга, какъ ты".

— „Иди, иди, Фонъ-Эйнхфельсъ".

А сарацины—ближе... вотъ, вотъ!

Затаивъ дыханіе, ребятишки—хорошенькій Колька и капризная Лиза—слѣдятъ за приближеніемъ цѣлой колонны потемнѣвшихъ бабокъ, а бабка Арно голосомъ восьмилѣтней Сашеньки поетъ речитативомъ, импровизируя:

— „Меня не устрашатъ угрозы: уйду я къ Господу моему... о. Менрадъ, благослови!"

Свѣжій, чистый, какъ колокольчикъ голосокъ яснымъ звукомъ касается дѣтскихъ сердецъ. Колькины глаза полны слезъ, только Лиза безучастно наблюдаетъ за сарацинами.

— „И я, мой сынъ, и я умру за Господа святого!"

Саша видѣла съ крестной „Аиду" на сценѣ, цѣлый рядъ оперъ, гастролировавшей у нихъ эту зиму труппы очень хорошей, прошелъ передъ нею, она уло-

вила мотивы, интонаціи голосовъ, жесты и мрачнымъ голосомъ поетъ за своего вождя сарацинъ измѣнника Ганно.

— „Сдавайтесь, близится вашъ часъ,
Я предалъ васъ, я предалъ васъ!“
— „Мнѣ жаль тебя“—поетъ Арно.
„Твоя душа погибнетъ.
Честь тѣмъ, кто борются за дѣло,
Святое дѣло, за Христа;
Моя душа чиста: убей,
Я не боюсь твоихъ смертей!“

Сашенька вошла въ роль, она сама всей душой вселилась въ бабку Арно.

— „Молись!“—кричитъ Ганно.
„Умрешь ты
И старикъ служитель Бога!“

И, сложивъ руки, поетъ:

— „Господи, дай мнѣ смерть;
Я не могу Тебя разлюбить.
Боже мой, Тебя я молю!“

И быстро начинаетъ сдвигать ряды бабокъ.

— „Мечъ пронзилъ юное тѣло,
Вотъ ужъ оно охладѣло;
Глядите, молится старый Менрадъ:
Смерти за Бога онъ радъ“.

И Менрадъ погибаетъ подъ рыданія Кольки; слезы бѣгутъ и по Сашенькиному милому личику, а рыцарь Фонъ-Эйнхфельсъ на бабкѣ-конѣ несется далеко, и это немного успокаиваетъ Кольку.

Лѣтомъ они всѣ эти игры устраивали въ огромномъ старомъ паркѣ, примыкавшемъ къ квартирѣ, туда приходили и посторонніе, привлеченные красотою тѣнистыхъ аллей.

— Пойдемъ, Вольфганъ!..—фантазировала Саша, обращаясь къ неразлучному съ нею Колькѣ, видя, что ими любуются.

И, взявъ за руку брата, хорошенькая нѣжная дѣвочка ходила, немного нахмуривъ бровки.

— Ты знаешь, намъ надо доиграть твою сонату, мой дорогой!—не смущаясь взглядами чужихъ, продолжала она.

Вѣдь, она же сейчасъ была матерью Вольфгана Моцарта, и что ей за дѣло до этой дамы и господина! они далеко, за границей, она и братъ; они не Саша и Коля Ланскіе сегодня!

И зрители улыбалися имъ: они часто видѣли дѣтей, и оригинальная дѣвочка нравилась многимъ.

— Сегодня ты кто?—спрашивали ее иной разъ.

— Сегодня? — задумывалась она.—Сегодня я— Миньона: вчера мама дала мнѣ книжку о Миньонѣ.

„Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ рдѣетъ померанцъ,
Гдѣ золотитъ лимонъ зари живой румянецъ,
Гдѣ вѣетъ тишиной съ безоблачныхъ небесъ,
Гдѣ мирта высока, и тихъ лавровый лѣсъ?
Ты знаешь ли его? Туда, мой другъ, туда
Хотѣла бъ я съ тобой умчаться навсегда!“

Она страстно любила стихи, быстро ихъ запоминала и декламировала съ чувствомъ и умѣньемъ. Ее какая то дама такъ и прозвала „Миньоной“, и это имя шло къ миловидному личику съ большими, загорѣвшимися мыслью, глазами и кудрявой головкой, и среди сутолоки городской жизни въ старомъ саду дѣвочка жила въ мірѣ фантазій, окруженная образами, взятыми изъ книгъ и оперъ, читанныхъ, слышанныхъ и видѣнныхъ ею.

IV.

— Владыку назначили сюда, пріѣдетъ скоро!— какъ то за обѣдомъ сказалъ папа.

И сердце Саши шибко забилося, вспомнивъ милое доброе лицо. Она ждала пріѣзда его, и, когда подъ звонъ колоколовъ прокатила его карета, дѣвочка убѣжала въ садъ и въ его глубинѣ разразилася потокомъ радостныхъ слезъ, а спустя дня три „Миньону“ повели къ архіерею.

Это было вечеромъ. Чудный день догоралъ, и окна блестѣли, какъ расплавленное золото, отъ отблеска заката. Старыя деревья архіерейскаго сада уже тонули въ сумеркахъ вечера, когда Саша съ отцомъ по высокой лѣстницѣ спускались туда. Она сразу и въ сумеркахъ узнала лицо епископа, а его умные ласковые глаза остановили на ней внимательный взглядъ.

... Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины полны свѣжей мглой...

— Да это кто, неужели сорока? какая большая! Теперь у сороки уже много ума, и она, навѣрное, не пишетъ каракулекъ... А дѣдушка, всетаки, такъ и не увидалъ этихъ глазокъ.

Ну, а пишешь ли ты теперь что нибудь?

Она мнѣ обѣщала писать книги, когда подростетъ!—пояснилъ онъ отцу.

— Ничего не пишу!—стѣсняясь отца, подняла она большіе глаза на своего любимца и потупилась.

— А Алтай тебѣ поклонъ прислалъ, ждетъ. Отправлю васъ съ папой зимою туда, дѣдушкѣ, поклонишься отъ меня, могилѣ его и бабушкиной. Тамъ тебя ждетъ дѣдушка другой, дядя папы твоего, и Алтай ждетъ... а завтра приди ко мнѣ за алтайскими гостинцами.

И поплыли красивые радостные дни. Короткіе часы досуга епископъ любилъ проводить въ саду съ ребенкомъ.

— Ну, пришла ко мнѣ, дѣвочка. Почему тебя, сказали мнѣ, „Миньоной“ зовутъ? развѣ ты по Алтаю тоскуешь?

Онъ, образованный и прекрасно владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, читалъ когда то въ подлинникѣ Гете, и дѣтскіе глаза поднялися на него съ нѣмымъ вопросомъ.

Понималъ ли онъ ее? могла ли она, чуткая, какъ мимоза, дома прятавшая свои мечты и мысли отъ семьи, кромѣ Кольки, подшучивавшей надъ ними, довѣрить ихъ этому милому старику? Она уже начала стѣсняться и чужихъ, передававшихъ не разъ о странныхъ выходкахъ ея папѣ и мамѣ.

— Ты тоскуешь о чемъ нибудь, а?

— Я не знаю, какъ сказать;—раздумчиво, но довѣрчиво сказала она.—Мнѣ кажется все иначе: я думаю, что живу давно, что я не Саша... а потомъ—такъ красиво думать и грустить.

— Вотъ ты какая!—поднялъ онъ рукою ея личико.—Ты и въ самомъ дѣлѣ Миньона! Тебѣ жизнь эта не кажется красивой, ты отъ обыденности сторонишься и замыкаешься въ морѣ грезъ?.. И въ самомъ дѣлѣ писать будешь потомъ, моя алтайская Миньона?

И задумался, гладя свѣтлые, золотисто-русые волосы Саши.

— Тамъ хорошо,—сказалъ онъ.—Тебѣ надо туда: и горы, и лѣса тебя привѣтствовать будутъ. Ну, а теперь скажи мнѣ, что тебѣ нравится изъ стиховъ? Сядь или ходи... я сяду, а ты—говори, и я скажу тебѣ нѣкоторые, которые люблю.

— Которые я люблю говорить?—живо спросила она.

— Которые ты любишь, конечно!

И она продекламировала ему Миньону и красивые стихи Полонскаго о „Кузнечикѣ музыкантѣ“ и Лермонтовскую „Молитву“.

— А когда ты будешь въ Алтаѣ,—сказалъ онъ, —ты научишься любить такіе стихи:

„Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины полны свѣжей мглой.
Не пылитъ дорога, не дрожатъ листы,
Подожди немного, отдохнешь и ты!“

— Это хорошо!—сіяя глазами, сказала она, и позабыла смущеніе.—А я умѣю пѣть тоже хорошее.

И запѣла:

„Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ“...

Дѣтскій голосъ трепеталъ красивый и грустный, и старецъ привлекъ ее къ себѣ.

— Пой и тамъ, Миньона; пой въ большомъ хорѣ, гдѣ много дѣвочекъ славятъ Бога; у тебя чистый и свѣжій голосокъ, а теперь послушай вечернюю молитву—пѣснь къ Сыну Божію, я разскажу ее тебѣ.—

Онъ посадилъ рядомъ съ собою Сашу и сталъ говорить мягко и съ умиленіемъ.

„Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою,
Тихо сіяетъ струей золотою
Западный край.
Господи, путь нашъ межъ камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ... Ты, Свѣтъ невечерній,
Насъ осіяй!
Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжкой борьбѣ...
Всюду сіяніе солнца святого,
Божія Мудрость, и Сила, и Слово—
Слава Тебѣ!“

— Какъ хорошо!

Саша заглядѣлась на потухающій, окрашенный розовыми тонами, закатъ и на синюю небесную глубину, гдѣ, чуть-чуть видная, трепетала вечерняя звѣзда, и ея большіе глазки освѣтились глубокой мыслью, которую уловилъ взглядъ епископа, и этотъ вечеръ на всю жизнь запомнила дѣвочка Саша.

... они пріѣхали на папину родину...

V.

Вскорѣ былъ долгій зимній путь цѣлымъ поѣздомъ въ теплыхъ возкахъ и кошевахъ по деревнямъ и городамъ, и наконецъ однимъ туманнымъ зимнимъ полднемъ конца января они пріѣхали на папину родину.

Дѣвочкѣ бросилися въ глаза скуластыя лица; они любопытно заглядывали въ возокъ, и она слышала впервые ихъ странный языкъ, а потомъ по-

плыли дни новой жизни. Она была теперь дочкой важнаго „бія“ [1]), какъ звали алтайцы папу, и у ней нашелся другъ, къ которому она привязалася всѣмъ своимъ девятилѣтнимъ сердцемъ. Въ хмурый зимній день она увидала его, прибѣжавъ съ улицы.

— Дѣдушка пріѣхалъ, дѣдушка!—звала ее привезенная изъ Томска горничная Катя, крестница бабушки.—Дѣдушка.

И Саша робко вошла въ гостиную. Тамъ мама разговаривала, стоя у окна, съ высокимъ священникомъ, который, полуобернувшись, посмотрѣлъ на нее.

— А вотъ и Саша.—сказала мама.

— Вотъ какая?!—повернулся онъ къ ней.

И ее сразу привлекли красивыя благородныя черты тонкаго старческаго лица.

— Вонъ какая!—повторилъ дѣдушка.—Мнѣ о тебѣ много писалъ другъ Алтая епископъ Владиміръ. Глаза, глаза Ланскихъ, а личико?

И онъ откинулъ волосы съ дѣтскаго лба.

— Ну, значитъ будемъ теперь жить вмѣстѣ? Мой домъ—у церкви. Ты любишь книжки, Аля?

Это новое имя понравилось ей и милый красивый старикъ, и она довѣрчиво сказала:

— Вы мой дѣдушка, о которомъ я слышала?

— Да, внучка!—отвѣтилъ онъ.

— У васъ никого нѣту?—застѣнчиво сказала она.—Мнѣ владыко говорилъ тамъ въ Томскѣ.

— Онъ ошибся,—сказалъ усмѣхнувшись дѣдушка.—У меня есть Алтай и внучка... я очень счастливый человѣкъ.

И поцѣловалъ смущенное дѣтское личико.

VI.

Съ наступившей весною новая чудная жизнь охватила Сашу, поражая привыкшаго къ замкнутой городской жизни ребенка ширью и просторомъ перспективы и свободой самой жизни. Ея грезы сбы-

---

[1]) Господина.

лись, чудныя грезы ея ранняго дѣтства, и для Миньоны началася новая жизнь.

Утро начиналось короткими уроками съ учительницей Варенькой привезенной Ланскими для дѣтей, потомъ ѣздили въ горы верхомъ, до обѣда въ хорошіе дни и послѣ обѣда играли у рѣки съ компаніей алтайскихъ дѣтей и сродныхъ братьевъ, а въ ненастные дни и всѣ вечера было у Саши мѣсто въ домѣ дѣда, въ этомъ старомъ домѣ съ церковью въ мезонинѣ, гдѣ жилъ онъ, съ которымъ у нихъ скоро сдѣлалась неразрывная дружба.

... было у Саши мѣсто въ домѣ, въ этомъ старомъ домѣ съ церковью въ мезонинѣ, гдѣ жилъ онъ...

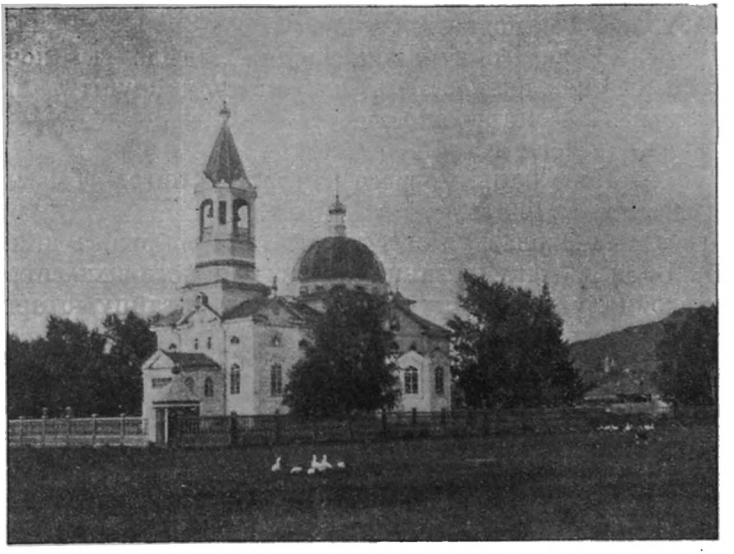
Дѣдушка скучалъ безъ ребенка: онъ любилъ ея разговоры, умѣлъ направить ее на нихъ и писалъ далекому епископу, что Миньона заняла большое мѣсто въ его сердцѣ.

Дѣвочка привыкла ѣздить съ нимъ на стройномъ сѣромъ Баярдѣ красавцѣ по алтайскимъ долинамъ и научилась ѣздѣ въ совершенствѣ.

Былъ ясный іюньскій день. Въ тихомъ покоѣ, облитыя свѣтомъ, дремали алтайскія долины. Вчера пролетѣла буря; страшная и грозная Алтайская гроза пронеслась, превративъ ручьи въ рѣки; много старыхъ деревьевъ рухнуло съ кручъ, много смело ал-

тайскихъ мостовъ, и Ланскіе только что встрѣтили вѣстника разныхъ бѣдствій, прискакавшаго на перемѣнныхъ коняхъ съ сообщеніями и стоявшаго передъ террасой, на которой семья пила чай.

— И по дорогѣ въ Паспаулъ?—встревожился Ланскій,—а дѣдушка уже уѣхалъ, Саша, туда? Вѣдь, это прямо ужасно.



... — Чудная! да на гору подняться за кладбище и все берегомъ по Маймѣ...

— Да,—испуганно сказала она.—Еще въ пять часовъ.

— Догнать, главное, невозможно,—спокойно говорилъ отецъ.—Лошади хорошія у ямщика, къ ночи будутъ тамъ: подъ гору разгонятъ лошадей и ухнутъ, разъ моста нѣтъ; кто ихъ предупредитъ оттуда? Ты то попалъ какъ?

— Я объѣздомъ... горами... отсюда этой стороной... и то послали... у насъ всѣ горюютъ... человѣка убило... до дороги ли? почернѣлъ весь Тинтенковъ!

— Дѣдушка погибнетъ, погибнетъ.

Сашѣ представилось глубокое ущелье и алтайскій мостъ, снесенный бурей, обнажившій пропасть. Но темныя ели покрыли дорогу, ямщикъ уснетъ.

Она робко потянула мать, дивясь, какъ это они всѣ не тревожатся, сама полная страха и тоски за дѣда.

— Что ты?—обернула мать на нее лицо.

— Какъ же дѣдушка? онъ упадетъ, убьется.... если бы послать за нимъ, остановить. Гдѣ это дорога объѣздная, мамочка?

— Дорога объѣздная трудна.... дѣло—къ ночи, кого же пошлешь? Богъ сохранитъ дѣдушку; онъ привыкъ къ осторожности.

— А если нѣтъ?

— Перестань!—строго сказалъ отецъ.—Ты мнѣ мѣшаешь слушать.

Саша скользнула съ террасы и, пробѣжавъ внизъ къ Гришѣ, сыну хозяина, товарищу дѣтскихъ игръ, спокойному мальчику—природному алтайцу старше ея года на четыре, спросила:

— Гриша, ты знаешь, какъ ѣхать въ Паспаулъ объѣздной дорогой?

— Ну! а чего тебѣ загорѣлось?—спросилъ онъ.

— Надо, пожалуйста, скажи!

— Чудна́я! да на гору подняться за кладбище и все берегомъ по Маймѣ, потомъ—долина, потомъ—гора.... поѣзжай прямо и доѣдешь.

— „Но, вѣдь“....—подумала Саша и сейчасъ же отогнала перекрестною думой метнувшееся въ умъ сомнѣніе, что онъ ее морочитъ.

— „Теперь къ Пушкѣ, сказать, что нужно сѣдлать Баярда.... скорѣй одѣться, потихоньку выйти изъ дома и гнать, гнать лошадь по горѣ, по берегу, все прямо, прямо; Баярдъ, навѣрно, узнаетъ, гдѣ дѣдушка: онъ такъ его любитъ“.

И видя, что всѣ заняты, пробѣжала дворъ, и, выбѣжавъ на зады, надѣла захваченное пальтецо и круглую шляпу.

— „Поѣхать!“—летѣло въ ея умѣ.—„Только бы Баярда осѣдлать. Она помчится, какъ вѣтеръ; дѣ-

душка всегда велитъ ей сдерживать лошадь: „а то тебя онъ можетъ стряхнуть!“—говоритъ онъ;—„лошадь горячая!“—предупреждалъ онъ;—но она теперь умѣла ѣздить хорошо, научась этому быстро“.

И сейчасъ, охваченная одной заботой о дѣдѣ, рвалась только къ нему, не думая, что о ней станутъ безпокоиться.

Горячая сѣрая полукровка узнала ее въ полумглѣ конюшни; она ласково потерлась мордой о дѣвочкино плечо.

— Скорѣе сѣдлай!—волновалась Саша.—Папа велѣлъ осѣдлать и меня посадить.... такъ нужно, Пушка.... ну же, торопись!

Дурковатый „Пушка“, келейникъ дѣдушки, прозванный такъ за короткую толстую фигурку и громогласный диковатый голосъ, оторопѣлъ.

— На што?—воззрился онъ на нее.

Но Саша осердилась.

— Пожалуйста, не спрашивай.... сѣдлай и спи себѣ. Ты, должно быть, безъ дѣдушки цѣлые дни спишь! Спи, пожалуйста, только отпусти меня скорѣе.

— Ой, ой,—качалъ головой Николай, но лошадь осѣдлалъ.

И только сѣвъ на сѣдло, стремена котораго были подтянуты для ея ножекъ, Саша облегченно вздохнула и, перекрестившись, тронула поводья горячей лошади. Та пошла сразу крупной размашистой рысью; дѣвочка знала, что Баярдъ качаетъ, какъ въ колыбели, и, пронесшись по деревнѣ, поднимая золотистую пыль, полетѣла дальше черезъ мостъ въ гору и тропою вдоль рѣки.

Мѣстами тутъ были откосы и осыпи, мѣстами узкая тропа размыта и обрывиста. Умная лошадь замедляла бѣгъ на нихъ, но дѣвочка, охваченная тревогою, подгоняла ее, и Баярдъ горячился; онъ не сталъ слушаться ея направляющей руки, онъ свернулъ правѣе, спустился, быстро переплылъ рѣку и понесся по долинѣ, какъ вѣтеръ, точно привѣтствуя свободу веселымъ радостнымъ ржаніемъ.

Саша тревожная глядѣла впередъ.

— „Вѣдь, они ѣдутъ по настоящему пути, кажется; что же? разница въ двухъ часахъ съ небольшимъ. Баярдъ непремѣнно догонитъ дѣдушкиныхъ лошадей: вѣдь, онъ еще будетъ ждать перепряжки въ Александровкѣ. Но куда свернуть? гдѣ мостъ? дѣдушка долженъ свернуть; вѣдь, его въ аилъ повезли“.

— Баярдъ, куда же ты?—тянула она поводья.— Баярдъ, милый!

А Баярдъ летѣлъ, радуясь своему бѣгу, свободный, красивый, безпечный, неся свою легкую ношу безъ труда и вдыхая ароматъ благоухающей хвои, омытой дождемъ.

— „Навѣрное, онъ знаетъ, гдѣ дѣдушка, отъ того и свернулъ! Но только догонимъ ли, успѣемъ ли догнать?“

А лошадь птицей летѣла между елями, перебродя бродами и углубляясь въ лѣсъ, уже полный золотистаго полусумрака, и опять, выѣхавъ изъ него, мчалась долиной.

Саша покорилась: все равно Баярдъ не хотѣлъ слушаться ея ручекъ.

— „А дѣдушка? Нѣтъ, Баярдъ глупая, гадкая лошадь: онъ ничего, ничего положительно не понимаетъ, гадкій. Бѣдный дѣдушка, бѣдный дѣдушка!“

И горькія слезы закапали изъ ея глазъ.

А Баярдъ все бѣжалъ, раздувая ноздри, иногда слегка подкидывая заднія ноги отъ удовольствія, и только поводъ, который не выпускала маленькая ручка, заставлялъ его немного сдерживать себя и не кинуться на траву, чтобы поваляться.

Сумерки густѣли; тонкіе туманы поползли по долинамъ, и цѣлыя горныя громады начали приближаться къ путницѣ. Но она не видала ничего. Дѣдушка и пропасть.... только они были въ ея умѣ.

— „Лежитъ бѣдный, разбитый этотъ ласковый и добрый дѣдушка!“—неслась мысль.

И не въ силахъ перенести скорбь своего маленькаго сердца, она горько заплакала, приникнувъ къ лукѣ сѣдла, и эти тихія рыданія заставили насторожиться умную лошадь.

Баярдъ поднялъ голову и пошелъ тише и тише, точно слушая. Вдругъ онъ круто повернулъ назадъ и побѣжалъ ровной рысью, косясь иногда на свою всадницу. Она гнѣвно дернула его за узду.

— Противный, гадкій, изъ за тебя дѣдушка погибнетъ.

И уже громко зарыдала.

Баярдъ опять остановился, словно смущенный этимъ проявленіемъ дѣтскаго горя, виною котораго было его легкомысліе, и тихо пошелъ, поматывая

... и его лицо было задумчиво, а глаза свѣтились ласково и грустно...

головою, словно говоря: „Прости ужъ, прости“. Мало по малу усталость овладѣла Сашей, смолкли ея горькія рыданія, и, прикурнувъ къ лукѣ сѣдла, дѣвочка уснула крѣпко тяжелымъ сномъ безъ видѣній, а лошадь, точно понимая, тихо и ровно ступала, неся ее на себѣ....

VII.

Въ 11 часовъ Саши хватились.

— Нужно позвать ее, Варвара Петровна,—сказала Сашина мать.—Будьте добры, распорядитесь; опять, навѣрное, внизу слушаетъ сказки Гриши!

Странный ребенокъ: ее, кажется, только о. протоіерей понимаетъ. Какъ то онъ доѣхалъ?

Катя прибѣжала смущенная.

— Нѣтъ, вѣдь, нигдѣ барышни. Гриша говоритъ, что она про дорогу въ Паспаулъ спрашивала.... а тамъ пришелъ Пушка, спрашиваетъ, куда взяли Баярда.

— Какого?—изумились всѣ.

И позванный Пушка разсказалъ о Сашенькиномъ требованіи и отъѣздѣ, заставивъ всѣ лица сдѣлаться сумрачными и тревожными.

Была уже глубокая ночь.

— Богъ знаетъ, куда уѣхала!—испуганно говорила мать.—Это ужасно. Навѣрное, это она дѣдушку встрѣчать; припоминаю теперь: ее очень встревожило сообщеніе алтайцевъ о снесенномъ мостѣ. Ты, кажется, сказалъ,—обратилась она къ мужу,—что можно его предупредить бы объѣздомъ, но для этого нужно быструю лошадь. Послѣ мы сообразили, что уже не догнать его, и кромѣ того, опытность отца протоіерея зная, не встревожились, а она.... Ахъ, взбалмошная, дикая дѣвочка. Нужно зорче смотрѣть за ней, Варвара Петровна!

И тревожно слѣдила за мужемъ, звавшимъ людей и велѣвшимъ сѣдлать лошадей.

Позвали Гришу и онъ чистосердечно объяснилъ, какъ указалъ Сашѣ путь.

— Туда и нужно ѣхать на встрѣчу: съ бомовъ свертковъ нѣтъ. Ахъ, дѣвочка, дѣвочка! Богъ знаетъ куда поѣхала!—хмурился отецъ.

И всѣ, всегда наказывавшіе Сашу выговорами и сидѣньемъ въ запертой комнатѣ, теперь безъ упрека думали о ребенкѣ, объятые страхомъ за ея жизнь.

Цѣлая компанія двинулась по горной дорогѣ, указанной Гришей. Она въ самомъ дѣлѣ могла привести въ Паспаулъ, но была трудна. Тревога ѣхавшаго впереди отца Саши усиливалась, его поминутно окликалъ переводчикъ и проводникъ казакъ Федорковъ.

— Баринъ, осторожнѣе.... Нѣтъ, напрасно ѣдемъ, не поѣдетъ она тутъ; ей ужъ загорѣлося скорѣе, да

и Баярдка застоялся; конь онъ горячій; надо бы свернуть на настоящую Паспаульскую дорогу, часа въ два, думаю, по ней и отецъ протоіерей вернется. Мы встрѣтимъ ево и узнаемъ, може она и вправду догнала ево: Баярдка быстрый и она перышко легкое!

И, спустившись, скоро выѣхали на дорогу,— путь, который миновала лошадь Саши.

Ѣхали очень скоро и въ безмолвіи. Сонная Александровка промелькнула быстро, и только Иванъ Петровичъ Федорковъ остановился было спросить, не видали ли дѣвочку, но, сообразивъ, что никого не добудится теперь, догналъ своихъ.

— Что же это?—тревожно всматриваясь въ мглу, говорилъ отецъ Саши.—Ты ничего не видишь и не слышишь, Апселѣевъ?

Но глаза Апселѣева, сопровождавшаго ихъ, зоркіе днемъ, конечно, плохо видѣли ночью, и только тревога вырвала у отца странный вопросъ. Но слухъ у сотника Апселѣева былъ изумительный, и онъ, насторожившись, замахалъ руками.

— Тише, тише, ѣдутъ. Ну, ну!

И погналъ лошадь навстрѣчу почудившемуся ему топоту. Этотъ топотъ многихъ лошадей и звуки голосовъ услыхали и всѣ, услыхали, ободрились и подогнали своихъ лошадей. Имъ навстрѣчу изъ тьмы въ густомъ лѣсу, окружавшемъ дорогу, послышался тревожный голосъ.

— Это вы, племянникъ? Господи, Боже... гдѣ же дѣвочка?

Видимо, Апселѣевъ успѣлъ передать о пропажѣ Саши.

— Не знаю, что и думать!—еще тревожнѣе отвѣтилъ отецъ.

И, съѣхавшись, они двинулись къ спавшей Александровкѣ, гдѣ подняли народъ съ разспросами о ребенкѣ. Но никто ее не видѣлъ. Не видали пріѣхавшіе съ горъ инородцы, и, послѣ ихъ опроса, уже на свѣту, рѣшили ѣхать домой, справедливо судя, какъ тамъ тревожатся, но страшно удрученные.

Одинъ Федорковъ толковалъ Апселѣеву съ надеждой:

— Вернется домой лошадь, только бы ее не выкинула изъ сѣдла гдѣ.... вотъ этого я опасаюсь.... только бы она усидѣла!

И даже подпрыгнулъ на своемъ сѣдлѣ, увидавъ въ блѣдномъ разсвѣтѣ далеко въ боку точно плывущее съ предгорій свѣтлое пятно.

— Баринъ, баринъ!—окликнулъ онъ тихо.—Коня то видать; какъ я и думалъ, онъ ворочается; тише, ради Христа, не спугните его.... только бы ребенокъ уцѣлѣлъ; на немъ ли она, Сашенька то?

И страшная забота охватила сердце отца и дѣда.

— Изъ за меня, Господи!—сказалъ еще при встрѣчѣ старикъ, услыхавъ подробный разсказъ, и его обычно спокойное лицо стало скорбнымъ.—Такъ вотъ какое сердечко любящее и нѣжное было въ груди кудрявой дѣвочки!

И съ каждымъ шагомъ лошади его сердце билось тревожнѣй, и въ немъ росли страхъ за ребенка и любовь къ нему, отогрѣвшему это одинокое сердце.

— Слава Богу!

На вышедшемъ изъ мглы силуэтѣ лошади, на фонѣ темнаго лѣса зоркіе глаза Апселѣева примѣтили маленькое тѣло.

— Тпрсёня, тпрсёня!—тихо ласково началъ звать Федорковъ.—Тпрсёня!!

И Баярдъ радостно заржалъ, повернувъ по вѣтру голову, и побѣжалъ легкой рысью къ путникамъ.

Но ни зовъ, ни ржанье, не разбудили Саши. Уткнувшись заплаканнымъ личикомъ на луку сѣдла, она держалась ножками на крѣпко и высоко подтянутыхъ стременахъ, и ее такъ и повезли домой облегченно вздохнувшіе отецъ и дѣдъ. Уложили тамъ ее, по настойчивой просьбѣ старика, у него на большую мягкую оттоманку.

— Скажите дома, боюся я за нее; она, вѣдь, изъ-за меня, бѣдная, поѣхала, а ее наказать могутъ! Оставьте мнѣ внучку: у меня почти нѣтъ друзей въ полномъ смыслѣ, любящихъ, способныхъ на жертву

для меня.... это—мой единственный другъ; пожалуйста, милый племянникъ.

И, успокоенный тѣмъ, что ребенка оставили у него, прилегъ, не раздѣваясь, на постель и забылся короткимъ, но крѣпкимъ, освѣжающимъ сномъ.

VIII.

Сашу разбудили солнечные лучи; она любила солнце, и оно будило ее всегда поцѣлуями. Но сегодня ему пришлось долго цѣловать разгорѣвшееся личико. Дѣдушка, давно вставшій, сидѣлъ у тахты [1]) и его лицо было задумчиво, а глаза свѣтились ласково и грустно, эти обычно слегка насмѣшливые умные глаза. Онъ взялъ маленькую загорѣлую ручку съ тонкими пальчиками и думалъ, что поведетъ ихъ къ книгѣ знанія, что посвятитъ свой досугъ ребенку, чье сердце позаботилось о немъ, а Саша вдругъ, тревожно дрогнувъ, метнулась кудрявой головкой по подушкѣ и съ неяснымъ крикомъ раскрыла глаза.

— „Что это, сонъ, должно быть?—заметалась мысль.—„Дѣдушка живой“.

— Дѣдушка!

И вскочила съ ликующимъ крикомъ.

— Ты живой?

— Ну, конечно!—смигивая слезы, шутилъ онъ по обычаю.—Живой, маленькая храбрая дѣвочка: а ты бы шибко горевала, если бы я убился?

Это было даже жестоко: онъ сразу съ сжавшимся сердцемъ понялъ, что его слова принесли ей боль: ея оживленное личико, живое и выразительное, точно закрыло облако тумана, и она быстро стерла слезы, залившія ея глаза. Дѣдушкино сердце затрепетало.

— „Да, это была его внучка, родная ему, милое, чуткое, сердечное дитя!“

И въ первый разъ дѣдушкины руки обняли ее

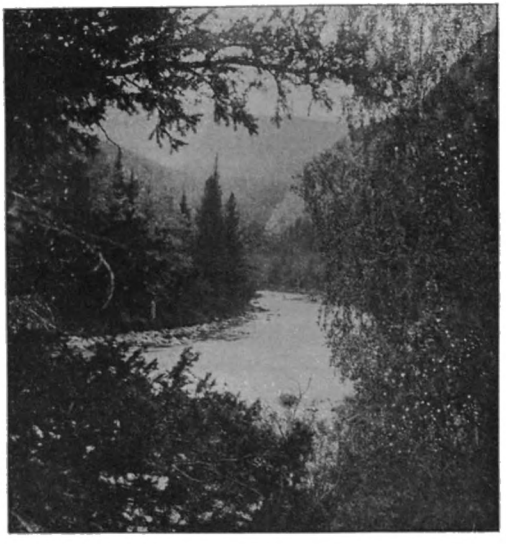
---

[1]) Родъ кушетки.

и посадили на колѣни, а его мягкій растроганный голосъ сказалъ:

— Теперь ты навсегда „дѣдушкина внучка“, самая дорогая и самая любимая, мой другъ!

— А ты,—обняла она его шею, улыбаясь сквозь слезы,—ты мой самый чудесный дѣдушка, и я люблю тебя больше короля Лира и всѣхъ моихъ изъ книгъ...



... величественный и прекрасный Алтай!

и больше Баярда и Алтая,—немного подумала она.— И больше всего и чуточку, чуточку меньше, чѣмъ папу и маму съ бабушкой, потому что они давнишніе, и я привыкла любить ихъ и Маку, и Кольку.

— Ну!—гладилъ онъ ея кудри.—Значитъ, съ этого дня у тебя есть самый настоящій дѣдушка, а у меня самая настоящая внучка.... такъ?

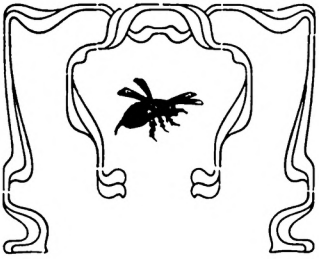
И она, сіяя глазами, сказала твердо и радостно:

— Такъ; я, вѣдь, давно люблю тебя, давно, какъ

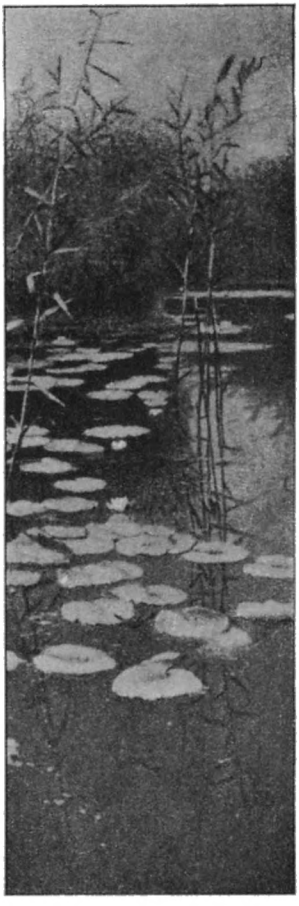
увидала; ты—мой дѣдушка.... вѣдь, тѣ, другіе, всѣ ужъ ушли въ небо къ Богу!

— А ты—дѣдушкина внучка!—съ тихой грустью сказалъ онъ.—Потому что у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя.

И они долго сидѣли такъ, полные тихой радости найденнаго счастья, оба любящіе и чуткіе къ красотѣ Божьяго міра и людскому страданію и оба обожающіе величественный и прекрасный Алтай!



... тоненькій, хрупкій, какъ барчукъ, съ осыпанной мягкими локонами бѣлокурой головкой...



Ивась.

Тихое, глухое озеро; глядятся изъ него зеленыя стройныя сосны и ели; молодая поросль близко, близко проникла къ водѣ, сбѣгающей съ горнаго кряжа мягкими извивами по логамъ и гривамъ: робко, несмѣло остановилась она надъ озеромъ: точно залюбовалась своей свѣжей молодой красотою, отражающейся въ тихой голубоватой поверхности, затянутой мѣстами листьями водорослей, рогулекъ и краса-

вицъ „купавокъ“, изъ темной зелени своихъ широкихъ листьевъ робко и стыдливо поднимавшихъ свои чистые, бѣлые цвѣты. На три версты въ глубь лѣса протянулось озеро подъ высокой горою, а недалеко отъ него расположился, у быстрой и бурливой рѣки, поселокъ инородцевъ, въ которомъ жило двѣ—три семьи хохловъ, загнанныхъ недородомъ и голодовками изъ-подъ синяго неба теплой Украйны подъ холодное небо далской Сибири.

Сами не зная, какъ—пробрались они въ Алтай и поселились въ маленькомъ, недавно основанномъ миссіонерами, станѣ, въ кругу инородцевъ, неподалеку отъ тихаго озера, подъ хребтомъ „Синюхи“—въ привольѣ и довольствѣ, построивъ свои бѣлыя мазанки подъ вѣчно зелеными деревьями сибирской тайги. Ребятишки—хохлята сдружились съ Алтайскими новокрещеными, и темныя и бѣлыя головки мелькали вездѣ вмѣстѣ, забавляясь и играя, собирая грибы и ягоды и отважно плавая на „саликахъ“ [1]) по озеру, когда поспѣвали рогульки...

Поселокъ иногда оживлялся пріѣзжими на кумысъ больными. Каждое лѣто какой-нибудь любитель уединенія, избѣгая болѣе посѣщаемыхъ мѣстъ, забирался сюда, къ берегамъ озера, не имѣющаго имени, занималъ одну изъ чистыхъ мазанокъ хохловъ, всегда охотно и за небольшую плату уступаемыхъ хозяиномъ, и жилъ, поправляя свое здоровье не столько кумысомъ, сколько смолистымъ цѣлительнымъ воздухомъ и спокойной жизнью.

И въ это лѣто въ поселкѣ жили дачники; кромѣ меня жила одна семья, да и то небольшая: старушка—барыня, другая старушка—прислуга и дѣвушка, дочь барыни, хрупкая барышня лѣтъ девятнадцати съ болѣзненнымъ румянцемъ на нѣжныхъ щекахъ съ темными большими глазами. Онѣ пріѣхали въ началѣ мая и собирались прожить все лѣто, выбравъ для этого мазанку Семена Горбыля—самую лучшую, о двухъ комнатахъ, съ большими чистыми сѣнями...

---

[1]) Три или четыре доски, сколоченные вмѣстѣ.

... и поселились въ маленькомъ, недавно основанномъ миссіонерами станѣ, въ кругу инородцевъ...

По неудобнымъ дорогамъ онѣ ухитрились перевезти сюда разныя вещи, необходимыя для нихъ, но казавшіяся удивительными для хозяевъ; привезли и прекрасное небольшое піанино, звуки котораго привели въ восторгъ маленькаго 7 лѣтняго Ивася, пасынка хозяина дома, впервые въ жизни услыхавшаго ихъ. Чѣмъ-то небеснымъ показались они мальчугану, вѣчно задумчивому и тихому; они всколыхнули его душу, и онъ плакалъ, плакалъ долго сладкими слезами, забравшись въ густые кусты, растущіе въ ихъ большомъ, обнесенномъ плетнемъ, дворѣ.

Странное дитя былъ этотъ „Ивась". Тоненькій, хрупкій, какъ барчукъ; съ осыпанной мягкими локонами бѣлокурой головкой онъ производилъ впечатлѣніе херувима, слетѣвшаго на землю; очаровательное личико съ высокимъ нѣжнымъ лбомъ; прелестный ротикъ съ алыми губками, носикъ тонкій и правильный, и личико бѣлое, украшенное точно выведенными ниткой черными бровями: большіе глаза, опушенные такими длинными загнутыми кверху рѣсницами, что тѣнь ихъ ложилась на полщеки: эти синіе глаза, казались отблескомъ неба далекой Украйны, словно оно само пожелало оставить свой отпечатокъ на лицѣ мальчика.

Насколько рѣзко выдѣлялся онъ среди всего поселка своей ангельскою красотою, настолько и своими странностями не походилъ на другихъ: никогда онъ ни съ кѣмъ не игралъ и не дружилъ, хотя никого во всю свою жизнь не обидѣлъ; онъ просто боялся людей и сторонился ихъ всѣхъ, начиная съ суроваго отчима, по-своему, однако, любившаго ребенка, и не менѣе суровой жены отчима, послѣ смерти его родной матери—женившагося на здоровой и сильной „Горпынѣ". Горпына его тоже не била, не заставляла ничего дѣлать, не ругала, но и не ласкала никогда—и онъ жилъ между этими суровыми и хмурыми людьми, какъ рѣдкій цвѣтокъ между репьями, безъ ласки, безъ привѣта, одинокій и печальный, хотя всегда досыта накормленный и одѣтый въ чистую рубаху. Дѣтей поселка онъ боялся: они смѣялись надъ

нимъ, лѣзли драться, зарили при немъ гнѣзда, ловили и мучили дикихъ звѣрковъ, а Ивась болѣлъ сердцемъ не только за звѣрковъ и птицъ, но и за каждый цвѣтокъ, сорванный и брошенный въ траву... Цѣлыми днями онъ сидѣлъ у озера и только къ вечеру приходилъ домой. Что онъ тамъ дѣлалъ, не знали; и когда ребятишки натыкались на него, то видѣли, что онъ лежитъ и все смотритъ на небо; иногда, особенно за послѣднее время, слышали его пѣніе— какую-то грустную мелодію безъ словъ, которую онъ пѣлъ мягкимъ и нѣжнымъ голосомъ.

Однажды и барышня услыхала его пѣнье, гуляя по берегу озера, услыхала, изумилась и заслушалась, притаившись въ кустахъ. Не разъ она видала Ивася подъ своими окнами, любовалась его чуднымъ личикомъ, но никогда пугливое дитя не говорило съ ней ни слова, робко сторонясь ее; но теперь эта мелодія, исполненная ею на піанино давно по пріѣздѣ и теперь такъ вѣрно переданная чистымъ, какъ колокольчикъ, голосомъ, приковала ея вниманіе, и она слушала, слушала, жадно ловя ея звуки, пока увлеченная не запѣла сама, но уже словами: то были неизвѣстные стихи неизвѣстнаго поэта, которые она сама положила когда-то на музыку:

„Догорѣла заря... осыпаются маки красивые.
Тихій вѣтеръ одѣлъ полумглой мой затихшій и смолкнувшій садъ.
Только струйки ручья не замолкли; онѣ, говорливыя,
По камнямъ извиваясь, о чемъ-то невѣдомо рѣчь говорятъ.
Зажигаются звѣзды. Запѣлъ свои пѣсни прекрасныя
На сирени цвѣтущей пѣвунъ и поэтъ—соловей.
Серебристые тополи словно заснули, безстрастные,
Сторожа нерушимый покой погустѣвшихъ и смолкшихъ аллей.
Тишина сладкой грустью томитъ мое сердце тревожное...
Что-то вспомнить я силюсь, о чемъ-то подумать хочу.

Не надежда-ль на счастье? Не эта ли мысль невозможная
Сладко сердце согрѣла, подобная яркаго солнца лучу.

Дѣвушка пѣла—увлеченная, не думая о послѣдствіяхъ, о томъ, что Ивась испугается и убѣжитъ: она точно была увѣрена, что онъ никогда не уйдетъ; дѣйствительно, мальчикъ не убѣжалъ... Сперва бѣлокурая головка исчезла въ заросли пестролистныхъ папоротниковъ, и голосъ на минуту замеръ, но потомъ опять раздались робкіе звуки, сильнѣй и сильнѣй, и подъ конецъ маленькій пѣвецъ пѣлъ во весь голосъ, какъ соловей безъ словъ... Изъ темной зелени ярко выступала его голова съ вдохновеннымъ личикомъ.

Съ этого дня началась ихъ дружба, превратившаяся, спустя мѣсяцъ, въ страстную привязанность со стороны Ивася. Онъ жить не могъ безъ барышни. Когда было ненастье и она не могла выходить на воздухъ, онъ не отходилъ отъ нея, слушая ея игру, или разговаривая съ нею, или просто сидя на крылечкѣ ея квартиры; а когда она хворала и скучала, то для нея Ивась готовъ былъ все сдѣлать, чтобы помочь: онъ пѣлъ ей, разсказывалъ что-нибудь, а иногда просто думалъ вслухъ, забывая окружающее; и эти думы, какъ и его пѣніе, больная барышня очень любила.

— „Подумай, Ивась, а я полежу!“—скажетъ она ребенку.

Тотъ на минуту задумается, сядетъ такъ, чтобы ему былъ виденъ въ окно кусочекъ голубого или сѣраго неба (смотря по состоянію погоды) и начнетъ своимъ тихимъ музыкальнымъ голосомъ что-нибудь сладкое, похожее и на сказку, и на быль. Старая барыня тоже любила Ивасевы думы... Не разъ и мнѣ приходилось быть очевидцемъ такихъ картинъ: зайдешь къ нимъ, а прислуга предупреждаетъ:

— „Потише, тамъ Ивась *думаетъ*!“

Незамѣтно проберешься въ уголокъ и затихнешь, затихнутъ и старушка въ креслѣ, и блѣдная барышня на своей кушеткѣ, а ребенокъ, въ бѣлой расшитой

рубашкѣ, съ головкой херувима и не по-дѣтски умными синими глазами, устремленными куда-то въ пространство, яснымъ голосомъ говоритъ свои думы...

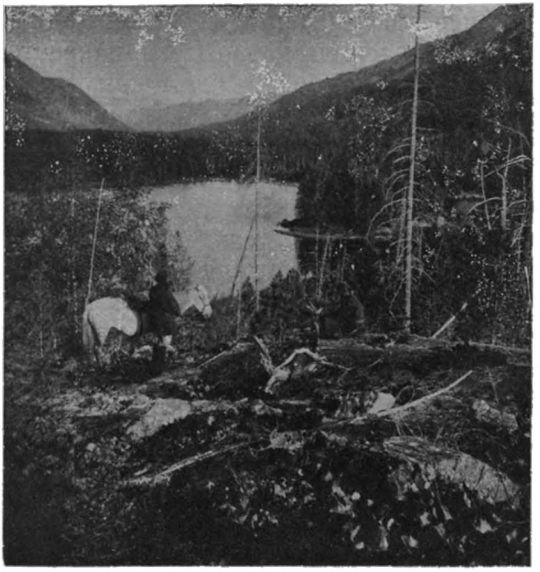
„Синее тамъ небо, синѣе нашего... рѣка большая, большая, а саликовъ нѣту и купавокъ нѣту, а барышня купавки любитъ. Онѣ дивно растутъ, ровно-бы восковыя, а кто ихъ вылѣпляетъ—невѣдомо... Мнѣ чуется—приходятъ съ неба ангелы, свѣтовидные лики у нихъ, прекрасные... крылья бѣлыя трепещутъ за плечами и садятъ они купавки на воду... и выходитъ, что онѣ—купавки не лѣпныя, а въ раю на небушкѣ синемъ выросли... и чуется мнѣ, что краше, чѣмъ лѣтомъ запрошлымъ, цвѣтутъ онѣ нынѣ, потому что ангелы любятъ пѣсни хорошія, а барышня наша поетъ таково хорошо, лучше жаворонка и соловушки... оттого и приносятъ ангелы купавки бѣлыя, чтобы радовалась наша барышня, чтобы пѣла чаще свои пѣсни тихія; для нея ростутъ купавки бѣлыя... Зачѣмъ нѣтъ ихъ около берега? оттого мнѣ это думается, чтобы всякій не касался ихъ, что не всякому онѣ даденыъ... тосковалъ я по небу синему, по родной сторонѣ, а теперь легко: полюбилъ я это небушко, эти горы и озеро тихое, и купавокъ цвѣты большущіе, и мою дорогую барышню... и теперь мнѣ это мѣсто родина, гдѣ услышалъ я пѣсни тихія!“

Или другое что, „думалъ“ Ивась,—то-же чистое и нѣжное, всегда новое о цвѣтахъ и птицахъ, о ихъ радостяхъ и горестяхъ: и всегда въ его разсказахъ земное перемѣшивалось съ небеснымъ: ангелы уходили и приходили цѣловали сорванные цвѣты, уносили ихъ на небо; солнечные лучи оживляли убитыхъ птичекъ, потому что Богъ жалѣлъ пташекъ беззащитныхъ!..

Душа поэта жила въ этомъ маленькомъ сердцѣ, чистая свѣтлая душа. Но изъ всѣхъ слышанныхъ мною его думокъ, особенно запала мнѣ въ душу одна, которая, помню, глубоко поразила и меня, и обѣихъ моихъ знакомыхъ. Это было послѣ обильнаго дождя, наводнившаго долину хлынувшими съ горъ потоками. Обмытый лѣсъ казался зеленѣе, небо ярче, а солнце,

склоняясь къ западу, ослѣпительно яркими лучами осыпало все кругомъ.

Я пришелъ къ своимъ знакомымъ ранѣе Ивася. Барышня наша покашливала, но сидѣла около піанино, укутанная въ мягкую пышную шаль, два яркихъ пятна горѣли на ея блѣдномъ лицѣ; она брала аккорды, но не играла и, разсѣянно прислушиваясь къ нашему разговору, часто поглядывала на дверь, словно под-



... полюбилъ я это небушко, эти горы и озеро тихое...

жидая своего друга. За разговоромъ я не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ и обратилъ вниманіе только тогда, когда услышалъ голосъ больной уже съ кушетки:

— „Подумай что-нибудь, Ивась!.. Я играть не могу, а послушать тебя хочется... разскажи мнѣ что-нибудь, милый!“...

Ивась сидѣлъ на полу, на скамеечкѣ; солнечные лучи ярко освѣтили его личико, приласкались къ его мягкимъ локонамъ и озарили синіе глаза.

„Былъ я сегодня на озерѣ,—зазвучалъ его милый нѣжный голосъ;—хотѣлъ нарвать купавокъ бѣ-

лыхъ, да далеко-далеко отнесло ихъ отъ берега; камыши разрослися высокіе, рогульки разбросали листья зеленые... Не видно дно озера скрытое, глубоко-ли, нѣтъ-ли, невѣдомо... Манили меня цвѣты бѣлые, кивали головками издали.

— „Иди къ намъ... иди къ намъ!“

Я услышалъ ихъ и шелъ-бы, да словно у берега держалъ меня кто-то... Болитъ мое сердце тоскливое. Какъ выпадутъ снѣга глубокіе, и озеро станетъ холодное—застынутъ цвѣты мои бѣдные, застынутъ рогульки зеленыя, замерзнетъ, закроется озеро... Куда я пойду свои пѣсни пѣть? кому скажу думы тоскливыя?!. Наступитъ весна благодатная, пригрѣетъ горячее солнышко; проснутся всѣ травки съ цвѣточками, и папоротникъ раскинется, и выростетъ; въ его лапкахъ узорчатыхъ сквозить будетъ солнышко ясное, лучами своими горячими освѣтитъ любимые кустики: подъ ними цвѣты незабудочки... Проснутся ключи, зашумятъ ручьи... но это мнѣ будетъ невѣдомо... Почуяло сердце тоскливое, что очи мои не увидятъ того... Глядѣлъ я на небо ночною порою высокое, синее, чистое, а звѣздочки яркія тихія мнѣ словно кивали, мнѣ думалось: какое спокойное нѣжное то небо высокое, чудное; какъ словно задумались звѣздочки надъ нами, надъ тѣмъ, какъ намъ дышется... А озеро тихое, темное, привѣтно колышется... пошелъ-бы къ звѣздамъ, къ моей матушкѣ, да нѣту пути... да и жалко мнѣ мою ненаглядную барышню; а чую—что сманятъ меня онѣ. И сердцу моему хотѣлося уйти-бы скорѣе туда, да синее дальнее небушко высоко, высоко, не склонится... а сколько людей-бы ушло туда, которымъ здѣсь тяжко и стонется... тамъ мама моя безталанная зоветъ меня, словно мнѣ слышится... И чудилось—небо все ближе и ближе придвинулось и такъ встрепенулся я къ синему, къ звѣздамъ захотѣлося сердцемъ мнѣ... живутъ тамъ святые, счастливые, у Бога въ лазури небесъ они“.

Онъ замолкъ и задумался. Задумались и мы надъ этой вдохновенной думой, а больная поднялась

съ своего мѣста, подошла къ инструменту, взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла тихо и печально:

Въ небо уйдемъ голубое и нѣжное,
Къ тихимъ и кроткимъ звѣздамъ.

И, дѣйствительно, ничего ей не помогало: ни цѣлительный воздухъ, ни лѣченіе, ни спокойствіе... молодая жизнь догорала, таяла, словно подломленный цвѣтокъ, теряла послѣдніе соки и вяла, вяла, сокрушаемая неисцѣлимымъ недугомъ, и, наконецъ, слегла совсѣмъ.

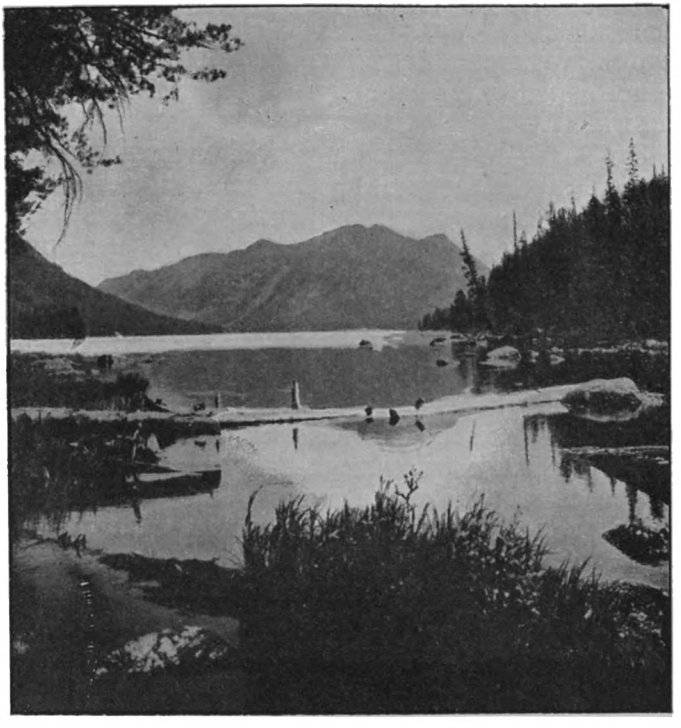
Это было въ концѣ августа... Наступили дожди, начались предвѣстники осени, но больная ни зачто не хотѣла уѣзжать ранѣе зимы: требовала отъ матери обѣщанія жить тутъ далѣе. Та, конечно, не смѣла ей противорѣчить,—и дожили: два послѣдніе сырые дня доканали ее. Никого не узнавая, она бредила Ивасевыми думами, бредила купавками бѣлыми, любимыми своими цвѣтами, просила ихъ въ бреду: ей казалось, что стоитъ ей получить ихъ, какъ за нею придутъ свѣтлые ангелы и уведутъ ее въ небо голубое и нѣжное, къ тихимъ и кроткимъ звѣздамъ... Она все повторяла это, а мать, не осушая глазъ, плакала надъ ней. Привозимый нѣсколько разъ докторъ безъ запинки сказалъ, что она безнадежна. Мнѣ было страшно тяжело слышать это, видѣть, какъ догорала эта молодая жизнь, и подавленный всѣмъ этимъ, я самъ расхворался и позабылъ совсѣмъ объ Ивасѣ, пока его трагическій конецъ не всколыхнулъ мою душу, заставивъ жестоко упрекнуть себя за то, что я, могущій принять мѣры, не постарался поддержать его,—маленькаго и слабаго въ его непосильномъ горѣ.

3-го сентября ко мнѣ пришли и сказали, что больная барышня умерла, и вслѣдъ затѣмъ сообщили, что Ивась исчезъ куда-то, что его ищутъ.

— „Вчера онъ былъ у барышни... та все бредила, но на минуту пришла въ себя, узнала его и попросила принести ей купавокъ... и вотъ, когда ее прибрали и стали искать ребенка, то вспомнили это и сейчасъ пошли къ озеру искать, не туда-ли ушелъ Ивась?“

Мое сердце сжалось отъ тяжелаго предчувствія...

черезъ силу поднявшись, я одѣлся, велѣлъ скорѣе осѣдлать лошадь и, несмотря на слабость, быстро поѣхалъ къ озеру. Еще не доѣзжая до него, у послѣдняго поворота лѣсной дороги, я услышалъ возбужденные голоса; подогнавъ лошадь, я черезъ минуту былъ



Алтай. Рахмановское озеро.

у озера, было уже, увы, слишкомъ поздно, чтобы чѣмъ-нибудь помочь!

Грустная картина представилась моимъ глазамъ. На берегу собралась толпа. Полуденное, хотя и сентябрьское солнце залило ее горячими лучами и ярко выдѣлило, среди круга собравшихся, высокую загорѣлую фигуру Семена Горбыля, отчима Ивася; съ осунувшимся суровымъ лицомъ онъ сидѣлъ весь мокрый, поникнувъ сѣдѣющей головой и устремивъ неподвиж-

ный упорный взглядъ на свои колѣни, на которыхъ лежала маленькая бѣлокурая головка... Это былъ Ивась... Живъ ли?.. я кинулся къ нему, убитое лицо отчима сказало мнѣ все!

— Качали-ли?

— Качали, баринъ!.. долго—часа, поди, два... ничего... застылъ уже... должно вчера и потонулъ!— объясняли мнѣ,—на самую, вишь, середину уплылъ на саликѣ, нарвалъ купавокъ этихъ самыхъ полныя руки, да поскользнулся что-ли и упалъ; а какъ упалъ, такъ онѣ его опутали... онъ, должно, и не бился: ишь спокойный какой... сразу захлебнулся! А цвѣтки эти все-же сохранилъ... гляньте—такъ и застылъ съ ними, а стебли-то его спутали и утонуть совсѣмъ не дали... мы его сверху на нихъ и нашли.

Я, не отрываясь, глядѣлъ на ребенка; крѣпкіе стебли опутали его нѣжное тѣло, гладкіе листья легли на грудь, а къ груди нѣжными съ синими жилками ручками была прижата цѣлая охапка бѣлыхъ, точно восковыхъ, цвѣтовъ... надо было дивиться, какъ такія слабыя ручки могли нарвать такую массу! Мягкіе локоны уже просохли и, точно сіяньемъ, окружили бѣлый высокій лобикъ, ротикъ слегка полуоткрылся, словно онъ что-то пѣлъ, умирая... пѣлъ или говорилъ, быть можетъ, одну изъ своихъ думокъ, потому что такое же свѣтлое вдохновенно-мечтательное выраженіе бывало на его личикѣ при жизни, во время его разсказовъ; и только рѣсницы длинныя и темныя скрыли навсегда ясные, озаренные мыслью, синіе глаза.

Слезы душили меня, мнѣ было безконечно жаль эту юную жизнь, это даровитое дитя, безвременно угасшее ради любви, ради желанія принести радость той, кого онъ беззавѣтно любилъ, и за нее, за чужую радость, отдавшаго свою жизнь! И мнѣ вспоминалась его дума, разсказанная намъ недавно о томъ, что его зовутъ звѣзды и мать... теперь онъ ушелъ къ нимъ вмѣстѣ съ барышней. Въ одну ночь ушли они въ это высокое, недосягаемое небо, къ тихимъ и кроткимъ звѣздамъ.

... и привелъ съ собою маленькую дѣвочку — свѣтло-волосаго ребенка лѣтъ пяти съ большими голубыми глазами и тонкими чертами нѣжнаго печальнаго личика...

Коог-ай.

Въ тотъ годъ весна наступила особенно рано,— теплая и прекрасная: зацвѣли бѣлые кой-чечеки [1]) на проталинахъ, а за ними выглянулъ розовый кандыкъ, и звонко зашумѣли по Алтаю говорливые ручьи, будя уставшія дремать подо льдомъ давно зіявшія полыньями рѣки, которыя тоже заговорили гулко и шумно, давая вѣсть о себѣ; заговорила тихая спокойная Бія и шумная рокотунья Катунь, и за ними всѣ большія и

[1]) Бѣлая вѣтреница.

малыя алтайскія рѣки весело загремѣли по камнямъ свободными струями, будя тихіе лѣса, спокойныя горы и задумчивыя долины. Даже озера вскрылися ранѣе обычнаго, а до Свѣтлаго дня оставался еще мѣсяцъ!..

Поздняя была Пасха въ тотъ годъ: 24 апрѣля... Я обыкновенно любилъ встрѣчать весну въ глуши, любилъ слушать, какъ начнутъ куковать кукушки въ еще не одѣвшемся лѣсу.

И переводчикъ Курмашовъ, крещеный алтаецъ, услыхавъ первое кукованіе, задумчиво говорилъ мнѣ:

— Вонъ, кысъ разноногая прилетѣла!.. намоталась въ чужихъ краяхъ... по родинѣ стосковалась...

У моего старика была поэтическая натура: онъ всегда жилъ въ мірѣ фантазій, твердо вѣрилъ стариннымъ преданіямъ и, между ними,—преданію о дѣвушкѣ Кукъ, которую злая сноха отослала къ шайтану за то, что она попросила у ней пить... Дѣвушка превратилась въ птицу и полетѣла въ отверстіе юрты... Ее хотѣли поймать родные, но только сорвали обутокъ: оттого и нога у кукушки, по увѣренію алтайцевъ, одна красная (разутая), а другая—черная (въ обуткѣ); отъ того она и не умѣетъ вить гнѣздо, потому что это не дѣвичье дѣло... а чтобы ее узнали, она постоянно произноситъ: „кукъ! кукъ!“

Съ ранней молодости я зналъ его. Мы вмѣстѣ любили Алтай нѣжной и теплой любовью; мы знали всѣ особенно живописныя мѣста... но весну я любилъ встрѣчать подъ хребтомъ Синюхи, у тихаго озера, на которомъ богато разрастались купавки и чилимъ [1]). Это былъ мирный уголокъ, верстахъ въ трехъ отъ Катуни, гдѣ воздухомъ, напитаннымъ ароматомъ хвои, дышалось легко и свободно, гдѣ боръ стоялъ нетронутый, прекрасный и задумчивый, поднимаясь на высоту горъ, точно стараясь заглянуть за высокія гривы на обширный Божій міръ, невѣдомый маленькой долинѣ.

Я любилъ людей въ крохотномъ поселкѣ, съ молитвеннымъ домомъ: въ тѣ времена люди были чи-

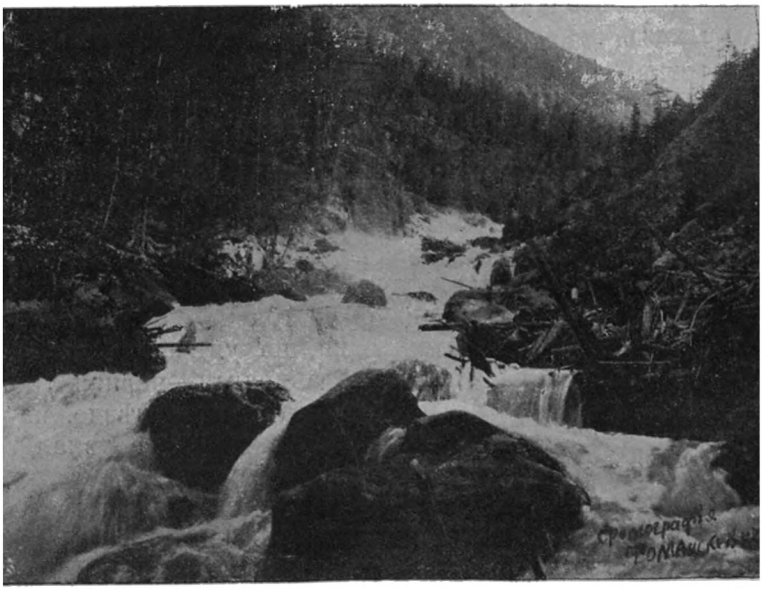
---

[1]) Рогульникъ, водяные орѣхи.

сты сердцемъ, какъ дѣти, и такъ-же, какъ дѣти, просты.

И въ маленькомъ домикѣ одинокаго псаломщика мнѣ было хорошо и уютно, какъ никогда не бывало въ большихъ богатыхъ домахъ.

Въ половинѣ апрѣля прилетѣли лебеди, эти красавцы куу, нѣжные и прекрасные, которыми мы ча-



... мы вмѣстѣ любили Алтай нѣжной и теплой любовью; мы знали всѣ особенно живописныя мѣста.

сами любовались на озерѣ, ворочаясь изъ нашихъ поѣздокъ въ отдаленные аилы... И они не боялись насъ, эти птицы: они спокойно плавали по тихому озеру, уплывая изъ виду въ далекіе прошлогодніе камыши, подъ другой берегъ...

Въ поселкѣ я хорошо зналъ всѣхъ инородцевъ, и мнѣ не нравился только одинъ Степанъ Огоно— (чеснокъ), какъ прозвали его свои поселковые за то, что онъ былъ злой и ѣдкій на слова человѣкъ...

Изъ Кузнецкаго уѣзда, (по крайней мѣрѣ, такъ онъ говорилъ всѣмъ), пришелъ онъ года три тому назадъ и привелъ съ собою маленькую нѣмую дѣвочку—свѣтловолосаго ребенка лѣтъ пяти съ большими голубыми глазами и тонкими чертами нѣжнаго печальнаго личика...

Меня глубоко интересовалъ этотъ ребенокъ, и мое сердце невольно полюбило дѣвочку. Откуда и какъ попала она къ угрюмому инородцу, было тайной... во всякомъ случаѣ я не допускалъ мысли, что эта была его дочь, хотя онъ, повидимому, обращался съ нею хорошо...

У нея не было христіанскаго имени, и ее звали Коог-ай, что означало „кандышный“ мѣсяцъ (мѣсяцъ май), въ который вырываютъ кандыкъ.

Въ мои заѣзды въ поселокъ я часто звалъ къ себѣ Степана и пробовалъ говорить ему о дѣвочкѣ, распрашивать, но онъ всегда угрюмо отмалчивался, точно набравъ въ ротъ воды: а когда я прибѣгъ къ помощи знакомаго зайсана, онъ показалъ тому документъ, въ которомъ дѣвочка значилась дочерью его, Степана Торчака (такова была его настоящая фамилія) и его законной жены Анисьи,—была крещена въ одномъ изъ миссіонерскихъ становъ и наречена Ольгою.

Документъ былъ исправенъ, но даже смирные поселковые жители не вѣрили ему, хотя не смѣли этого говорить сердитому Огоно. Недобрые слухи—откуда—Богъ знаетъ!—прилетѣли о немъ... Можетъ быть сердце подсказало кроткимъ людямъ, что Огоно—плохая птица, и они, безразсудно принявшіе его въ свой поселокъ, теперь избѣгали его и сторонились; но онъ находилъ предлогъ ссориться, и придиркамъ его къ сосѣдямъ конца не было...

Я, при встрѣчахъ, пробовалъ называть Коог-ай христіанскимъ именемъ, но она не понимала меня: а когда я называлъ ее по прежнему, довѣрчиво шла ко мнѣ и брала лакомства, которыя я всегда привозилъ дѣтямъ.

Въ восемь лѣтъ она не училась ничему, хотя отлично все слышала и понимала; всегда одна—она сторонилась своихъ сверстниковъ и, повидимому, не тяготилась молчаніемъ; она привыкла заботиться о себѣ сама.

Степанъ цѣлые дни пропадалъ на охотѣ; это былъ мѣткій стрѣлокъ и никогда не приходилъ безъ добычи, а дѣти поселка разсказывали мнѣ, что Коог-ай всегда плакала надъ убитыми птицами и эликъ [1]), этими красавцами лѣса, шкуры которыхъ ея отецъ продавалъ купцамъ.

Дѣти любили Коог-ай; они говорили мнѣ, что странная дѣвочка часто играетъ въ лѣсу и что-то думаетъ; говорили, что она любитъ птицъ и звѣрковъ, что у нея есть ручной зайчикъ, а голуби любятъ ее и ѣдятъ кормъ изъ ея рукъ.

И я, слыша эти разсказы, еще больше привязался къ красивому нѣмому ребенку, обладавшему доброй и любящей душой... Дѣвочка платила мнѣ довѣріемъ и робкой привязанностью, но къ другимъ она относилась съ боязливымъ недовѣріемъ, даже къ добряку Курмашову...

Недѣли за полторы до Пасхи, въ ясный, сіяющій солнцемъ, апрѣльскій день ко мнѣ прибѣжали взволнованныя дѣти поселка и сообщили, что Огоно жестоко прибилъ Коог-ай, прибилъ за то, что она плакала объ убитомъ имъ куу [2]).

Огоно убѣжалъ въ лѣсъ, а дѣвочка и сейчасъ плачетъ въ избѣ, а куу лежитъ такой большой, бѣлый и красивый!

— Плохо!—крякнулъ мой Курмашовъ,—совсѣмъ плохо: лебедя убилъ—и самому не сдобровать! Это все равно, что загубить душу человѣческу... не даромъ я слыхалъ вчера ввечеру—лебеди на озерѣ пѣли въ два голоса: двѣ смерти чуяли... одна—есть... другая будетъ. Худой человѣкъ Огоно: въ глаза не глядитъ... есть у него на душѣ чернота, и теперь всякому онъ пакость сдѣлать старается, а наша посло-

---

[1]) Косуля.
[2]) Лебедь.

вица говоритъ: „Кыжіэ чунурчакъ касма, узінъ чунурчака тюжерзінъ“ (не копай для другого ямы, самъ въ нее ввалишься)!.. Вотъ, помяните меня: пришелъ его часъ... Куу ему даромъ не сойдетъ... „Тандагызынъ танъ білеръ тан-аткажінъ Кудай білеръ“ (завтрашнее завтра знаетъ... что будетъ на разсвѣтѣ—Богу извѣстно!)...

Онъ точно напророчилъ... Я пошелъ съ дѣтворою до избушки Огоно, и мое сердце сжалося при видѣ горя дѣвочки: Коог-ай сидѣла посреди пола, припавъ свѣтловолосой головкой къ бѣлому оперенію птицы, худенькими руками она охватила ее, точно близкаго родного человѣка, и тихо стонала,—вздрагивая плечиками. Синяя дабовая рубаха, ея единственная одежда, оттѣняла бѣлую шейку и бѣлыя завѣтрѣвшія ручки...

Я попробовалъ утѣшить нѣмую, ласково погладивъ спутанные волнистые волосы... она подняла отъ лебедя свое, залитое слезами, печальное лицо и, увидавъ меня, быстро вскочила и начала что-то говорить лицомъ, глазами, и руками... Я, къ сожалѣнію, не могъ понять, но одинъ жестъ ея обратилъ мое вниманіе: въ пылу своей странной рѣчи, она много разъ хмурила нѣжный лобъ и проводила по нему пальцемъ повдоль отъ волосъ къ носу рѣзкимъ и быстрымъ движеніемъ... Алтайскія дѣти внимательно слѣдили за ней...

— А, вѣдь, она это Огоно поминаетъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ: у него сморщенный лобъ, и ровно борозда по нему прошла повдоль.

— Огоно!.. ты про него, малютка?.. онъ—билъ тебя?—сказалъ я.

Она утвердительно, но небрежно махнула рукою и, гнѣвно сдвинувъ брови, указала на лебедя... Потомъ нѣсколько разъ подняла кверху ручки, разставивъ пальчики, видимо стараясь показать, что онъ билъ много птицъ... Потомъ она показала на лѣсъ, на рѣку и долго что-то старалась разъяснить и, наконецъ, схвативъ палку, которую держалъ въ рукахъ одинъ изъ дѣтей, приложила ее къ плечу и навела на Курмашова, пришедшаго вслѣдъ за нами...

— Человѣка убилъ!—мрачно сказалъ онъ.

— Да!.. Да!... говорили дѣтскіе, полные гнѣва, глаза... Тамъ—махала она рукою, указывая на горы.

Потомъ показала на рѣку и стала загибать пальчики; разъ, два, три... и такъ до десяти...

— Далеко!—пояснилъ Курмашовъ,—за десятью рѣками... тамъ, за горами...

Я съ изумленіемъ видѣлъ, что глаза ребенка блеснули мрачной радостью...

— Да!.. да!—кивала она головою.

А Курмашовъ, точно по духу, понялъ:

— Ты куу увидала убитаго... заплакала... погрозилась, что разскажешь про него, если онъ станетъ лебедей бить? а онъ тебя бить кинулся... убить грозилъ?..

— Да, да!..—радостно кивала она головою...

— Ты съ нимъ въ тайгѣ жила, у монголовъ?.. здѣсь онъ тебѣ не велѣлъ ничего съ ребятами маячить?

— Да!.. да!

— Тамъ онъ, на Чуѣ, монгола убилъ? коней кралъ?

— Да!.. да!—кивала она.

— А гдѣ вы раньше жили? не помнишь?! село какое, што ли?

— Нѣтъ!—отрицательно покачала она головою.

— Бѣдная!—пожалѣлъ ее Курмашевъ... а такъ тебя не бьетъ?

— Нѣтъ,—отвѣтили глаза, но неувѣренно.

— Ты не бойся: мы за тебя заступимся!—сказалъ онъ.

Она взглянула на него, потомъ на меня большими умными глазами, и тѣнь недовѣрія прошла по ея тонкому внимательному личику.

— Онъ тебѣ не отецъ!—увѣренно и положительно сказалъ Курмашовъ.

И при его словахъ молнія радости мелькнула и угасла въ глазахъ Коог-ай: она тихо и печально покачала головою.

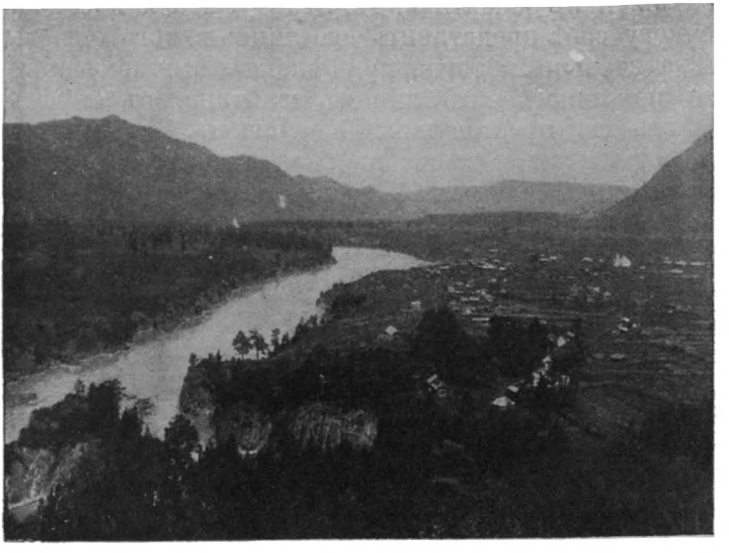
Я понялъ, что въ глубинѣ ея маленькаго сердца таилась та-же мысль, но она не смѣла ей вѣрить.

— Пойдемъ съ нами, Коог-ай!—сказалъ я,—онъ

тебя не посмѣетъ взять... по крайней мѣрѣ теперь... Посмотри, вонъ какъ исцарапаны твои руки... ухо въ крови... Пока я здѣсь, я не позволю ему бить тебя.

— Нѣтъ!—отрицательно покачала она головою.

Съ благодарностью глядя на меня и проведя рукою по сморщенному лбу, она указала на себя и, отдѣливъ два пальца—большой и маленькій,—крѣпко прижала ихъ другъ къ другу.



... а нужно было ѣхать въ большой станъ: тамъ ждали меня говѣльщики...

— Ишь, говоритъ, что отецъ и дочь—вмѣстѣ!.. Бѣдная!—пожалѣлъ ее Курмашовъ... да не отецъ онъ тебѣ, Коог-ай!.. вотъ увидишь: Богъ это дѣло разберетъ скоро!—убѣжденно вымолвилъ онъ, гладя ея спутанные волосы.

И опять его слова показались мнѣ пророчествомъ.

Удрученный вышелъ я изъ избы Огоно: странный ребенокъ съ своими, полными тайны, разоблаченіями занималъ умъ... а нужно было ѣхать въ большой станъ: тамъ ждали меня говѣльщики, и мой

добрый начальникъ прислалъ полупросительное письмо, настаивая на моемъ пріѣздѣ... Онъ давалъ мнѣ обѣщаніе отпустить на Пасху по станамъ, но сейчасъ звалъ домой... А мнѣ не хотѣлось уѣхать... я точно ждалъ чего и рѣшился остаться до разсвѣта...

Но мое ожиданіе разрѣшилося подъ утро, передъ разсвѣтомъ, самымъ неожиданнымъ образомъ: къ моему крыльцу, на которомъ я засидѣлся, любуясь прекрасною ночью, приползъ Огоно... самъ Огоно... именно приползъ... и въ какомъ видѣ! Безъ ужаса я и сейчасъ не могу себѣ представить его лица: до того оно было отвратительно... а тогда, при бѣломъ мѣсячномъ свѣтѣ, оно показалось мнѣ лицомъ шайтана, въ котораго вѣрилъ мой простодушный Курмашовъ. Это была кровавая распухшая масса съ болтающимся на ниточкѣ вырваннымъ глазомъ, съ разорванной губой, изъ-за которой страшно блестѣли бѣлые зубы, съ залитымъ кровью черепомъ.

— Абшакъ!—прохрипѣлъ онъ, падая къ моимъ ногамъ... Куу!.—понизивъ голосъ и оглядываясь расширеннымъ, полнымъ безумнаго ужаса, взглядомъ, почти прошепталъ онъ...—Куу!.—повторилъ онъ опять едва слышно и, обхвативъ мои ноги руками, уткнулся въ нихъ окровавленнымъ лицомъ.

Я громко позвалъ Курмашова... Мой крикъ привлекъ сосѣдей, спавшихъ съ открытыми дверями, и общими силами мы перенесли его на кровать въ комнату, гдѣ я сейчасъ же обмылъ, на сколько могъ, его лицо и голову, наложивъ на раны помоченное въ воду съ арникой полотенце... Что могъ я сдѣлать болѣе, мало свѣдующій въ медицинѣ, безъ лѣкарствъ? Но мнѣ сразу бросились въ глаза страшныя раны на его головѣ, глубокія, обнажившія мозгъ, рана на ногѣ, измятая грудная клѣтка, глубоко оцарапанный бокъ, изъѣденная, совершенно раздробленная въ локтѣ, рука... Какимъ чудомъ онъ ушелъ живымъ изъ когтей абшака, мы не могли понять!.. Но это было удивительно!!.

Холодные компрессы вывели его изъ безсознательнаго состоянія, въ которое онъ впалъ, когда я промывалъ его раны; онъ оглядѣлъ насъ всѣхъ единствен-

нымъ уцѣлѣвшимъ глазомъ и заговорилъ внятно, раздѣльно произнося слова.

— Богъ... Богъ покаралъ Огоно... помру я!..

Мнѣ было тяжело лгать—увѣрять его въ противномъ, и я смолчалъ, опустивъ голову.

А онъ продолжалъ, понизивъ голосъ почти до шопота:

— Куу!.. это куу бѣлыя, красивыя идутъ, какъ кысъ [1]), и манятъ въ лѣсъ... дальше... дальше... Я все шелъ... умъ потерялъ... усталъ... опомнился: назадъ пошелъ къ озеру... а тутъ—абшакъ... бѣлой кысъ не стало: пропала она... Сѣлъ я: ноги трясутся; кажется мнѣ—опять идутъ кысъ, обнимаютъ плечи мои... а это онъ... абшакъ... О, какъ мы бились!.. какъ бились!!. издохъ онъ... упалъ: ножъ мой помогъ... поползъ я... а они—куу—ловятъ меня... не пускаютъ... душатъ... бѣлыя плачутъ: „Зачѣмъ убилъ? зачѣмъ убилъ?“...

Мнѣ показалось, что онъ бредитъ, но мои товарищи не думали этого: спокойно, но напряженно, слушали они его рѣчь... слушалъ и Курмашовъ, и лицо его стало серьезнымъ и строгимъ...

Въ комнатѣ было душно отъ сбѣжавшагося народа, и я велѣлъ открыть дверь... Ее отворили настежь, и въ темное отверстіе была видна часть неба съ большими звѣздами, уже начинавшими потухать.

— Ой, колакъ!.. колакъ!.. [2]) заметался больной и закрылъ цѣлой рукою изуродованное лицо,—ой, колакъ! опять глядятъ Куу... огромныя, бѣлыя, печальныя... глядятъ и укоряютъ... вы не слышите, а я слышу... я ихъ боюсь... заприте... вонъ онѣ!—зажавъ глазъ, судорожно указалъ онъ рукою на дверь,—Анисья съ ними... Мултыкъ... Сары-башъ... всѣ... всѣ... вонъ онѣ... Ой!. ой!. ой! заприте, заприте!!.—неистово закричалъ онъ,—я все скажу... все скажу!!.

Я велѣлъ затворить дверь, хотя зналъ, что ему будетъ тяжелѣе безъ воздуха: я былъ увѣренъ, что онъ бредитъ, но онъ, полежавъ минуты три тихо, вдругъ заговорилъ почти спокойно, съ присущей ал-

---

[1]) Дѣвушка.
[2]) Ой, тошно!.. тошно!..

тайцамъ медлительностью, точно взвѣшивая каждое слово и мѣшая съ русской алтайскую рѣчь.

— Далекій я... изъ степей... подъ Кузнецкомъ жилъ потомъ долго... женился... жена молодая, одинокая и я одинокій тоже... изба была, корова, конь... все мнѣ далъ хозяинъ, который меня изъ степи привезъ... добрый былъ... да я недобрый... „яхші яманды більбейтъ, яманъ кыжі яхшіны більбейтъ“ (добрый человѣкъ зла, а худой добра—не помнятъ)... И я не помнилъ... Охъ, охъ!..—застоналъ онъ тяжкими, долгими стонами,—сжегъ я его: завидно было глядѣть, что онъ меня богаче... На меня никто не подумалъ... только жена Анисья знала, ну, и сдурѣла: дѣвочка у насъ была Ольга... съ полгода ей было... жена взяла ее и убѣжала: „кадын-кыжінынъ чачі узунъ, агылы кысха“ (у женщины волосъ дологъ, да умъ коротокъ); искалъ ее долго... какъ въ воду канула... зло меня тогда взяло!..

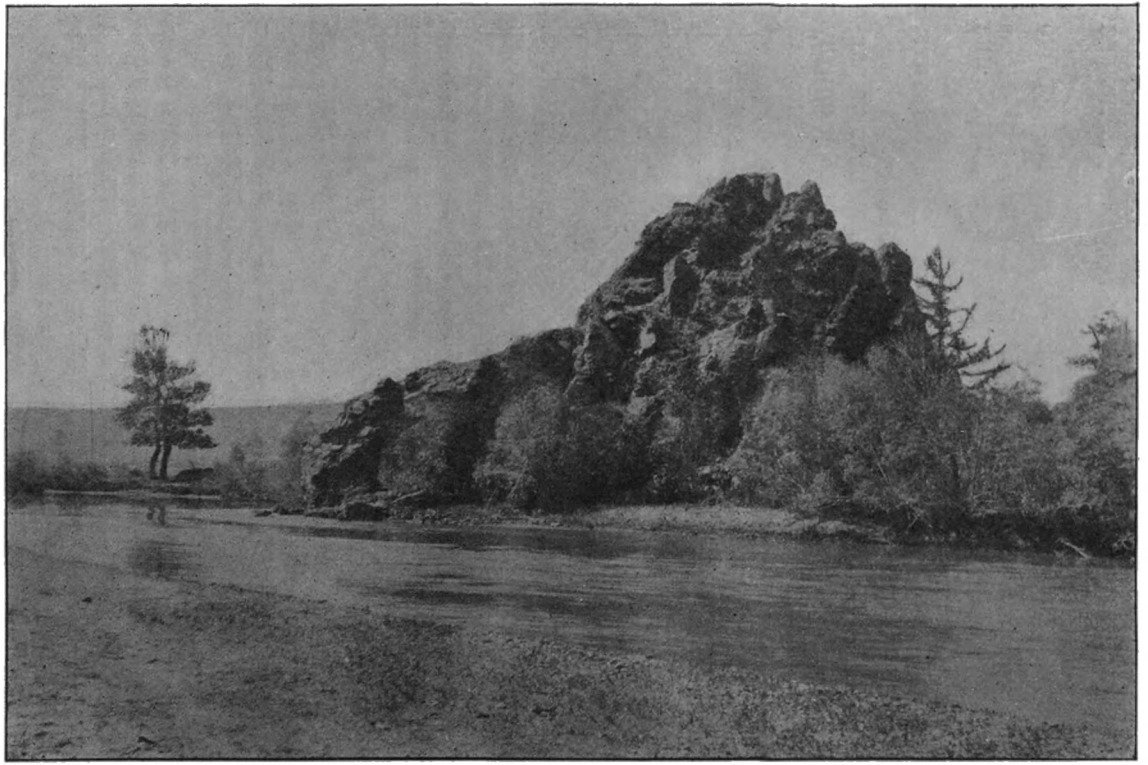
Онъ замолкъ и сталъ опять стонать отрывисто и хрипло.

Я перемѣнилъ ему компрессъ, прыснулъ въ лицо водою и далъ пить.

Меня трясла нервная дрожь: я ждалъ разъясненія, ждалъ тайны, а кругомъ меня были спокойныя серьезныя лица алтайцевъ, молчаливо и, какъ будто безучастно, слушавшіе исповѣдь видимо умиравшаго Огоно... И только одинъ Курмашовъ волновался, сочувствуя мнѣ...

— Нашелъ!.. хрипло сорвалося съ губъ раненаго,—далеко... въ большомъ городѣ: въ мамкахъ жила у баръ. Ольга съ ней... убилъ я ее ночью, а ребенка взялъ... не свою, а ту, съ которой она водилась... на зло взялъ: пускай мается... убѣжалъ далеко, на Чую... жилъ разбойникомъ... ребенка Коог-ай билъ рѣдко... Она не нѣмая была, говорила маленькая... тонули мы весной: бродомъ понесло насъ... гроза... буря... она все кричала: боялась... я ее убить погрозилъ... она замолчала: испугалась... съ тѣхъ поръ нѣмая стала!..

— Батька!. вдругъ отчаянно обратился онъ ко мнѣ, силясь приподняться,—ой, прости; я, вѣдь, кре-



... убѣжалъ далеко на Чую... жилъ разбойникомъ...

щенъ... умирать боюсь... ой, батька!.. чую, што умираю... жену убилъ, Анисью... монгола убилъ... Сарыбашъ... Мултыка... алтайца убилъ, ограбилъ... деньги копилъ... Ой, ой, колакъ, колакъ...

Я видѣлъ, что ему тяжко и спросилъ, близко наклоняясь къ нему:

— Степанъ; чей баринъ, у котораго ты ребенка взялъ? въ какомъ городѣ?

Онъ заикнулся и открылъ ротъ, желая отвѣтить, и вдругъ все тѣло его затрепетало...

Алтайцы дрогнули, и я, понявъ, что поздно распрашивать, сталъ читать разрѣшительную молитву этой грѣшной, уходящей изъ міра, душѣ, а потомъ отходную...

А тѣло трепетало и дергалось передъ нами.

Вдругъ онъ весь приподнялся и крикнулъ дико, страшно... его изуродованное лицо перекосилось и стало отвратительнымъ... онъ жалобно и тихо завылъ, и вой его леденилъ кровь...

— Куу!.. Куу!.. Куу!..

Это продолжалось минуту, но я едва вынесъ ее.

Онъ разомъ замолкъ и сунулся какъ-то бокомъ на кровать... Я понялъ, что мнѣ болѣе нечего дѣлать возлѣ него, и вышелъ на улицу, гдѣ догорали спокойныя и ясныя звѣзды и занималась заря. Мирныя, задумчивыя и спокойныя поднималися горы, и тихо рокотала Катунь...

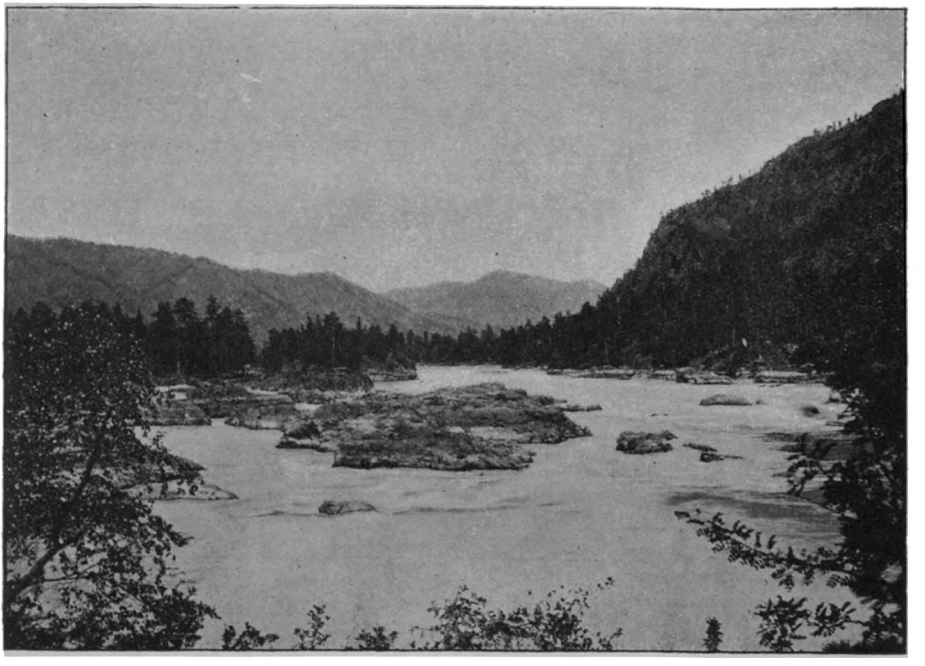
Утромъ я, взявъ съ собою нѣмую Коог-ай, уѣхалъ изъ поселка въ станъ.

Коог-ай все узнала, пока я спалъ, и я не замѣтилъ, чтобы она плакала. Серьезными довѣрчивыми глазами посмотрѣла она на меня, когда я ей говорилъ о тайнѣ, открытой Степаномъ; и когда я сказалъ ей, что постараюсь найти ея мать, свѣтлая улыбка легла на дѣтскія уста—первая улыбка за всѣ три года, которую я видалъ на ея всегда печальномъ личикѣ.

По пріѣздѣ въ станъ, я пристроилъ дѣвочку въ семью моего начальника... Самъ я, поглощенный занятіями и требами, не могъ заниматься ею, но я раз-

сказалъ ея исторію, и исторія Коог-ай полетѣла далеко изъ стана: она быстро добралася до города и пошла дальше...

И въ то время, какъ я, Курмашевъ и Коог-ай опять уѣхали въ нашъ поселокъ, чтобы тамъ въ ти-



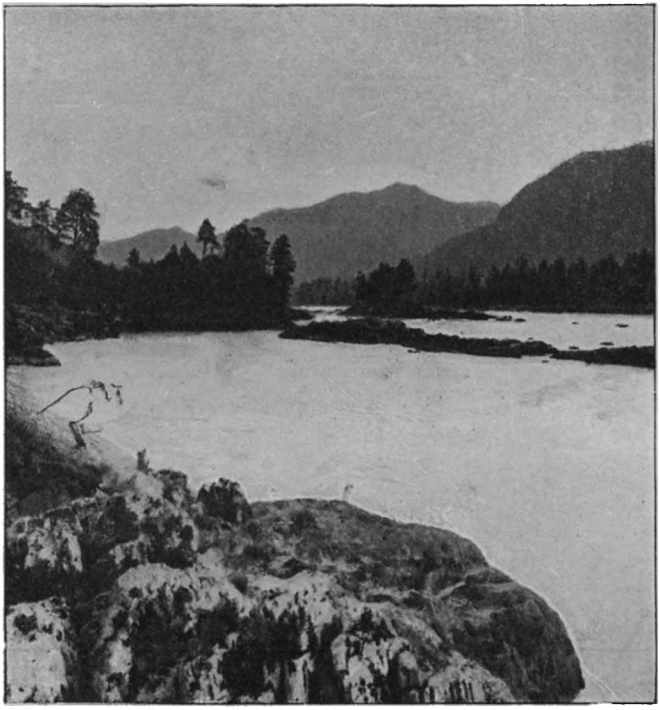
... Мирныя задумчивыя и спокойныя поднималися горы, и тихо рокотала Катунь.

шинѣ встрѣтить Пасху, судьба готовила моему алтайскому цвѣтку свѣтлый и прекрасный подарокъ къ празднику, но мы о немъ ничего не знали.

Помню изумленіе и восторгъ дѣвочки при видѣ освѣщенной церкви, въ глухую полночь, и крестнаго хода подъ радостный звонъ колоколовъ: въ дни своихъ скитаній съ Огоно и въ дни жизни здѣсь она никогда ничего этого не видала: я узналъ уже по-

томъ, что Огоно нарочно уводилъ ее отъ праздника въ какой-нибудь дальній аулъ, и немудрено, что наше стройное пѣніе показалося ей музыкой.

Ночь была хороша удивительно: теплая, напоенная ароматомъ хвои и начинавшей цвѣсти черемухи.



... покрывая наши голоса, словно вторя, радостно гремѣла Катунь...

Покрывая наши три голоса, словно вторя, радостно гремѣла Катунь, и когда я вышелъ христосоваться съ народомъ, мнѣ бросилось въ глаза сіяющее личико Коог-ай съ большими, разгорѣвшимися какъ звѣзды, голубыми глазами...

Это была чудная ночь! Никогда я не забуду этой

пасхальной ночи: она долго казалась мнѣ сказочнымъ сномъ... сномъ казалось лицо блѣдной высокой женщины въ дорожной одеждѣ, въ половинѣ обѣдни появившейся въ нашемъ молитвенномъ домѣ; сномъ—ея поразительное сходство съ дѣтскимъ личикомъ, съ милымъ личикомъ нѣмой Коог-ай...

И это была правда, дѣйствительность... счастливая и радостная дѣйствительность!

А дальше все кончилось, какъ въ сказкѣ: мать нашла дочь по слуху; мать поѣхала за ней, увидала, признала и взяла ее къ себѣ... она оказалась богатой и доброй и мою любимицу окружила всѣмъ, что тѣшитъ жизнь...

Все это было потомъ, впослѣдствіи... въ это же утро свѣтлаго пасхальнаго дня, когда я, покончивъ службу, подошелъ къ путницѣ, она не сводила глазъ съ Коог-ай, довѣрчиво подбѣжавшей ко мнѣ.

— Эта дѣвочка—дочь Огоно?—спросила дама, хватая мои руки...—я четыре дня ѣхала изъ Б-ка... (она назвала большой пріискъ)... мой мужъ тамъ управляющимъ... семь лѣтъ тому назадъ у насъ была убита мамка Анисья Тарчакова, и пропала дѣвочка Маруся... это нашъ единственный ребенокъ... мы жили тогда въ Т... Дочку Анисьи и Стефана Торчаковыхъ я воспитывала, какъ свою... мы думали, что наша погибла... Вы поймите, какъ я и мужъ волнуемся и ждемъ услыхать отъ васъ, правдивъ ли слухъ о томъ, что вы нашли нашего ребенка?!.

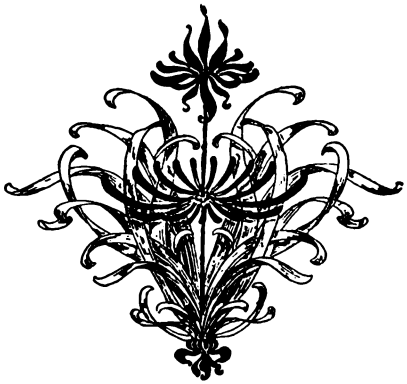
И съ трепетомъ, охватившимъ мое сердце, я наклонился къ Коог-ай и, вмѣсто отвѣта дамѣ, сказалъ дѣвочкѣ, съ глубокимъ вниманіемъ смотрѣвшей на насъ:

— Маруся! Это твоя мама!.. она сама пришла за тобой!!.

Я помню тихій странный крикъ нѣмой и молчаливыя слезы матери... Помню ея горячія ласки и ясную зорю прекраснаго дня, розовыми тонами одѣвшаго темную поросль Синюхи, чистый перезвонъ маленькихъ колоколовъ, весело гудѣвшихъ съ звонарни, и рокотъ Катуни, который глушилъ птичій гомонъ и свистъ соловьевъ, распѣвшихся среди расцвѣтающей

черемухи: они тоже пѣли гимнъ вмѣстѣ съ людьми, свѣтлый гимнъ весеннему празднику пострадавшаго и воскресшаго Христа!..

Черезъ 4 мѣсяца я получилъ отъ Маруси ласковое письмо, въ которомъ она, между прочимъ, извѣщала меня о томъ, что вновь владѣетъ рѣчью и начала готовиться къ поступленію въ прогимназію, и усердно просила молиться за покойнаго раба Степана (Торчака).



... *Кара-кызъ было лѣтъ тринадцать...*

... *Ираклію—одиннадцать.*

КАРЧІГА[1].

Рожденный матерью на горномъ перевалѣ, маленькій Ираклій росъ настоящимъ соколомъ въ своемъ обожаемомъ краю, въ глухомъ углу красавца Алтая, близъ туземнаго аула, и единственной подругой его была темноволосая Кара-кызъ, сирота дѣвочка, упрямая и своевольная, къ которой, однако, привязалась вся семья свободнаго охотника и пасѣчника Дмитріева, ростившаго эту бездомную дѣвочку сироту, какъ любимую дочь, наравнѣ съ Иракліемъ.

---

[1]) Карчіга—соколъ.

Кара-кызъ было лѣтъ тринадцать, Ираклію—одиннадцать въ то время, къ которому относится этотъ разсказъ. Она была темноглазая, живая, веселая, съ красивымъ смуглымъ личикомъ кумандинка, онъ—тоже темноволосый, съ синими глазами, бѣлолицый, сильный и ловкій, котораго, по почину Кара-кызъ, всѣ, даже тихая бѣлолицая мать, звали Карчіга—за его благородное и смѣлое сердце рыцаря, за это храброе дѣтское сердце.

Они учились дома, подъ руководствомъ матери, бывшей учительницы, любившей дѣтей; и своему сыну, и язычницѣ она говорила о Христѣ, учила молиться и внушала своенравной дѣвочкѣ то, что если она не будетъ крещена, то не пойдетъ туда, въ синеву чуднаго неба, которое такъ пламенно любила дочь горъ. Кара-кызъ и сама желала этого крещенія; живая, впечатлительная, она любила русскія „камланья" въ станахъ, куда ее возила пріемная мать (камланье, то-есть службу, какъ она своеобразно ее называла), но Дмитріевъ настаивалъ на томъ, чтобы ребенокъ принялъ крещеніе сознательно, и въ семьѣ порѣшили уже давно окрестить ее, когда ей, минетъ четырнадцать лѣтъ.

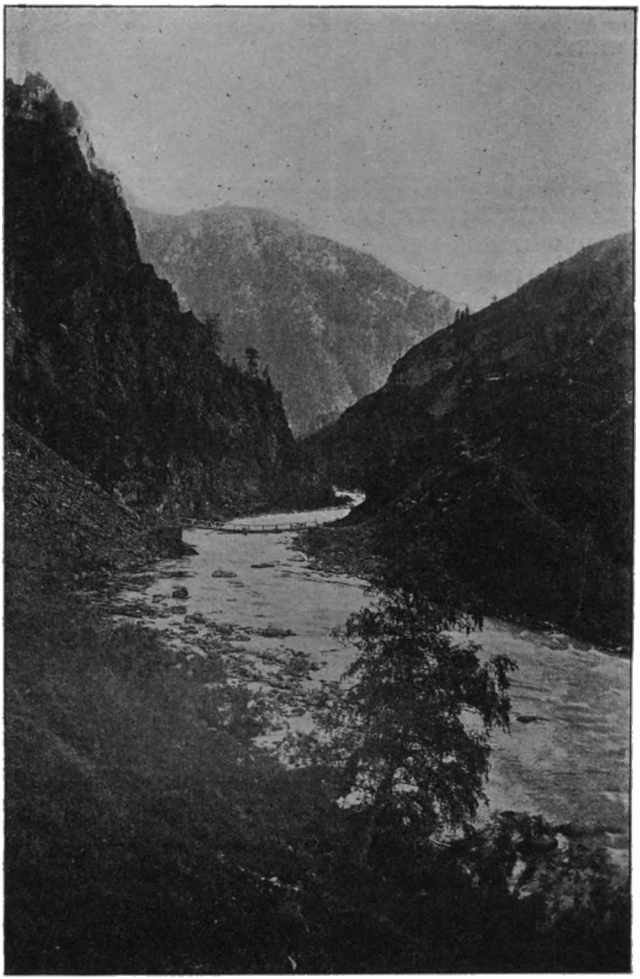
Было лѣто, чудное, мягкое, алтайское лѣто; въ высокихъ горахъ, окружавшихъ ихъ долину, журчали говорливые потоки, и старая работница Маланья, крещеная инородка, говорила, что теперь „Полозъ" даже выползаетъ изъ глубины пещеръ, таинственный Полозъ—огромная змѣя, невиданная, ужасная, огромная, какъ старый кузукъ-агашъ [1]), что въ прошломъ году выворотила буря.

Кара-кызъ бредила Полозомъ: она мечтала увидать его въ глубинѣ пещеръ, но боялась забираться туда, потому что не терпѣла ярганатъ [2]). Она радовалась Маланьинымъ разсказамъ—и подговаривала Карчігу забираться въ новыя мѣста, доступныя

---

[1]) Кузукъ-агашъ—кедръ.
[2]) Ярганатъ—летучая мышь.

только имъ, да текэ [1]) съ кочкоромъ [2]), въ поискахъ этого сказочнаго Полоза.



... Въ высокихъ горахъ, окружавшихъ ихъ долину, журчалъ говорливый потокъ...

[1]) Текэ—каменный козелъ.
[2]) Кочкоръ—каменный баранъ.

— Струсишь! — спокойно говорилъ мальчикъ.— На ок-діланъ [1]) нарвешься.

— Ты самъ трусишь!.. Какой ты соколъ, Карчіга?!..

И этотъ упрекъ больно задѣлъ смѣлое сердце мальчика.

* * *

— Мама!—приставалъ онъ къ матери въ тихіе вечера, когда долина, наводненная луннымъ свѣтомъ, съ бѣлой пѣной горныхъ потоковъ на уступахъ огромныхъ горъ и вѣчной зеленью хвои, поражала глаза красотой и величіемъ.—Гдѣ найти Полоза, такого огромнаго-огромнаго, какъ кузукъ-агашъ, что повалило бурей?

Съ тихой улыбкой мать обращалась за разъясненіемъ къ отцу, и тотъ, любившій поднимать въ дѣтяхъ любовь къ таинственному, рисовалъ эту легендарную змѣю, созданную воображеніемъ алтайцевъ, такимъ чудовищемъ, недоступнымъ взгляду человѣка, что даже неугомонная Кара-кызъ притихала на минуту, устрашенная.

А съ луговины у озера, свѣтлаго озера ихъ долины, неслись томительные звуки, продолжительные и нѣжные, похожіе на скрипѣнье сверчковъ, только болѣе сильные и безпрерывные: то заводили разговоръ змѣи.

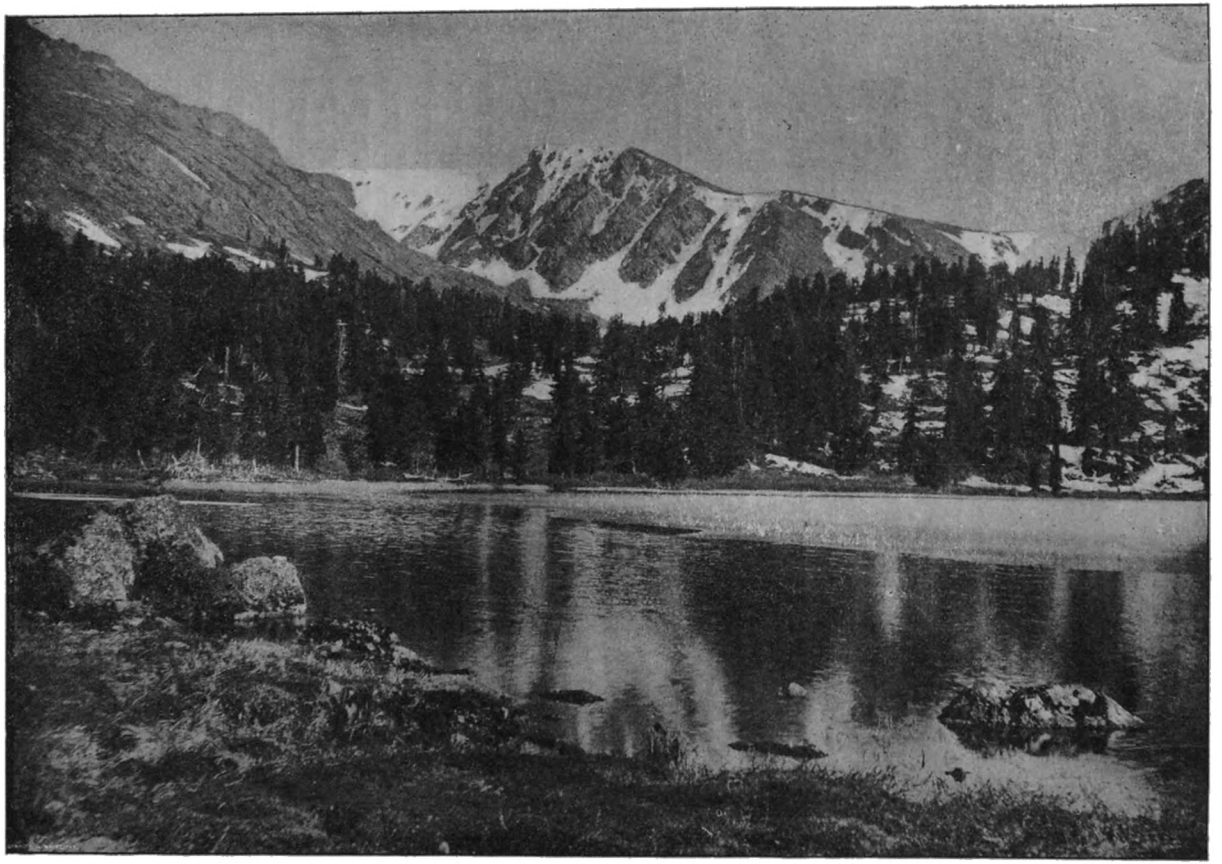
— Какъ-же говоритъ Полозъ? — прижимаясь къ материнымъ колѣнамъ, спрашивалъ опять Карчіга. Охъ, если-бы его увидать и послушать?!

И это „увидать и послушать“ стало мечтою Ираклія-Карчіги.

— Мы до самаго снѣга заберемся!—поддерживала его Кара-кызъ.—Туда гдѣ бѣлые цвѣты цвѣтутъ; тамъ, на площадкахъ, солнца сколько угодно, жарко даже... навѣрно Полозъ живетъ тамъ, въ щеляхъ горныхъ. Убьемъ его и притащимъ, не будутъ

---

[1]) Ок-діланъ—мѣдянка змѣя.



... А съ луговины у озера, свѣтлаго озера ихъ долины, неслись томительные звуки...

тогда бѣдныя кроткія элікъ [1]) приносить ему на ѣду милыхъ маленькихъ дѣтокъ своихъ... Правда, вѣдь Маланья? Тетушка Маланья, какой талисманъ отъ Полоза помогаетъ? А чѣмъ его убить можно?—приставала она къ старухѣ Маланьѣ.

— Прютъ-аркышъ [2]) — серьезно и авторитетно говорила старуха.—Самый молодой побѣгъ сорвать на зарѣ и привязать на шею... А убить,—нацѣлиться между глазъ, да сказать: „Кудай, Николай, Пантелеймонъ... помогай“... Вотъ и убьешь!!.

— И не будетъ онъ ѣсть элікъ, милыхъ элікъ?

— Ну, конечно-же, неразумная, коли убить!.. Да такого Карчіги еще нѣтъ, чтобы Полоза убилъ.

— А я, тетушка, убью!.. Только-бы найти!—говорилъ Ираклій.

Старуха обожала его: она въ испугѣ принималась отговаривать своего любимца, обѣщала жаловаться матери на затѣю дѣтей, и своей воркотней еще болѣе разжигала ихъ рѣшеніе найти таинственнаго Полоза и убить его.

* * *

Уже съ недѣлю, какъ на зарѣ у озера рвала Кара-кызъ прютъ-аркыши, а Ираклій упражнялся въ стрѣльбѣ изъ маленькой двухстволки, привезенной ему отцомъ въ послѣднюю поѣздку въ Б—ъ. Искать Полоза съ недѣлю мѣшали имъ дожди, но потомъ погода разъяснилась, и дѣти порѣшили идти къ югу, на высокую задумчивую Ту [3]), близъ озера безъ имени, около котораго разрослись лѣсомъ прютъ-аркыши. Родные не безпокоились за нихъ: ихъ долина точно принадлежала имъ, и отецъ зналъ въ ней всѣ тропы. Мать вполнѣ полагалась на благоразуміе Ираклія, и дѣти бродили по горнымъ уступамъ, поручаемыя матерью ангелу-хранителю.

---

[1]) Элікъ—косуля.
[2]) Прютъ-аркышъ—папортникъ.
[3]) Ту—гора.

И въ ясное раннее утро Маланья, поившая ихъ молокомъ и дававшая имъ хлѣба, только одна поворчала и постращала ихъ: мать и отецъ огребали рои въ огромной пасѣкѣ. Перекинувъ ружье за спину, Карчіга и его подруга весело зашагали къ еще не обслѣдованному мѣсту—къ противоположному краю озера, уходившему въ глубь долины, и къ величавой Ту, сверкавшей оснѣженной вершиной, высоко уходившей въ синеву неба, стройнымъ и чистымъ контуромъ рисуясь на этой синевѣ.

Отецъ какъ-то сказалъ, что тамъ есть пещера... Ну, конечно, Полозъ жилъ тамъ... Когда Карчіга съ отцомъ ловилъ чилимъ [1]), онъ подплывалъ близко къ подошвѣ этой Ту, замыкавшей долину и каменистыми уступами подходившей къ озеру, и ему казалось, что діланъ [2]) поютъ тамъ сильнѣе, чѣмъ близъ ихъ домика, и чудился въ свистѣ этихъ діланъ гулкій и далекій свистъ Полоза; ему давно хотѣлось пробраться туда, и вотъ, теперь желаніе его исполнилось: по тропамъ, проложеннымъ элікъ, бодро шли дѣти туда, въ глубь лѣсного царства, минуя рощи каінъ [3]), апсака [4]), густую поросль тімырытъ [5]), поднимаясь выше полосы чернолѣсья, туда гдѣ росли стройныя карагаи [6]), корявыя чібі [7]), и поднимались гордые кузукъ-агаши, а по камнямъ стлался зеленый аржанъ-эленъ [8]) и поднималась темнозеленая узюръ-тімырыды [9]); тутъ на солнцѣ, уже высоко поднявшемся, блестѣли бѣлыя жилы въ породахъ сѣраго мрамора, изъ расщелинъ поднимались цвѣты, задумчивые и чистые горные цвѣты.

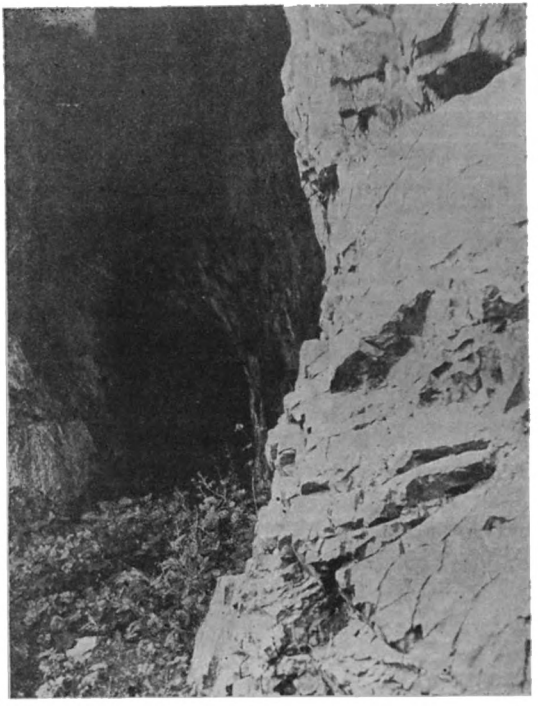
— Ты между глазъ цѣлься, какъ его найдемъ, Карчіга!—говорила Кара-кызъ.—Ахъ, если бы и мнѣ ружье... Я бы не по твоему!

---

1) Чилимъ—водяные орѣхи.
2) Діланъ—змѣя.
3) Каінъ—береза.
4) Апсакъ—осина.
5) Тімырытъ—черемуха.
6) Карагай—сосна.
7) Чібі—пихта.
8) Аржанъ-эленъ—верескъ.
9) Узюръ-тімырыды—крушина.

И темнорусыя брови Карчіги сдвигались, а рука сжималась въ кулаки—отъ обиды на свою дразнилу-подругу.

— Ты не забудь,—приставала она,—сказать: „Ку-



... за крутымъ уклономъ гривы чернѣло отверстіе пещеры, темной и глубокой.

дай, Николай, Пантелеймонъ,—помогай!“ Какъ Маланья учила... не забудешь?

— Отвяжись,—отвернулся онъ отъ нея, карабкаясь по узкому карнизу.—Ты всѣхъ Полозовъ распугаешь: болтаетъ, какъ саныcханъ [1]).

— Не злись!—уже ласково схватила его за руку

[1]) Саныcханъ—сорока.

Кара-кызъ.—У, злюка, надулся, какъ кускунъ... [1]) Смотри!

Узкое и длинное ущелье лежало передъ ними гораздо ниже, у самыхъ почти кузукъ-агашей, полосу которыхъ, опоясывающую сверкающую камнями и снѣгомъ вершину, они миновали—тамъ, гдѣ рокоталъ водопадъ, стремившійся въ невѣдомую имъ долину. За крутымъ уклономъ гривы чернѣло отверстіе пещеры, темной и глубокой, тогда какъ площадка земли передъ нею съ молодыми деревьями была залита свѣтомъ. Дико и непріютно было въ ущельи, несмотря на этотъ свѣтъ, но дѣти не отказались отъ своей мечты. Карчіга снялъ свое ружье съ плеча, а Кара-кызъ поправила папортникъ на шеѣ.

Вотъ, оно—жилище Полоза!.. Ближе, ближе... Любопытные каріе и синіе глаза заглянули въ глубину, и дѣвочка заглушила невольный крикъ, уткнувшись въ спину названнаго брата: что-то большое, мохнатое, страшное, шевелилось тамъ, въ глубинѣ пещеры, и Карчіга, поблѣднѣвшій, но спокойный, прошепталъ ей:

— Бѣги, бѣги: это—аю (медвѣдь)!

Но дѣвочка не тронулась съ мѣста: большими расширившимися глазами она глядѣла на чудище лѣса, наступавшее на нихъ; глядѣла на руки Ираклія, смѣло поднявшаго ружье; и, видя, что онъ взводитъ курокъ, упала за нимъ на колѣни.

— „Кудай, Николай, Пантелеймонъ, помогай!“—летѣло въ ея умѣ, а уста, разомъ пересохшія, не могли произнести ни слова.

Сухой звукъ выстрѣла эхомъ пролетѣлъ въ горахъ. Случай-ли это былъ, или дѣйствительно небесные покровители услышали, но медвѣдь—огромный, сильный, какъ снопъ упалъ на порогѣ своего жилища, загородивъ входъ.

— Убилъ!.. Убилъ!..—вскричала, быстро вскакивая, Кара-кызъ...—Карчіга! Ты Карчіга настоящій... Никогда я надъ тобой не засмѣюсь... Карчіга милый—никогда!

---

[1]) Кускунъ—филинъ.

И, съ ужасомъ глядя на медвѣдя, она схватила руку мальчика и потянула его за собою, стремительно убѣгая отъ этого опаснаго мѣста, гдѣ увидала храбрый поступокъ Карчіги.

* * *

Опять луна наводнила долину у озера, опять всѣ сидѣли на крыльцѣ тихимъ прелестнымъ вечеромъ, только отецъ, не по обычаю, держалъ на рукахъ своего маленькаго сокола и нѣжно прижалъ къ себѣ дѣтское тѣло: онъ радостно чувствовалъ, какъ билось у него подъ пальцами ровными ударами храброе дѣтское сердце, а мать, держа руку Карчіги и слушая разсказъ Кара-кызъ, съ ужасомъ поглядывала на огромную шкуру, снятую съ освѣжеваннаго аю и повѣшенную тутъ, передъ домомъ, какъ доказательство подвига маленькаго смѣлаго горнаго сокола...

... первое дѣло, положившее начало ихъ благополучію, былъ отъѣздъ сюда, въ алтайскую глушь, куда они доплелися съ крохотнымъ Алешей...

Отчаянный.

I.

— Отчаянный растетъ!—говорили братья, хмуро глядя на Лешку.—Ой, тятя, вынѣжишь ты его на свою шею.

— Какая же нѣга?—заступался отецъ.—Не могу же я, по вашему, кажинный разъ ревѣть на него. И што отчайнаго въ парнишкѣ? ничего не примѣчаю: ребенокъ какъ ребенокъ; а што онъ въ лѣса то убѣ-

гаетъ, такъ онъ ихъ вдоль и поперекъ узналъ. Да за нимъ завсегда Матвѣй глядитъ. Ой, дѣтушки, васъ то мать голубушка растила, а онъ, какъ въ полѣ трава, растетъ въ тайгѣ нашей... а Марьяна моя ему хто? звѣрица! Кабы не Таля, со двора бы я ее пужанулъ, да опять же кто тогда на насъ робить будетъ? и ты, Павелъ, и ты, Митюха, жениться не думаете.

— Ну, тятя, нечего и мачиху винить: съ нами же она не гордыбачитъ, а Алешка кому не нагрезитъ? Намедни у меня сѣдло сперъ, засѣдлалъ Сивку и упоролъ. Куды? Богъ знатъ! а надысь у Павела со шшенятами сколь озоровалъ! самъ знашъ: тотъ ихъ утопитъ, этотъ—вытаскатъ, отводится, да опять на дворъ... а гдѣ же ихъ всѣхъ кормить, 11-то штукъ? Пообѣшшалъ его Павелъ самого утопить, а онъ реветъ:

— „Топи, а шшенятъ не дамъ!“

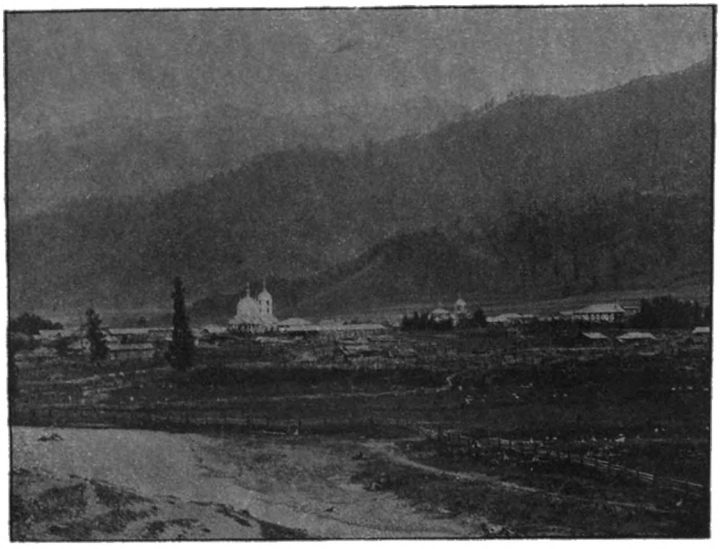
И глядитъ волкомъ, оширшевѣлъ весь ижно; а маманькѣ тоже: „сдѣлай это“,—скажетъ,—„Лешка, ну, хоша бы—покорми курицъ“, глянь пойдетъ, а Алешка свился и—въ лѣсъ упоролъ. Придетъ: она на него: „ты што, негодный, курицъ не накормилъ?“ а онъ выпучитъ на нее свои глазища, да ровно дуракъ:

— „Я Марьяна Григорьевна, лѣсъ слушалъ; занятно лѣсъ говоритъ... такъ ли занятно!“

Ну и отдуетъ она его, а онъ на нее глядитъ глазами дурацкими, ровно спрашиваетъ: „за што ты меня дуешь?“... А намедни напугалъ до смерти и тебя, вѣдь, ковда увелъ Наташку глядѣть, какъ змѣи на камни выползаютъ. Свирѣлку какую-то изладилъ, наигрываетъ, а змѣи то передъ ёмъ видимо не видимо, головы поднимаютъ изъ травы и глядятъ на него, головами къ нему повернулися, а онъ себѣ наигрываетъ и Наташку рядочкомъ посадилъ. Отчаянный, какъ есть!..

— И ничего отчаяннаго не вижу!—хмурился отецъ.—Молчижливо терпитъ все, што вы надъ нимъ ни дѣлаете. Ахъ, кабы мать была живая, робята!..

И печальный вздохъ срывался съ его устъ: такъ крѣпко любилъ онъ Александру, свою безъ времени ушедшую жену, оставшуюся въ далекой Россіи на родномъ погостѣ. Она точно умолила Бога за семью и всю нужду и горе унесла съ собою въ могилу. Первое дѣло, положившее начало ихъ благополучію, былъ отъѣздъ сюда, въ Алтайскую глушь, куда они



... Назаръ, крѣпко любившій мальчика, повезъ его въ миссіонерскій станъ.

доплелися съ крохотнымъ Алешей, полутора годовымъ оставшимся отъ матери. По совѣту добраго человѣка, встрѣченнаго въ Томскѣ, узнавшаго, что Назаръ умѣетъ водить скотъ, они забралися сюда.

— Только подалѣ заберитесь, угостите да подарите кого въ аилѣ, близь котораго оснуетесь, и черезъ два года такъ распыхаетесь, што и Бога благодарить будете!—сказалъ онъ имъ.

Такъ все и случилось. Въ глуши выросла избушка, большая и просторная, срубленная руками Назара и бобыля Матвѣя, захваченнаго имъ съ ро-

дины, охотника, чье старое сердце крѣпко привязалося къ крошкѣ Алешѣ. На послѣдніе гроши за безцѣнокъ купили двухъ телокъ и четырехъ жеребятъ у инородцевъ, съ которыми стали жить дружно и въ мирѣ.

Когда Алешѣ исполнилось четыре года, и онъ захворалъ, испуганный Назаръ, крѣпко любившій

.. Ребенокъ напоминалъ ему мать и глазами — глубокими и ясными, и мягкимъ выраженіемъ рта, и милыми чертами ..

мальчика, повезъ его въ миссіонерскій станъ и тамъ встрѣтился съ вдовою Марьяной, которая приняла ихъ на квартиру въ своемъ домикѣ и помогла отходить мальчика. Отходивъ сына, она убѣдила отца, что безъ пригляду ребенку жить будетъ плохо и, перевѣнчавшись, вскорѣ пріѣхала въ ихъ глушь, оставивъ домишко матери, тоже вдовѣ. Она была очень сердитой и вспыльчивой, но старшіе пасынки оцѣнили ее за домовитость, за вкусный обѣдъ и за чистоту въ избахъ. А когда родилася Наташа, теперь

уже шестилѣтняя, братья совсѣмъ примирились съ мачихой, и она всегда была съ ними ласкова, въ ущербъ тому, изъ-за кого попала въ домъ Назара Горшенина. Это была странная безпричинная ненависть; въ сущности ребенокъ былъ тихій, вѣрнѣе— особенный, съ странными, „чудашными", по выраженію Марьяны, выдумками. Она не взлюбила его за красоту, инстинктивно чувствуя, что мужъ ея не можетъ забыть свою прежнюю жену. Ребенокъ напоминалъ ему мать и глазами глубокими и ясными, и мягкимъ выраженіемъ рта, и милыми чертами; даже волосы у него были материны, темные густые и волнистые, которые нарочно коротко остригала ему мачиха.

... ихъ изба стояла на берегу горной рѣчки...

Да, это было миловидное лицо, и надо было пустить въ ходъ все коварство, на какое способна женщина, чтобы отвратить сердца братьевъ отъ малыша. Братья перенесли свою любовь на Наташку: миловидная дѣвочка стоила ее, но бобыль Матвѣй ворчалъ на нихъ сурово за то, что его любимцу доставались одни только попреки и колотушки. Онъ и отецъ хранили Алешу и давали ему расти свободно, за что ребенокъ и получилъ кличку отчаяннаго, конечно, родившуюся на языкѣ Марьяны.

Цѣлыми днями лѣтомъ проводилъ онъ въ лѣсу; ихъ изба стояла на берегу горной рѣчки, межъ сосенъ, и стоило перебрести ея быстрыя струи, какъ чаща охватывала ребенка, густая, дремучая, зеленая, окаймлявшая подошвы горъ. Онъ забирался тропами, что проложили звѣри, въ высоту и тамъ цѣлые дни проводилъ, лежа на полянкѣ, слѣдя за облаками, скользившими по небу, или наблюдая, какъ живутъ насѣкомыя, звѣрки и птицы. Иногда Матвѣй бралъ его съ собой на охоту; тогда оставаясь съ нимъ наединѣ, молчаливый мальчикъ оживлялся и болталъ, мѣшая алтайскій языкъ съ русскимъ, и Матвѣй, видавшій и знавшій людей, дивился уму Алеши.

— „Отчаянный!"—думалъ онъ, вспоминая обидное Марьянино прозвище.—Сами то отчаянные дураки: запугали, задергали... послушали бы ево на слободѣ, какой онъ есть „отчаянный!"

А мальчикъ говорилъ ему съ увлеченіемъ о томъ, какъ передъ дождемъ особеннымъ образомъ выскакиваютъ изъ воды паги [1]), и свистятъ ок-діланъ [2]), какъ чімалы [3]) трудятся и строятъ свои муравейники, и о вольныхъ чемгулахъ [4]), чьи гнѣзда онъ видалъ на недоступныхъ скалахъ, и о кроткихъ эликъ [5]), готовыхъ лучше умереть, чѣмъ бросить своихъ дѣтей, о всемъ, что поражало его взглядъ или слухъ.

— Ахъ, дяденька родимый,—говорилъ онъ блестя темными глазками, кабы ты видалъ, какую конакъ [6]) заклевалъ вчера карабарчікъ [7]) постылый? кинулся я, а она ужъ мертвая... а ему што,—посвистыватъ себѣ! я ижно было заплакалъ. За што? ты подумай! што она ему сдѣлала? ничего, какъ есть! надъ цвѣтками только летала. Не глянутся мнѣ эти

---

[1]) Паги—лягушки.
[2]) Ок-діланъ—мѣдянки.
[3]) Чімалы—муравьи.
[4]) Чемгулахъ—орлахъ.
[5]) Эликъ—косуляхъ.
[6]) Конакъ—бабочку.
[7]) Карабарчікъ—скворецъ.

карабарчіки: ровно разбойники налетятъ, наозоруютъ и улетятъ... и Таля не любитъ ихъ.

Большіе глаза мальчика разгорѣлись лаской: онъ нѣжно любилъ сестренку, и суровое лицо Матвѣя точно отразило въ своихъ чертахъ отблескъ дѣтской нѣжности.

— Талька, говоришь? Она дѣвочка славная, не въ маманьку: та—змѣишша!..

И сурово нахмуривался, точно стыдяся осужденія, которое допустилъ на свои уста.

Иногда онъ сѣдлалъ лошадей, сказываясь только хозяину.

— Я, Митричъ, охотничать поѣду... коней не ишши... мы съ Аленькой.

И уѣзжали дней на пять, иногда на десять, всегда въ такое время, когда домашнія работы не нуждались въ ихъ рукахъ: послѣ сѣнокоса, передъ жатвою. И охотникъ привозилъ домой всегда хорошую поживу, преимущественно шкуры хищныхъ звѣрей, что шло въ общій заработокъ дома, бывшаго своимъ для него.

* * *

— Опять собираются!—сказала въ ясное утро Марьяна старшему пасынку.—Ты бы, Павелъ Назарычъ, поговорилъ отцу. Гляди-ка, сколь птицы; а здѣсь, вѣдь, не село, того и гляди тарбальдинъ [1]) сгретъ; да и коршунья этово—страсть... а парнишкѣ бы сталое дѣло глядѣть за птицею, чѣмъ зря шататься.

— Поговорю, только што отъ этого будетъ? и дядя Матвѣй осерчаетъ и тятя.

— А тебѣ то што Матвѣй, — подтыкала она парня.—Каку волю забралъ! хозявы боятся... плюнь на него, только бы—отецъ.

— Ну, это ты маманька, брось,—нахмурился парень,—дядя то Матвѣй намъ роднѣ родново... ему

---

[1]) Тарбальдинъ—беркутъ.

ужъ перечить мнѣ не охота: онъ съ нами сколь труда и горести перенесъ... а тятѣ—поговорю.

И въ тотъ же день поговорилъ съ отцомъ.

— Къ дѣлу бы надо пріучать Алешку, тятя: онъ только дядѣ Матвѣю мѣшать будетъ... тотъ его беретъ по добротѣ своей: тоже не сласть ли съ парнишкой по Алтаю шататься?..

Но отецъ, чуткій до всего, что касалося его малыша, помоталъ головою.

— Ой ли, Паша! Старикъ не надышется на Аленьку.. Да ты спроси его тутъ при мнѣ же, не мѣшатъ ли ему паренекъ?

И, выслушавъ Павловы слова, подошедшій Матвѣй махнулъ рукой.

— Не вязался бы ты, Пашуха, въ бабьи запуки; вѣдь, знаю откель вѣтеръ дуетъ! Ишь чё, Аленька мнѣ мѣшатъ! то то она его вчера и дубасила напослѣдкахъ то, што ей тошно ево выпустить!—усмѣхнулся онъ.—О кого руки почесать? я ужъ хотѣлъ было шануть ее; она и не видала меня, его обработывая, да Талюшка, спасибо, за него заступилася:

— „Ай, маманька, не тронь не тронь Аленю“.

Ну, она и отстала. Нѣтъ, парнишку я вамъ не оставлю; тебѣ, Митричъ, не доглядѣть, опять же и въ станъ ты сбираешься, а вамъ, не въ судъ сказать, ни почемъ, што Марьяна парнишку забиватъ; ровно онъ и не вашъ! Ужъ не сказывайте, што виноватъ во всемъ... слышалъ, што она вамъ пѣла; вѣдь, я за соснами сидѣлъ у избы... все враки! А, вѣдь, онъ бѣдный все пониматъ... скажетъ, гдѣ же правда то? Сидитъ и то намедни, какъ я Талѣ сказку про правду разсказывалъ, да сдышетъ, я его и спроси:

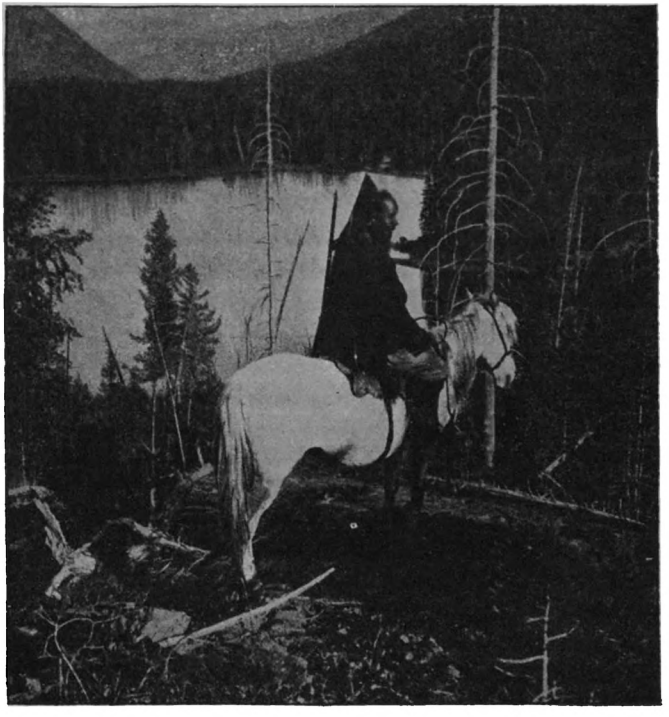
— „Што ты, Аленька, сдышешь?“—а онъ мнѣ:

— „Жалко, дяденька, што бѣлый свѣтъ кривду терпитъ!“

Смышленый! Вотъ чё, Митричъ: мы нынѣ надолго: покосъ живо поставили, до жнитва таперь съ мѣсяцъ будетъ... мы съ парнюгой моимъ на Телецкое проберемся: огляжу мѣста для зимней добычи; говорятъ, знатно тамъ охотиться можно!.. Семейка

манитъ—вездѣ свозить обѣщатъ; а то—сколь лѣтъ живемъ, а не можемъ Алтай поглядѣть, какъ слѣдно быть... нынѣ хоша мало мало разглядимъ.

И собралися небольшимъ караваномъ, навьючивъ



... Ихъ спутникъ Семейка съ своимъ Сивкой былъ типичнымъ алтайскимъ охотникомъ...

на лишнюю лошадь сухари и всякую провизію, которую велѣлъ наготовить Марьянъ Назаръ.

Ихъ спутникъ Семейка съ своимъ Сивкой былъ типичнымъ алтайскимъ охотникомъ, родившимся и выросшимъ на горныхъ кручахъ. Тайга была ему другомъ, онъ не зналъ страха и мыкался круглый годъ по Алтаю, съ котелкомъ и сумой въ торокахъ

и съ доброй винтовкой за плечами. Они съ Матвѣемъ сразу сошлися и полюбились другъ другу.

— Хорошо у васъ,—говорилъ Матвѣй.—У насъ тоже хорошо въ Рассеи, да больно ужъ тѣсно, а тутъ—приволье: хоша и не степь, а горы и долины утесненныя, а всеже—слободно; какъ заберешься на горы да окинешъ взглядомъ кругомъ, душа зарадуется,—такое любованье! Я девятый годъ тутъ доживаю и рази ковда по роднымъ могилкамъ стоскуюсь, што есть лопотать по вашему научился... а Аленька дакъ мало и говоритъ по русски.

— Хорошо!—меланхолично и медлительно говорилъ на эти рѣчи Семейка.—Я, вотъ, то залѣзу въ чашшу, то по горамъ съ Сивкой болтаюсь... цѣлыя недѣли въ аилъ глазъ не показываю. Што дѣлать! у меня бабы—нѣту, баламовъ (ребятъ)—тоже, я—весь тутъ. Иной разъ заѣду туды, что топоромъ дорогу прорубаю, зато мои глаза видятъ далеко, а рука никогда не дрогнетъ: я, какъ тарбальдинъ, стаю; какъ добычу увижу, за камни прилягу и—бью. Элика или теке [1]), или кочкора [2])... и съ аю [3]) часто деруся: мое ружье промаха не дастъ, да намъ и нельзя охотникамъ, чтобы ружье измѣняло.

Въ день отправленія онъ особенно тщательно осмотрѣлъ свое ружье и Матвѣй сдѣлалъ тоже. Они знали, что если ружья измѣнятъ охотникамъ, то будетъ плохо, особенно въ схваткѣ съ аю, съ этимъ чудовищемъ алтайскихъ лѣсовъ. Сколько такихъ охотниковъ погибало въ тайгѣ, когда ружья имъ измѣняли!

— Парнишку берегите,—провожалъ ихъ Назаръ, держа Наташу на рукахъ.—Ой, береги, Матвѣй... охотничать то поменѣ, а глядите поболѣ, да штобы не потонулъ въ Телецкомъ, какъ нибудь.

— Ну, ну, не утонемъ, живы будемъ... хоша не побьютъ лишній разъ!—проворчалъ Матвѣй и погналъ

---

[1]) Теке—каменнаго козла.
[2]) Кочкора—каменнаго барана.
[3]) Аю—медвѣдемъ.

лошадь въ эту тайгу зеленую, прекрасную, полную ароматовъ хвои, малины и цвѣтовъ.

— Только бы дожжи насъ не захватили. Тебѣ, Аленька, весело, дитятко? Гляди, да любуйся, туды нынче поѣдемъ, гдѣ и сроду не бывали.

Сказываютъ, Семейка, горы тамъ огромадныя?

— Огромадныя!—соглашался Семейка.—Снѣгъ лежитъ, хорошо.

И даже улыбался, очутившись далеко отъ юрты, въ сферѣ лѣса, который любилъ, какъ умѣлъ; и Алеша, привыкшій дома молчать даже передъ отцомъ, вдругъ заболталъ, какъ козо [1]).

— И по озеру поплывемъ? То то будетъ хорошо, родимый дяденька! только я воды не люблю... не боюся, а не люблю... особенно—омуты: такъ и кружаетъ въ ихъ... Около насъ есть такія ямины, выбила вода быстрая... такъ и крутитъ тамъ, гдѣ кусты тала разраслися! А Таля любитъ сидѣть тамъ: броситъ цвѣточекъ и глядитъ, какъ онъ крутится, крутится и удернетъ ево. И меня разъ удернуло было, дяденька. Люблю я плавать, плывешь и думашь: „вотъ вода быстрая понесетъ, понесетъ и унесетъ въ моря, океаны далекія, гдѣ рыбы чудища живутъ, трепешшутся, и ни конца, ни краю нѣтъ водѣ!“... Плылъ разъ такъ, плылъ, а меня, какъ завертитъ, да дернетъ... курнулся я; тамъ—глубь страшенная, ровно воронка. Ладно, я не оплошалъ... вымырнулъ, изо всѣхъ силъ загребся... потомъ сколь сидѣлъ на берегу и глядѣлъ, какъ вода волчкомъ крутится! Чудная у насъ рѣка, баламутная... То—мель совсѣмъ: вода гальку со дна деретъ, то—глыбко!

— На Телецкомъ хорошо!—потрясъ головою Семейка.—Вотъ глубоко-то! не домѣришь! Русскій Бій мѣрилъ—дна нѣтъ. А какъ буря подымется, ой, калакъ [2]): ту [3]) заходятъ черныя, страшныя. Ай, ай, какъ лодку начнетъ бросать!..

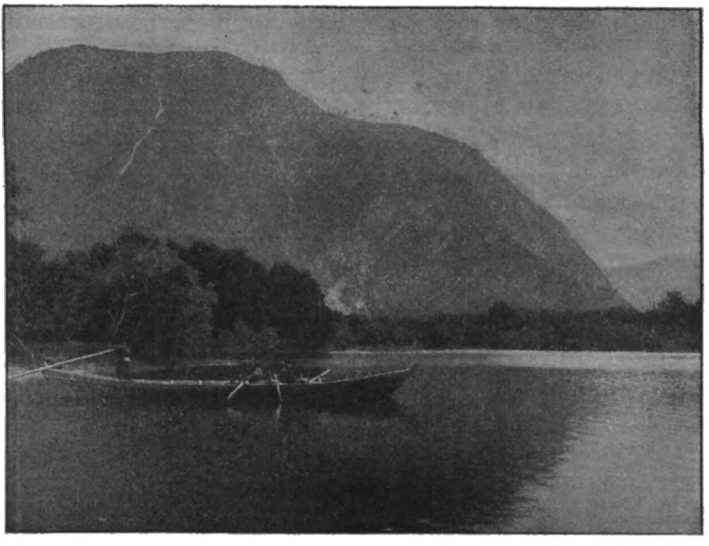
---

[1]) Козо—колокольчикъ.
[2]) Калакъ—тошно.
[3]) Ту—горы.

И съ разговорами, пострѣливая дичь и готовя вкусные тыши [1]), они тихо подвигались по Алтаю.

Стояли прекрасные теплые дни; въ лѣсной глуши жизнь била ключемъ, и красавицы эликъ безбоязненно выбѣгали на дорогу, большими изумленными глазами глядя на путниковъ.

— Эти тропы только я знаю,—говорилъ Семейка.



... На Телецкомъ хорошо... Вотъ глубина-то!.. Не домѣришь!..

—И много же я выѣздилъ на своемъ вѣку! На каждой горѣ положилъ я даръ богамъ...

— Плюнулъ бы ты на нихъ: вѣришь какимъ то истуканамъ. Ужли они міръ создать могли? Гляжу я на тебя, Семейка, ровно умный мужикъ, а вѣрѣ своей дурацкой приверженъ... што она, вѣра твоя? плюнуть, да размазать... и камышки гроша не стоятъ... омманъ одинъ.

---

[1]) Тыши—обжаренное на вертелѣ, посоленное предварительно, мясо.

— Я никогда не камлалъ!—просто отвѣтилъ охотникъ.—А богамъ покланяюсь: они—тутъ; я боюсь злыхъ, и оттого кладу вѣтви деревьевъ на высотахъ и курю тамъ аржаномъ [1]).

— Вонъ што! ахъ, ты, дитя малое; страсти чудятся вамъ алтайцамъ вездѣ, а мы—русскіе—ништо намъ страсти: Осподь охранятъ, хрестъ да молитва!

— Ну, ну!—простодушно соглашался Семейка. —Ну, ну.

А все таки, поднимаясь до точки перевала срѣзалъ вѣтви и приносилъ жертву богамъ, боясь за себя, запуганный съ дѣтства кагырами, эрликами и рюмекусями [2]). Вечерами они дѣлали привалъ или въ пещерѣ, или въ шалашѣ, который охотники умѣло строили подъ вѣтвями вѣковыхъ сосенъ, гдѣ нибудь близъ ручья или рѣки, и Алеша заранѣе предвкушалъ радости отдыха. Онъ любилъ разсказы чрезвычайно, а дядя Матвѣй и Семейка обыкновенно воодушевлялись тутъ, около весело потрескивавшаго пламени костра, обложивъ чембурами шалашъ, чтобы предохранить себя отъ діланъ [3]).

— Вотъ, со мною разъ чё случилось на Чуѣ,— началъ Семейка.—Зимой то было... Запасся я какъ слѣдуетъ: толканъ и курмачъ, и сухари... всего вдосталь набралъ, сложилъ на нарту [4]). Хорошіе дни стояли, и весело было охотничать. Станъ у меня былъ сдѣланъ чудесный, крѣпкій изъ пихтовыхъ вѣтвей; со мною еще два охотника были. Бывало, съ крутыхъ, высочанныхъ горъ несемся, духъ захватыватъ, змѣей извивамся межъ деревьевъ, у меня кысъ [5]) чудесныя, и у тѣхъ не хуже были... Бывало, верстъ семьдесятъ и больше въ день дѣлали... какъ птицы

---

[1]) Аржаномъ—верескомъ.
[2]) Темныя силы.
[3]) Діланъ—змѣй.
[4]) Нарта—длинныя гибкія сани, которыя тащатся лямкой, шириной и высотою около 1 аршина, длиною болѣе сажени, полозья ихъ тонки, на подобіе лыжъ, дно изъ двухъ тонкихъ досокъ, бока зарѣшечиваются ремнями. Экипажъ этотъ неоцѣненъ для звѣроловъ: онъ не тонетъ въ снѣгу.
[5]) Кысъ—лыжи.

носились... Сколько набили звѣрей! Ну, одинъ день палъ такой хмурый; бѣгалъ я бѣгалъ по горамъ и едва загналъ одну рысь. Усталъ, шибко усталъ и забрался въ свою пихтовую юрту... Подумалъ еще, гдѣ то моя собака отстала: одна—со мною, а другой—нѣтъ. Ночь подходитъ... повалилъ снѣгъ, а ничего себѣ не горюю о товарищахъ, не забочусь: знаю, что въ разныхъ мѣстахъ у насъ настроены пихтовыя юрты: зашли далеко, стало быть, и заночевали, а я прикурнулъ тутъ и сижу себѣ у костра, и Лайка собака со мною. Съ вечеру хворосту натаскалъ поболѣ: думаю, ночь коротать безъ огня одному скушно будетъ. Сидимъ съ Лайкой, а буря начала яриться: свиститъ, воетъ за моей юртой... ладно, крѣпко пристроена была, а то, такъ и кажется, смететъ и упретъ... Прямо—со всего свѣту буря. Медленно время идетъ... тихо... буря воетъ—только тише: стихатъ... тише и тише стало. Тутъ, вѣрно, я и задремалъ: проснулся—огонь потухъ почти, и Лайка моя воетъ. Что такое? думаю: погладилъ ее и пошелъ къ дверкѣ; толкнулъ—не отворяется, пошибче—ничего... и тишина—мё-ёртвая, а дымъ чуть-чуть тянется кверху. Выломалъ я бересту, изъ которой была налажена дверь, щупаю руками: холодная снѣжная стѣна предо мною... и ужасъ меня взялъ, ужасъ такой, что волосы у меня зашевелились на головѣ... „Погинулъ, думаю: занесло снѣгомъ!“ Придвинулъ нарту, залѣзъ на нее, до верху далеко, а дымъ чуть-чуть тянетъ. Чего чего въ умѣ не мелькнуло! „Погину, думаю, тутъ“, и самъ же себѣ отвѣчаю: „погинешь!..“ пока ѣда есть—поживу, а потомъ... И больно, больно сердцу стало: хоша одинокій, а жить охота, и страшно тамъ, какъ умрешь. Все передумалъ: и какъ огонь затухнетъ, и какъ ѣсть станетъ нечего, и какъ снѣгъ слежится—юрту раздавитъ, а поздней весною или лѣтомъ, когда растаетъ долина, найдутъ меня и Лайку мертвыми. И такой ужасъ на меня напалъ, что сталъ я горько плакать и долго плакалъ, пока не уснулъ; потомъ опять было страшно. Печально тянулось время, и отчаяніе томило меня; даже и Лайка перестала

ѣсть: она лежала, уткнувъ носъ въ лапы, и когда потухъ нашъ огонь, я вздрагивалъ отъ ея жалобнаго и печальнаго воя.

— Погинули мы, Лайка!—звалъ я ее, когда она затихала, и она, жалобно повизгивая, подползала ко мнѣ.—О, это было страшно, такъ страшно! Когда улюмъ [1]) порветъ нити жизни, навѣрное такъ же будемъ мы томиться въ темницахъ кара-неме. И какой

... ну, подъѣзжаю къ Аммiаку,—а самъ знаешь, какой онъ быстрый!.. лошадь уши прикладываетъ, въ бродъ не идетъ... однако согналъ... бреду межъ камней...

была моя радость, когда мы, я и Лайка, очнувшись отъ нашего сна, услыхали голоса и стукъ лопаты надъ головами! То товарищи на четвертый день выкопали насъ въ занесенной долинѣ; это моя другая Лайка нашла насъ, задери ее аю! вѣдь учуяла. Наши то въ пещерѣ спаслися. Охъ, и боюся я съ тѣхъ поръ снѣга: долго ли погинуть такъ? И тошно умирать тамъ, ой, тошно,—лучше умереть на горѣ, гдѣ

---

[1]) Улюмъ—смерть.

солнце вершины грѣетъ и вѣчное тенгередэ [1]) разбрасываетъ надъ землей свои илдысъ [2]).

— А со мной тоже случилося разъ на Амміакѣ,— сказалъ Матвѣй.—Охотничалъ я тамъ, и надо было мнѣ съѣздить до аила. Трушшоба страшенная была въ моемъ углу! Позапрошлый годъ то было... Ни достать ничего, ни человѣка, съ кѣмъ слово молвить, а тутъ —заненастило, тучи зашли. Уложилъ я шкурки собольи и тамъ другія въ сумы и собрался. Шибко въ ненастье крешшоному человѣку тоскливо въ тайгѣ. Ну, подъѣзжаю къ Амміаку... Громъ, гроза поднялася... а, самъ знаешь, какой онъ быстрый! И чудно: ни капельки дождя не капнетъ, а темно стало, ровно подъ потемки попалъ я; громъ, ровно, близко, а дождя нѣтъ, слышу только шумъ по горамъ идетъ: должно, тамъ ливень спустился. Ну, шуганулъ лошадь, гоню ее, а она—уши прикладыватъ, въ бродъ не идетъ... Однако согналъ... бредетъ межъ камней... Вдругъ, какъ што то загудитъ... Опомниться я не успѣлъ, глянулъ на чашшу, а изъ нея, ровно стѣна, вода несется и рушитъ все, што ни попало. Скакнулъ мой конь, почуявъ, что дѣло не ладно, да куды тутъ! Закрылъ я глаза, а онъ меня и понесъ... Торкнулся о камень, чую, съ налету, шлёпъ о другой, изъ сѣдла вылетѣлъ, хлопъ о чё то и опомнился, ухватился и заползъ на большой камень... Сохваталъ его въ руки и лежу, растянулся... а вода—ужжитъ, мечется, бьется, вотъ вотъ сдеретъ меня и загубитъ... Пролетѣло все... Пронесъ Богъ, только ужасть и теперь когда по сердцу черяпатъ. Подумай: деревья, сосны, камни деретъ черный валъ, меня такъ по ногамъ пужануло вершиной, думалъ—смететъ... Нѣтъ, видно, у ково жизнь впереди, не загубишь! Коня потомъ нашелъ забитаго на смерть верстахъ въ 15-ти, а суму и всю добычу унесло, только сѣдло сперѣть не могла водица: крѣпка подпруга была, хоша его и обмочалило о камни, все же оно у меня подпочиненное то и сейчасъ живетъ.

---

[1]) Тенгередэ—небо.
[2]) Илдысъ—звѣзды.

— Да, наше дѣло тоже не легкое,—потянулъ трубку Семейка.—Ой, ой, како чижоло дѣло бываться... вотъ Алексѣю ладно!

— И я, дяденька,—заблисталъ глазенками мальчикъ,—разъ тоже подъ страстью былъ... Не повѣришь, родимый!

— Пошто же не повѣрить?—усмѣхнулся дядя.—Только тебѣ што? ты, вѣдь, отчаянный: не даромъ тебя такъ Марьяна прозвала.

— Ну!—потупился мальчикъ и черезъ минуту, высоко поднявъ голову, заговорилъ.—Думаю я, въ горы забравшись, всегда о богатыряхъ разныхъ... Сижу себѣ и свищу въ свиристѣлочку,—люблю въ ее свиристѣть,—всякими голосами умѣю: и какъ таралъ [1]) голосъ вывожу, то какъ каралджи [2]) засвищу, и аласару [3]) прикинусь, карабарчікомъ [4]) и торчікомъ [5]), всяко, всяко, а потомъ и голосомъ ок-діланъ, и такъ, какъ я въ лѣсу слышалъ... свиристѣлка со мною, да боюсь, а то опять тоже случится. Сижу я, дяденька, и свирищу, печально такъ...—только что я кринку разбилъ, и меня Марьяна Григорьевна отлупила... Сижу, говорю, и насвистываю такъ жалобно пѣсню лѣсную. Вдругъ около шеи моей что то холодное легло... Играю я, а глаза, поди, даже у меня побѣлѣли: передъ лицомъ у меня змѣиная голова, глаза, ровно человѣчьи... спросить ли штоли хочутъ? Такъ и впилися въ меня; и больно шеѣ отъ ее: стянула кольцо она. Тутъ мнѣ Господь и пустилъ въ ухо на память то, што дяденька Табокай говорилъ, который меня лѣсной пѣсенкѣ и играть въ свиристѣлку научилъ: „змѣи боятся свисту этого: онъ ихъ колдуетъ“; ну, и свищу, а она все глядитъ на меня... И я зачалъ другую руку потихоньку подымать. Подымаю, самъ свищу и гляжу на нее, глазами впившись: разъ, два... считаю въ умѣ... и—цопъ ее за горло поближе къ головѣ! Цопнулъ и сдавилъ изо

---

[1]) Таралъ--сойка.
[2]) Каралджи—кедровка.
[3]) Аласару—иволга.
[4]) Карабарчікомъ—скворцомъ.
[5]) Торчікомъ—соловьемъ.

всей силы... ну, и заметалася она! Заметалась, забилась... а я свиристѣлку бросилъ и другой рукой ее сжалъ... Долго такъ держалъ, покуда она биться и шипѣть перестала, а потомъ побѣжалъ къ водѣ и далеко ее швырнулъ. Какая она сильная, дяденька: прямо я ее черезъ силу задавилъ!

— Ой, ты, паренекъ, со змѣями осторожнѣе будь: съ ними, братъ, шутки плохи!—заворчалъ охотникъ, а самъ невольно взглянулъ на загорѣлыя руки, словно жалѣя эти дѣтскіе сильные пальчики, которые испытали свою силу на ехиднѣ.—Какже ты ее не пожалѣлъ?—усмѣхнулся онъ.—Вчера козу мы подстрѣлили—плакалъ же!

— Ахъ, дяденька, дяденька! то—коза... змѣя никому добра не дѣлаетъ, ее и убить не грѣхъ... а коза... у ней, поди, козлятки осталися! будутъ онѣ безъ матери.

И нотки не дѣтской печали прозвучали въ его серьезномъ голоскѣ.

— Охотника изъ тебя, парень, не выйдетъ: ты и аю жалѣешь... развѣ пюрю [1]) будешь убивать?!

— Буду!—разгорѣлся Алеша.—Этихъ буду, дяденька: они жеребеночка Талинаго загрызли... Сколь она плакала, Талечка! таперь ей скушно безъ меня. Ахъ, дяденька, кабы намъ дознаться, гдѣ царство есть такое, про како Табокай говорилъ, што живутъ тамъ добрые люди, и текутъ рѣки, въ которыхъ есть чудесная вода, хто той воды напьется, во вѣкъ злиться не будетъ. Хорошо бы!

— Ты бы мачиху попоилъ,—усмѣхнулся охотникъ.—Нѣтъ такого царства, Аленька.

— Ой, нѣтъ!—быстро воскликнулъ мальчикъ, боясь потерять свою мечту.—Ой, нѣтъ, дяденька, есть оно: за горами, лѣсами дремучими, подъ падающей водой есть такая дорога, которой опускаются люди подъ землю и тамъ идутъ, идутъ тайными тропами, пока не придутъ въ свѣтлую долину, гдѣ бьютъ чистые родники. Она огромадная, дяденька, и люди тамъ всѣ свѣтлые и добрые: никогда никого

[1]) Пюрю—волка.

не ругаютъ, не бьютъ... чудные люди! Тамъ, говоритъ Тобакай, у людей сердце, какъ стекло, свѣтитъ, и нѣтъ на немъ черныхъ пятенъ. Ахъ, дяденька, говорю, кабы этой страны доискаться, то-то бы радость была!

— Ѣшь-ка лучше!—дружелюбно, подалъ ему тышъ Семейка, снявъ съ огня.—Гляди, какой скусный: сало кипитъ... ѣшь!

И мальчикъ, машинально кусая мясо, задумался глубокою думой.

— „Да, еслибы онъ нашелъ такую падающую воду и ту заколдованную долину, тогда бы все пошло по иному у нихъ въ домѣ, и онъ былъ бы постоянно съ отцомъ и Талей, а та, Марьяна, стала бы доброй! Зачѣмъ ушла его родная мама такъ рано, зачѣмъ оставила его?“

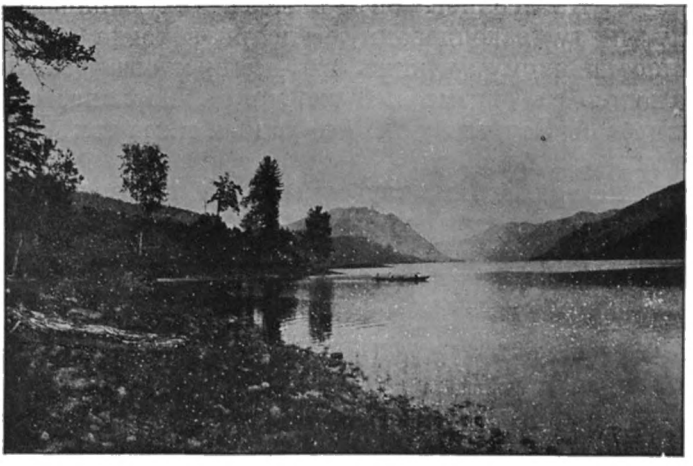
И, свернувшись клубочкомъ на потникѣ послѣ ужина, онъ долго думалъ свои невеселыя думы, слушая, какъ булькала горная рѣка, падая съ уступовъ каскадами, и шелестѣла дремучая тайга, передавая сказанья о своихъ тайнахъ молодой поросли, подбѣгавшей къ берегамъ рѣки.

II.

Тихо дремало Телецкое озеро. Наканунѣ пролетѣла гроза. и омытый лѣсъ, ароматный и свѣжій, стоялъ въ нерушимой тишинѣ, и плывшій на лодкѣ Алеша любовался берегомъ; медленно греблися гребцы—два полуголыхъ алтайца, нанятые охотниками, и тишина нарушалась только всплесками воды да иногда шумомъ рѣки, впадающей въ озеро. Дикая, но прекрасная картина открылась глазамъ ребенка, чаруя его зрѣніе: и сверкающая подъ солнцемъ гладь Телецкаго озера, и задумчивыя горы вдали, оснѣженными вершинами поднимавшіяся къ небу, и ближнія, тоже большія горы, къ берегу сбѣгающія стройными скалистыми уступами разныхъ породъ, и эти пестрые мраморные гигантскіе выступы бѣлые, сѣрые и полосатые, облитые солнцемъ казалися мальчику огромною, поставленною на ребро книгой. Въ

нѣдра каменныхъ горъ уходили отверстія пещеръ, затянутыя порослью, и цѣлыя поляны лука цвѣли синенькими цвѣтами на полупесчанныхъ отмеляхъ, гдѣ золотистые и серебристые камешки, причудливые пористые камешки Телецкаго озера, бросались въ глаза ребенка.

— Къ намъ бы въ деревню, экіе камни!—говорилъ Матвѣй.—Ребятенки бы обзарились, передрались бы всѣ изъ за нихъ. Не перегрузи лодку, Аленька!



... Тихо дремало Телецкое озеро...

— Я, дяденька, для Талечки, штобы было ей чѣмъ заняться зимою. Ишь какіе красивые! Я ей дома Телецкое озеро излажу и горами изъ этихъ камней обставлю; пусть любуется! А штобы, дяденька, кабы нырнуть туды, да все углядѣть, што есть на днѣ? Павлуша сказывалъ, быдто читалъ въ книгахъ, когда въ Россіи жили, што есть такія одёжы, надѣнутъ шапку огромадную, какъ арбузъ, на голову, и кишка отъ ее идетъ, сапоги со свинцомъ на подошвахъ, да и въ воду на дно, а кишка то наружу выходитъ... Поди чё не наглядятся! Да, тамъ можно на чё поглядѣть. Шибко я грамотѣ хочу учиться, да все не-

досужно: Павлуша и Марьяна Григорьевна бранятся, а только, дяденька, я все же умѣю ужъ разбирать по книжкѣ мало-мало, потихонько учусь. Какъ добьюсь хорошо читать, товда упрошу тятю книжекъ мнѣ покупить и буду читать про міръ Божій; все, говоритъ Паша, прописано есть, а Митя сказыватъ, што въ городахъ есть огромадныя лавки, и въ нихъ все книги, книги... я бы, дяденька, не ѣлъ, однако, и не спалъ, все бы читалъ, да учился... про весь бы бѣлый свѣтъ узналъ, про теплыя моря, окіяны, про все, про все.

— Ну, ну, вотъ ужо пріѣдемъ, поговорю я съ отцомъ, а какъ осенью пушнину повеземъ въ городъ, накуплю тебѣ цѣлый ворохъ книговъ: читай на здоровье. Пошто ты, парнишка, съ отцомъ не говоришь? Обсказалъ бы ему, такъ и такъ молъ, нѣтъ житья отъ мачихи... вѣдь, ты большенькій, а то она на тебя валомъ валитъ, а ты молчишь, да помалкиваешь.

Умные дѣтскіе глаза грустно поглядѣли на Матвѣя.

— А ссориться то будутъ, дяденька? И Талечки мнѣ товда не видать: Марьяна Григорьевна меня къ ней не допуститъ... а я Талечку такъ люблю! Она цвѣтикъ ровно въ домѣ нашемъ: такая добрая, ласковая... кинется мнѣ на шею и скажетъ:

— „Ой, Аленька, какъ я тебѣ люблю, больше ту [1]) до самаго неба!“

— Чудная Талюшка... дѣвчонка славнецкая!— согласился дядя.—Ну видно тебѣ...

— Ай!—вскрикнулъ Алеша и приподнялся даже въ лодкѣ.

Черная тѣнь метнулася по озеру къ берегу, гдѣ за минуту передъ тѣмъ мирно паслося стадо красивыхъ эликъ [2]); птица разбросала огромныя крылья, уже высоко поднимаясь къ небу и держа цѣпкими когтями живое трепещущее тѣло маленькой эликъ.

— Вотъ и Марьяна такая. У, проклятый! пристрѣли его, Семейка.

---

[1]) Ту—горы.
[2]) Эликъ—горныя серны.

— Не надо: все равно онъ убьется, утонетъ!— вскричалъ мальчикъ.

Но Семейка уже исполнилъ Матвѣевы слова. Черный силуэтъ метнулся въ воздухѣ и судорожнымъ движеніемъ, еще разъ разбросивъ крылья, подскочилъ и быстро опустился на воду съ подернутыми пленкой глазами. Козочки однако его когти не выпустили, и она трепескалась въ нихъ.

— Греби, живо греби, не дадимъ ей потонуть!— распоряжался Матвѣй.—Подберемъ ее... може, не душевередно она убилась.

И, съ трудомъ затащивъ птицу въ лодку, вынули ея жертву изъ когтей.

— Тарбальдинъ [1])... огромадина какая!—говорили охотники.

А Алеша съ глубокой нѣжностью ласкалъ израненаго эликъ, молящими глазами глядѣвшаго на своихъ спасителей.

— Куда съ нимъ дѣнемся? Приколоть его—жаль! —говорилъ Матвѣй.—Небось, тоже Талькѣ повезешь?

— Дяденька, а мы его въ суму... Верхъ заплетемъ веревочками. Выпросимъ въ аилѣ суму изъ бересты... Али бы ты самъ, родимый, изладишь, а то тамъ къ берегу пристать нельзя, круто, откуль онъ ево уташшилъ, а тутъ куда пустишь?

— Ну, ладно, ладно, коней заводныхъ накупимъ подъ поклажу,—шутилъ дядя,—какъ въ Кебезень вернемся! Вонъ, гляди-ка вдаль,—видишь полоска сверкаетъ на горѣ? видишь?!

— Да!—внимательно вглядѣлся мальчикъ.

— Вотъ, это она самая падающая вода, о которой тебѣ Табокай говорилъ... наглядишься ее въ долинѣ Чолушманской скоро...

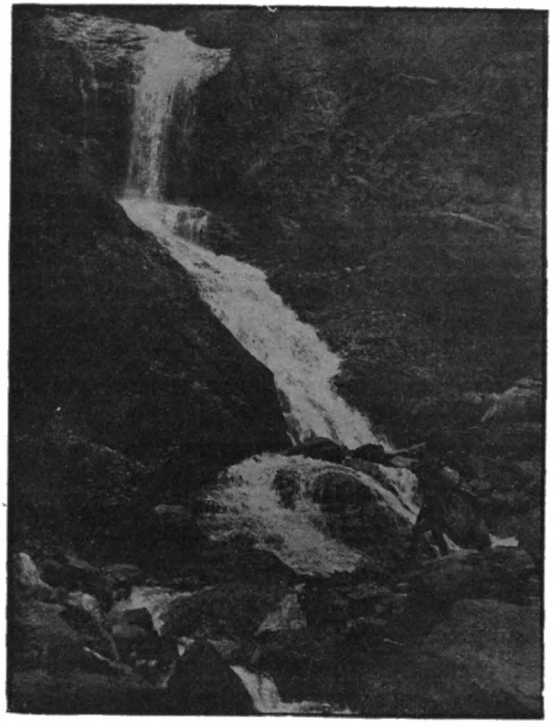
* * *

И Чолушманская долина прошла въ своей задумчивой красотѣ передъ глазами Алеши, гремя водопадами, тихая и благословенная алтайская долина.

---

[1]) Тарбальдинъ—беркутъ.

Они прошли ее далеко въ глубину, были на Башкаусѣ и въ ущельяхъ Карагудюра и въ одинъ ясный ослѣпительный день усталые остановились на привалъ у падающихъ струй большого водопада.



... въ одинъ ясный ослѣпительный день усталые остановились на привалъ у падающихъ струй большого водопада...

Усталые они улеглись отдохнуть и, проснувшись, удивились, не найдя Алеши.

— Вотъ тебѣ и на! Куды же это парненка запропастился?—глядя кругомъ, сказалъ Матвѣй, и принялся вмѣстѣ съ Семейкой кликать ребенка.

Но зашелъ ли онъ далеко, или водопадъ заглушалъ ихъ крики своимъ гуломъ, только послѣ получаса безплоднаго зова мальчикъ не откликнулся

и они испуганные рѣшили сдѣлать такъ: одному остаться на мѣстѣ а Матвѣю искать его.

— Никогда съ нимъ таково не бывало! Ну, дома любилъ шататься, дакъ тамъ ему все знакомо, а тутъ съ чё уплелся? Ахъ, и парнишка же отчаянный и впрямъ!—сердился испуганный Матвѣй и принялся обшаривать всѣ ближнія мѣста, мысля, не уснулъ ли гдѣ нибудь тутъ отошедшій отъ нихъ усталый ребенокъ.

Онъ и не подумалъ, что падающая вода могла привлечь мальчика, забывъ о своемъ разговорѣ съ нимъ, а Алешу она то и привлекла; точно манили его струи. Съ высоты летѣли онѣ, прекрасныя, вольныя и свободныя, звенѣли и пѣли, падая съ камней брыжжущей пѣною, казалось, вися на утесахъ.

— „Тамъ, подъ этой висячей съ уступовъ водою, была, навѣрное, пещера со входомъ въ долину, о которой говорилъ Табокай. Да, да!“

И, полный сладкой мечты, мальчикъ забирался по скаламъ все выше и выше, лѣпясь подъ русломъ водопада.

— „Господи, да вѣдь вонъ тутъ должно... ужли же тутъ?“—съ забившимся сердцемъ подумалъ онъ, увидавъ, что тонкія струи водопада падали съ высокаго уступа.

— „А если поглядѣть?“

И онъ шагнулъ съ мокраго камня подъ эту падающую массу, прижимаясь къ сырой обрызганной водою, боковой стѣнѣ.

— „Такъ, такъ!“—думалъ онъ.

— Такъ, такъ!—стучало сердце.—Сюда, сюда!

А надъ нимъ шумѣла, гудѣла масса воды вспѣненной, бурливой, стремительно летѣвшей съ утеса, подъ которымъ онъ очутился. Невольная жуть охватила дѣтское сердце, но онъ преодолѣлъ себя и храбро заглянулъ въ углубленіе подъ этимъ самороднымъ карнизомъ. Что то вродѣ грота было тамъ, повышаясь кверху, и мальчикъ, перекрестившись, полѣзъ туда.

Темныя, сырыя стѣны давали отпоть, и, проби-

ваясь сквозь воду, золотистые солнечные лучи освѣщали какимъ то фантастическимъ свѣтомъ гротъ. Но чѣмъ выше шелъ ребенокъ, тѣмъ суше и темнѣе становилось въ немъ; наконецъ полная тьма охватила его кругомъ. Было ли это русло стараго подземнаго потока, или просто игрушка природы, мальчикъ не думалъ; для него это былъ заколдованный гротъ, черезъ который онъ могъ пройти въ подземную долину, гдѣ ждали его чудеса, и вода, которая дѣлаетъ злыхъ людей добрыми. И онъ шелъ, шелъ, или вѣрнѣе ползъ ощупью, упорно двигаясь къ своей цѣли, пока смертельная усталость не заставила его упасть въ мертвомъ снѣ.

И чудилось ему свѣтлое царство, невиданныя долины, сады и цѣлыя рѣки доброй воды, катившей свѣтлыя, ласковыя волны. Ощущеніе сырости и холода однако заставило его подняться, и въ мглѣ онъ испуганно и напряженно слушалъ, соображая, гдѣ онъ. Тихое безмолвіе могилы охватило его, и только гдѣ то рождался и несся чуть слышный звукъ, казавшійся странной музыкой. Опять Алеша поползъ туда подъ впечатлѣніемъ сна, ползъ долго, упорно въ своемъ каменномъ ходѣ, пока звуки, теперь быстро начавшіе приближаться, узнало его чуткое ухо.

— „Это вода падаетъ... ужли же я обратно ползу? а можетъ“...

И сладкая надежда согрѣла дѣтскую душу.

— „Да, вотъ она... ишь, свѣтъ брезжитъ, только не ясно!“

И уже пошелъ на встрѣчу свѣту, блѣдному лунному свѣту, освѣщавшему горы, чьи высокіе силуэты намѣтились лѣсистыми и оснѣженными гривами на темно-синемъ ночномъ небѣ. Его ходъ кончился, въ расщелину между камней смотрѣла луна, и въ долинѣ, надъ которой онъ очутился, внизу, среди густого лѣса, шумѣла горная, неспокойная рѣка.

— „Неужели это подземная долина? Нѣтъ, вонъ ай [1]) свѣтитъ, и тенгередэ синѣетъ глубокой синевою.

---

[1]) Мѣсяцъ.

Нѣтъ, это просто алтайская долина. Вонъ, уже ночь... тамъ теперь заботятся... онъ и вправду „отчаянный“, какъ говоритъ Марьяна... куда забрелъ, надо скорѣй ворочаться. Но куда?..“

Маленькій мальчикъ съ сжавшимся сердцемъ оглядѣлъ море вершинъ, величавое облитое луннымъ свѣтомъ море, гдѣ его одинокая фигурка казалась особенно ничтожной.

— „А дяденька?—ныло сердце.—Рази, по рѣкѣ идти... а то назадъ... лучше ужъ назадъ.—Тамъ ждутъ... дяденька ни въ жизнь не уйдетъ съ мѣста... либы онъ, либы Семейка ждать будутъ... видно ужъ назадъ!“

И съ храбростью отчаянія малышъ опять нырнулъ въ разсѣлину и пошелъ, а потомъ поползъ скоро, скоро въ непроницаемой мглѣ, по длинному пути, не поддаваясь усталости, томимый заботою о Матвѣѣ.

А Матвѣй, совершенно измученный, едва приплелся на станъ. Охвативъ руками колѣна, сидѣлъ онъ въ полномъ отчаяніи, и глаза его не могла сомкнуть даже смертельная усталость.

— „Куда забрелъ Алеша? Умненькій мальчикъ не могъ безъ толку оставаться вдали: онъ зналъ, что они будутъ заботиться о немъ. Алеша гдѣ нибудь убился, тошно... что, если онъ сорвался откуда и лежитъ съ переломанной ногой? Охъ, горе! Можетъ и звѣрь задрать!“

Семейка спалъ тревожно: ему грезилися всякія страсти, и онъ стоналъ со сна, а, проснувшись подъ утро, не легъ болѣе, а набивъ трубку, затянулся ею.

— Ей, — окликнулъ онъ Матвѣя. — Тамыръ... знашъ чё сдумалъ я? Помнишь, болталъ онъ намъ, Алексѣй то, про падающую воду? Ужъ не убрался ли онъ къ водопаду въ тѣснину?

Сердце захолонуло у Матвѣя: онъ ясно вспомнилъ разсказъ Алеши...—„И вдругъ давно уже разбитое водою о камни его маленькое тѣло пронесло тутъ? О, Господи!“

А инородецъ, затянувшись трубкою, продолжалъ не торопясь:

— Какъ онъ забрелъ туды, да залѣзъ подъ воду?.. тутъ, вѣдь, пещера, сказываютъ, есть... вотъ, и блудитъ теперь въ ней.

— Пещера... да што же ты, окаянный, молчалъ? штобы тебя язвило! Веди ты меня, ради Христа, веди!

И тутъ же среди занимавшейся зари и легкаго тумана они потянулись по мокрымъ скаламъ въ ущелье, забираясь выше и выше, туда, гдѣ каскадами падала съ высоты вода водопада.

Заря уже давно покорила синюю ароматную ночь, просыпались птицы, музыка лѣса начинала свою великую симфонію—свѣтлую молитву къ Творцу, но эта Божія красота не трогала сердце двухъ людей, лѣпившихся по камнямъ къ водопаду; тамъ, гдѣ не легко прошла дѣтская нога, было трудно, страшно трудно пробираться взрослымъ людямъ; они каждую минуту рисковали сорваться съ камней скользкихъ, всегда омоченныхъ брызгами, а свѣтлое радостное утро осыпало первыми лучами водопадъ, и онъ представлялъ волшебное зрѣлище своей розовой пѣной и бриллiантами брызгъ.

— Тутъ, — говорилъ Семейка, — раньше сказывали—проходъ былъ въ камню подъ водопадомъ: при Ойротѣ въ немъ пряталися долго люди Калданъ-Черю, сына Ойрота, воевавшаго съ братомъ, котораго этотъ братъ побѣдилъ. Мало ли что люди болтаютъ! Вонъ, сказывали охотники, подъ тѣмъ утесомъ, гдѣ вода падаетъ, видишь пещера то?

— Аленька!—ликующимъ возгласомъ сорвалось съ губъ Матвѣя.—Погоди, родимый, не сорвися... мы тутъ... мы сичасъ тебя возьмемъ. Ахъ ты, парнишечка глупый, куды забрался!

И правда, на камняхъ появилася тоненькая фигурка Алеши, наконецъ выползшаго изъ своей пещеры и ослѣпленнаго свѣтлымъ утромъ. Смертельно усталое тѣльце прижалось къ холоднымъ мокрымъ камнямъ; но онъ не боялся. Послѣ ужасной мглы и тишины пещеры, его радовали звуки водопада, мощ-

ные звуки, казавшіеся ему музыкой, а голосъ дорогого ему абагая[1]) вызвалъ нѣжную улыбку на блѣдный ротикъ мальчика.

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Слава тебѣ, Господи! Ахъ, парнишка, парнишка! Правда, што отчаянный, што наладилъ! Ну, да ладно... держися крѣпше, дурачишка... ишь, сомлѣлъ, наголодался и мокрехонекъ весь!

Лѣзь, лѣзь, Семейка, а я за тобою понесу его, не сорвуся, не бойсь: сроду голову не кружитъ у меня на высотѣ!—

И, лѣпясь по камнямъ, благополучно спустился со своею дорогою ношей.

Завернутый въ теплый азямъ Матвѣя мальчикъ проспалъ до полденъ и всталъ бодрымъ и свѣжимъ. Его тонкое личико, разрумяненное со сна, показалося Матвѣю красивѣй и дороже прежняго. Просто и безыскусственно Алеша разсказалъ про свои скитанія.

— Ой, отчаянный!—ворчалъ Матвѣй.—Правда Марьяна говоритъ. Ну, быть бы тебѣ дранымъ, коли бы ты свою воду тамъ искалъ у насъ, да отца встревожилъ! Ой, парнишка, мотри, загинешь ковда нибудь ни за грошикъ!

А мальчикъ ласково прижался къ нему темной головкой.

— Не ругайся, дяденька: мнѣ самому тошно... а только и ругаю же я себя таперь, пошто я туды къ той рѣкѣ не спустился? толи-забоялся, толи о тебѣ съ Семейкой забота припала, што искать меня будете... може, то и была „та“ рѣка.

— Ну, Алексѣй, такихъ то рѣкъ по Алтаю много! —усмѣхнулся Семейка.—Ѣшь, вотъ: голодный, вѣдь.

И они мирно кончили день.

А на завтра снялися со стоянки и вернулись въ долину Чолушмана, по которой пробралися до горъ Тарбинъ-ду и Шудана.

Теперь Матвѣй зорко слѣдилъ за любимцемъ.

— Хто те знатъ, парнишку! Какъ шуганешь опять похуже куды, дакъ съ отцемъ не развяжешься. Лучше ужъ сиди ка себѣ около насъ.

---

[1]) Абагая—дяди.

Но мальчикъ и такъ не порывался бѣжать, мѣсяцъ скитаній укрѣпилъ его, и когда родная долина показалася его глазамъ, онъ свѣжій, загорѣлый и радостный погналъ скорѣе коня, чтобы увидать Талю и отца.

— Ну, опять Осподь несетъ!—увидя его, не могла удержаться Марьяна.

... а на завтра снялися со стоянки и вернулись въ долину Чолушмана.

Назара больно рѣзнули по сердцу ея слова, но онъ удержался и ничего не сказалъ женщинѣ. Молча взявъ на руки дѣвочку, онъ вышелъ на крыльцо поспѣшной походкой, привѣтствуя сына радостнымъ зовомъ.

— Скорѣе, скорѣе, Аленька: стосковалися мы по тебѣ съ Талечкой.

Даже Петру не понравилися мачихины слова.

— Што это, матушка, ты и впрямь на парнишку кидашься? вѣдь, нашъ же онъ!—проворчалъ онъ.

И Митрій поддержалъ его.

— Брось ты злобу свою на Алешку!

Конечно, разговорамъ не было конца у Алеши и сестренки. Дѣвочку радовали камешки съ Телецкаго озера, и шкура тарбальдина съ огромными крыльями, изъ которой дядя Матвѣй собирался сдѣлать ей чучело, и эликъ съ зажившей уже спинкой и прекрасными глазами, но пуще всего радовалъ дѣвочку самъ Алеша, къ которому тянулося ея ласковое сердечко.

— Ну!—не удержалась на завтра Марьяна.—Будетъ таперь лодыремъ быть, Алешка: паси-ка гусей.

— Дай ему отдохнуть!—вступился отецъ.—Павелъ всѣхъ коршуновъ перестрѣлялъ... жили же безъ парнишки гуси, никто ихъ не трогалъ! пусть съ Талей поиграть, понѣжится.

— Мнѣ што! пусть хоша весь вѣкъ играть,—сжала она губы.—А Талькѣ ужъ я повадки не дамъ; въ томъ ты воленъ, конешно: не мать я ему... расповадишь, ты и въ отвѣтѣ, ну, а эту прикручу. Осподи, глядите, и глаза наслезилъ!

Простите, Алексѣй Назарычъ, што грубымъ словомъ васъ нашла... горе мое съ вами: и слово сказать нельзя!

А Алеша хлебалъ торопливо чай, стараясь не глядѣть на Талино печальное личико.

— Поѣдемъ, Аленька, на жниво!—сказалъ Матвѣй.

— Павлуха, примешь экаго жнеца? Чѣмъ покоры слухать, лучше робить будетъ съ нами! только поучи его маненько грамотѣ за работу.

— Ладно,—согласился Павелъ.—Поучу, коли хорошо робить научится.

— Можно ево поучить жать, тятя?

— Учите!—сказалъ Назаръ и, покачавъ грустно головой, вышелъ изъ-за стола.

* * *

Все жнитво провелъ Алеша съ братьями и Матвѣемъ и жалъ неумѣлыми руками, стараясь подражать старшимъ, маленькіе снопы старательно, а

сердце его тосковало по милому ребенку, котораго въ краткіе часы, что семья проводила дома, Марьяна не подпускала къ нему.

Таля видимо тосковала. Мать цѣлые дни выдерживала ее въ избѣ, чтобы гдѣ нибудь ненарокомъ она не встрѣтилась съ Алешей: и дѣвочку, вольную птичку, томила грусть, на которую, боясь матери, она не смѣла пожаловаться отцу. Тому было до смерти жаль ребенка, но онъ не вступался.

— „Пусть ее... сама опомнится!"—думалъ онъ о женѣ, а Алешѣ сказалъ ласково:

— Не подходи къ Талюткѣ, сынокъ: мать ее запилитъ. Охъ, Господи, и какая у ней ненависть къ тебѣ, што дитя родное изводитъ?

Алеша, когда отжались, и пришлося за дождями сидѣть дома, перекидывался только грустными взглядами съ Талечкой, уходя отъ нея подальше подъ повѣть или навѣсы, чтобы не смущать ее и не подводить подъ гнѣвъ матери.

Рѣки вздулися съ дождей и рокотали грозно, лѣсныя дорожки были полны облетѣвшихъ листовъ. Осень наступила какъ то вдругъ, но лѣто захотѣло еще повластвовать напослѣди и подарило Алтай такими чудесными днями, что даже Марьяна сжалилась надъ дочкою и пустила ее поиграть у избы, предварительно угнавъ Алешу за рѣку.

— Уйди, уйди, сомустишь ее только! И такъ ребенокъ изъ-за тебя, отчаяннаго, носу на улку не кажетъ.

Бѣги, Талечка: ушелъ идолъ то!

Митрій и Павелъ, точно перемѣнившіеся къ мальчику, послѣ разлуки, покосилися на мать. Они собирались по сѣно, чтобы перевезти его, а Назаръ и Матвѣй убирали хлѣва для скота.

Перейдя переходами на ту сторону, мальчикъ сѣлъ подъ опавшимъ кустомъ калины, заслоненной отъ мачихи молодыми сосенками, тутъ мѣшавшимися съ чернолѣсьемъ. Ему хотѣлося хоть глядѣть на дѣвочку, а рѣка, ставшая большою, сердито катила

волны, на которыхъ лучи осенняго солнца играли и переливались причудливымъ блескомъ, золотя воду.

Привлекла ли глаза дѣвочки эта игра свѣта, или ея сердечко потянуло къ другу, только она близко подошла къ берегу. Мать, разстилавшая холсты, не обращала на нее вниманія, и Алеша не смѣлъ закричать Талѣ, что берегъ скользокъ, и чтобы она не подходила близко къ водѣ. Дѣвочка собирала желтые листья, цѣлая пачка уже была въ ея рукахъ, но она дѣлала это машинально. Вдругъ большая рыба всплеснулась въ рѣкѣ; держась за талъ, малютка заглянула, нагнувшись, на разошедшійся по водѣ и побѣжавшій къ берегу колеблющійся кругъ. Ея маленькая ножка, скользнувъ по мокрой травѣ, еще не обсушенной солнцемъ, оборвалася, и ребенокъ ухнулъ въ воду съ оборванной вѣткой тала въ рукахъ, за которую судорожно уцѣпилися маленькіе пальчики.

— Ай!..

Марьяна обернулась на всплескъ воды и, дико вскрикнувъ, кинулась къ берегу, на которомъ заметалась. Она не умѣла плавать, а рѣка, подбросивъ тѣльце на волнахъ, удернула обезумѣвшую отъ страха малютку въ глубь и, опять выкинувъ ее, точно тѣшилась надъ матерью.

— Што ты, баба, взревѣла?—поднялъ голову Назаръ.—Што ужъ не съ Талькой ли?

И онъ вмѣстѣ съ Матвѣемъ кинулися къ берегу.

А по рѣкѣ, борясь съ волнами и торопясь изо всѣхъ силъ, плылъ Алеша, выскочившій изъ своей засады, и его бодрый голосокъ прозвенѣлъ громко и твердо.

— Талечка, я сейчасъ... не бойся ты, ради Христа... хлюпай руками то, хлюпай.

И, дѣйствительно, схватилъ сестренку, разомъ обезпамятѣвшую, какъ только онъ поймалъ ее. Мускулы мальчика напряглись, онъ могъ грестись только одною рукою; но силы его были слабы, и онъ не могъ сразу прибиться къ берегу. А теченіе несло его къ страшному омуту подъ таломъ, къ омуту, котораго онъ такъ не любилъ и боялся.

— Родимые, помогите, помогите! — крикнула Марьяна, понявшая въ ужасѣ опасность, грозившую дѣтямъ.—Помогите, Назаръ Дмитричъ, Матвѣюшка. Лешенька, держи ее, голубчикъ, не захлебни... держи... тошнехонько... омутъ!

Тремя взмахами Матвѣй, добѣжавшій впередъ до рѣки и кинувшійся въ нее, добрался до середины. Еще бы два сильныхъ взмаха, но изнемогавшій Алеша, сунувъ дѣвочку на камень, торчавшій изъ воды, самъ крутился и захлебывался на быстринѣ около него. Руки Матвѣя упали на камень, но волна, поднятая его тѣломъ, оттолкнула маленькаго спасителя. Волосы встали на головѣ Матвѣя: онъ не могъ бросить дѣвочку, а мальчикъ могъ погибнуть сейчасъ же... но онъ еще держался.

— Дяденька, плыви съ Талечкой: тятя тутъ... я подержусь, погребуся!—крикнулъ Алеша.—Плыви, дяденька.

А самъ точно застывалъ въ холодной водѣ, чувствуя, какъ омутъ тянетъ его ослабѣвшее тѣло туда, на дно.

— Аленька!

Назаръ съ безумнымъ крикомъ увидалъ, какъ исчезла подъ водою, метнувшись темными волосами, дѣтская головка, и нырнулъ самъ. Ему сильному и огромному нипочемъ были омуты! И, вырвавъ у воды ея жертву, онъ поплылъ къ берегу, гдѣ Матвѣй уже оттиралъ Талю, безпокойно глядя на воду.

— Ставь самоваръ!—командовалъ онъ.—И избу истопи: заледенѣли они... Вода то какъ ледъ. Ахъ, Марьяна, Марьяна! ужли у тебя душа еще къ ребенку не повернется? Вѣдь, погинула бы она, пока ты, какъ индюшка, бѣгала по берегу. Вотъ тебѣ и отчаянный! самъ было погинулъ изъ за твово дитя! —не удержался охотникъ отъ горькаго упрека.

Марьяна, рыдавшая надъ дочерью, съ покорностью приняла этотъ заслуженный укоръ, а блѣдный мальчикъ долго не приходилъ въ себя. Но за то что это было за счастливое пробужденіе! Талечкины ручки охватили его шею, и алыя губки осыпали его поцѣ-

луями, а мачиха, злая мачиха, своей сухой рукой погладила его волосы, и, когда улеглися всѣ—и вернувшіеся братья, а онъ блаженный и безъ мѣры счастливый засыпалъ рядомъ съ сестренкой въ тепло натопленной избѣ, мачихины уста приникли къ его маленькимъ огрубѣвшимъ рукамъ, и ея всегда суровый голосъ зашепталъ съ глубокой ласкою:

— Алешенька, родимый... вотъ, ужо погляди, што изъ меня гля тебя выйдетъ за то, што ты жизни гля Тальки не пожалѣлъ, и я гля тебя жизни моей не пожалѣю.

И, вправду, точно иной стала она для ребенка.

III.

Зимній день погожій и ясный окончился, и въ занесенной снѣгами долинѣ одиноко поблескивалъ ясный огонекъ въ окнахъ Назаровой избушки. У стола, въ горницѣ сидѣли Алеша и Таля. Темная головка мальчика, склоняясь надъ книжкой старой и потрепанной, касалась свѣтлой Талиной головы. Марьяна пряла, отъ времени до времени поднимая на нихъ глаза, слушая съ улыбкой мягкой и доброй ихъ разговоры.

— Всякихъ, всякихъ книговъ обѣшшалъ привезти дядя Матвѣй, да ишшо и Петя, да и Митя, и тятенька! —говорила дѣвочка, сіяя глазами.—Вотъ, хоша маму спроси.

— Правда рази?—все еще не смѣло поднялъ Алеша задумчивые глазки на Марьяну.

— Правда, сынокъ!—сказала она.—И мать тебѣ заказала книгу, што ни на есть лучшую... ужъ какъ Матвѣя просила. Обѣшшалъ чтобы лучше всѣхъ ихъ была... и про моря, и про окіяны, про все, Аленька... товда ты намъ ее читать будешь: шибко ты читать за осень навострился.

У мальчика глаза заблистали счастьемъ, эти ясные глаза.

— „Неужели тамъ была счастливая долина?— подумалъ онъ опять свою думу. —И онъ принесъ

изъ нея духъ любви въ сердце Марьяны. Значитъ, недаромъ лазилъ онъ въ пещеру! ишь, какъ глядитъ ласково, ласково, какъ на Талю!“

И вдругъ въ его сердцѣ угасъ страхъ, послѣдній страхъ передъ этой женщиной, чьи ласковые теперь глаза точно просили его о чемъ то. Его маленькое доброе сердце вспыхнуло жалостью къ мачихѣ, непонятной и властной жалостью, переполнившей его. Отложивъ книжку, по которой братъ научилъ его хорошо читать, онъ соскользнулъ съ лавки и, нерѣшительно взявъ Талю за руку, потянулъ ее за собою.

— Што, али испужались? пошто стреложились? —заботливо спросила Марьяна.—Што вы? рази колокольцы услыхалъ, Аленька?

— Нѣтъ!—застѣнчиво, по обычаю потупившись, сказалъ мальчикъ.—Только, маманька, мнѣ такъ ли жалко стало тебя за то, што бывало тятя тебя изъ-за меня ругалъ. Я, маманька, право буду стараться тебѣ все хорошо дѣлать теперь, штобы ты не сердилася!

Онъ забылъ ея побои, ея несправедливости, и самъ, не отдавая себѣ отчета въ своемъ порывѣ, въ первый разъ назвалъ ее матерью, и это имя, и неожиданная ласка заставили забиться сердце Марьяны: она порывисто встала, сунувъ прялку на лавку, и подошла къ дѣтямъ, затуманенными глазами глядя на Алешино взволнованное лицо.

— Маманька?.. Ахъ, Аленька, Аленька! Ну, и буду я тебѣ маманькой, богоданный мой... прости ты меня, што я тебя отчаяннымъ звала. Идите-ка, я васъ приголублю, мои дѣтушки.

И она крѣпко обняла обоихъ, а слезы невольно закапали изъ ея глазъ на головки дѣтей свѣтлую и темную, и Алеша, увидавъ ихъ, сказалъ:

— Не плачь, мама, не плачь: мы такъ тебя станемъ любить съ Талей и слушаться, што ты всю тятину воркотню забудешь!

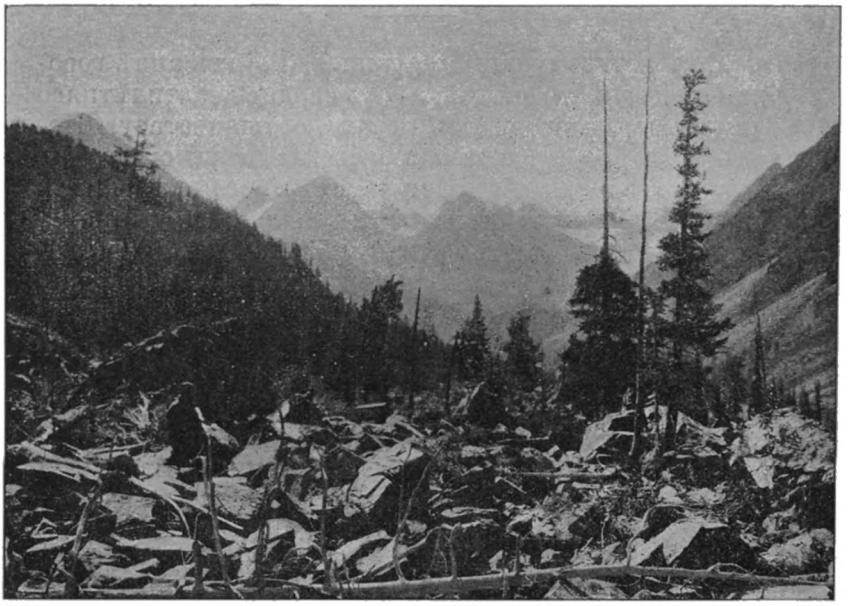
Она, дѣйствительно, забыла о всемъ, слушая ласковый голосъ мужа, одобренья Матвѣя и пасынковъ. Да, теперь она стала матерью и хозяйкой въ домѣ, а Алеша, счастливый всѣми совершившимися

въ домѣ перемѣнами, говорилъ съ наивной вѣрою Матвѣю:

— Ахъ, дядя Матвѣй! хорошо, што я слазилъ въ пешшору, таперь у меня и книги есть, и въ дому хорошо, и маманька меня полюбила. Правда, дядя Матвѣй?

И тотъ, кивая головою, чтобы не разрушить дѣтскія иллюзіи, думалъ, ласково глядя на ребенка, что чудо это сдѣлало его маленькое, доброе и вѣрное сердечко, не пожалѣвшее жизни и безъ разговора отдававшее ее для ребенка той, которая его ненавидѣла. Теперь онъ уважалъ Марьяну, разъ она умѣла быть благодарной, значитъ, у нея было сердце.

И старый охотникъ ласково цѣловалъ Талину свѣтлую головку, благословляя въ душѣ неосторожную дѣвочку, которая сдѣлала счастливымъ его любимца.



Алтай. Долина въ вершинѣ Нижняго Курагана.

Тумчугашъ.

КАМЛАНЬЕ.

У Тумчугаша узкіе глазенки разгорѣлися радостью: еще бы! абамъ захотѣлъ повезти его туда, къ каму, къ больному старому каму изъ ихъ тихаго мирнаго угла, любимаго дѣтскимъ сердцемъ, изъ котораго малышъ всетаки рвался посмотрѣть и послушать невиданное и неслышанное. Объ этомъ

А. И. Макарова-Мирская.

камѣ, къ которому они собиралися, въ ихъ аилѣ говорили чудеса и страсти, и не разъ сердце десятилѣтняго Тумчугаша замирало отъ страха, слушая старую Ирленъ, свою бабку, которая разсказывала о немъ и силѣ его заклинаній и молитвъ, о его страшныхъ камланьяхъ, въ которыхъ духи являлись къ нему. И сегодня, собираяся къ каму, Тумчугашъ чувствовалъ порой, какъ замирало его маленькое сердце, пока отецъ и мать покойно сѣдлали лошадей, переговариваясь между собою.

Мѣсяцъ Коог-ай [1]) дарилъ Алтай на удивленіе чудными днями, кандыкъ сталъ цвѣсти, и горы у аила были осыпаны цвѣтомъ марала [2]), и солнце особенно ясно осыпало и горы, и ихъ маленькій аилъ, и быструю небольшую горную рѣчку, вившуюся межъ камней и сверкавшую струйками на солнцѣ.

Тегенекъ, отецъ Тумчугаша, вышелъ изъ юрты; онъ вывелъ красивую бѣлую лошадь, любимицу мальчика, и, не сѣдлая, привязалъ ее на чумбурѣ [3]) къ своему сѣдлу.

Тумчугашъ удивился.

— Абамъ [4])!—звонко спросилъ онъ.—Зачѣмъ коня? вѣдь три уже осѣдланы. Бабка не можетъ ѣхать: у ней болятъ ноги... кому этотъ конь?

— А каму то?—прищурился Тегенекъ.—Глупый боламчикъ! съ чѣмъ же ты къ каму придешь? Ему надо коня, а то онъ и камлать не станетъ, а бѣдная энэ [5]) будетъ все лежать, жаловаться на сына, который пожалѣлъ для нея коня.

Въ своемъ далекомъ отъ людей аилѣ Тумчугашъ никогда не видалъ камланья; онъ видѣлъ, какъ отецъ молился курміжекамъ, куря предъ ними аржан-эленомъ [6]) и брызгая брагой, которую дѣлалъ изъ того ячменя, что росъ на заповѣдной отцовой полянкѣ, сжинаемой самимъ отцомъ. Тумчугашу казалися смѣш-

---

[1]) Май.
[2]) Рододендронъ, альпійская роза.
[3]) Волосяная короткая веревка.
[4]) Отецъ.
[5]) Мать.
[6]) Верескомъ.

ными эти божки, разставленные позади огня, не утухавшаго посреди юрты, костра, цѣлыя сутки дымившагося и коптившаго жилище. Прислонившись къ стѣнкѣ, стояли они рядкомъ съ большими башками и тоненькимъ туловцемъ, съ огромными пуговицами вмѣсто глазъ, а передъ ними болтались на веревкѣ сомо [1]). Смутно онъ слыхалъ отъ бабки Ирленъ, теперь хворавшей, о добромъ Ульгенѣ, правителѣ міра, и зломъ Эрликѣ; слыхалъ много о страшныхъ кара-неме [2]), зналъ, что они тоже боги, но небольшіе; кланялся солнцу, лунѣ, горамъ, рѣкамъ и озерамъ. Его сеокъ [3]) имѣлъ еще и своего Баштут-хана, покровителя ихъ юрты, и ему учила кланяться его бабка Ирленъ. Онъ привыкъ всѣхъ бояться, потому что Ирленъ страшно боялась этого множества невидимыхъ боговъ, приписывая имъ всѣ неудачи въ жизни. Но всего больше научилось бояться полное суевѣрія дѣтское сердце Кагыра, старшаго надъ всѣми темными силами, помощника Эрлика, который ходилъ всегда къ Ульгеню и могъ, по словамъ бабки, наврать, что хочешь, про людей.

Мальчикъ умненькій и чуткій часто думалъ:

— Почему этотъ добрый богъ слушаетъ зло имѣющаго на людей чернаго Кагыра?!!

И въ его головкѣ всѣ представленія о богахъ слились въ одинъ страхъ, равный страхъ и передъ Ульгенемъ и передъ Эрликомъ, а далекій невѣдомый камъ тоже представлялся ему какимъ то темнымъ и страшнымъ богомъ.

Энэ позвала его.

— Иди, Тумчугашъ, простися съ бабкой: она зоветъ.

И бабка, лежавшая съ распухшими ногами на ложѣ, приподнялася съ помощью чужой эдже [4]); она тоже была эбегень [5]), и ей, не имѣющей родни, по-

---

[1]) Девять тряпочекъ, изъ которыхъ средняя имѣетъ видъ животнаго.

[2]) Злыхъ духахъ.

[3]) Родъ.

[4]) Тетка.

[5]) Старуха.

ручили заботу о скотѣ, когда захворала бабка Ирленъ а теперь энэ Тумчугаша наставляла ее, какъ быть съ хозяйствомъ и больной безъ нихъ.

— Смотри,—въ сотый разъ говорила она эдже —ты знаешь что энэ хвораетъ: эта кообукъ [1]) не даетъ ей вставать... не пускай ее на работу. Тегенекъ достанетъ ялмана [2]) на Чуѣ, зачѣмъ и ѣдемъ, а ты безъ насъ, если будетъ прибывать опухоль, жги на тѣлѣ ядно [3]) на тѣхъ мѣстахъ: она не дастъ опухоли идти. Гляди за коровами, смотри: двѣ пестрыя скоро отелются, не потеряй позучаковъ... [4]) за всѣмъ гляди.

А въ это время бабка осыпала ласками Тумчугаша.

— Хорошенько покамлай, боламъ [5]) мой; попроси Эрлика, что бы угналъ отъ меня кообукъ; опять бы мои ноги могли носить меня. Погляди Чую, Тумчугашъ: я сама оттуда, тамъ родилася. Ну, эзень болзынъ! [6]) ворочайся скорѣе! Кланяйся, Тегенекъ, и ты, Кулай, отъ меня каму... попросите хорошенько покамлать!

И родные обѣщали ей, съ поклонами оставляя родной уголъ.

II.

Лошади тихо ступали по тропамъ. Впереди ѣхалъ Тегенекъ, за нимъ—Тумчугашъ, а сзади всѣхъ Кулай, за которой шла вьючная лошадь съ сумами въ торокахъ, ведя за собой на чумбурѣ красивую бѣлую любимицу Тумчугаша.

— Абамъ, ты отдашь ее?

— Отдамъ, конечно!—сказалъ тотъ, вынимая

---

[1]) Водяная болѣзнь.

[2]) Ялманъ—небольшой сѣренькій звѣрокъ, который водится по рѣкѣ Чуѣ; у него заднія лапы на четыре вершка длиннѣе переднихъ, что и способствуетъ ему сосать овецъ. Отъ водянки пьютъ его кровь.

[3]) Кусочекъ трута или сердцевины изъ бузины.

[4]) Телятъ.

[5]) Ребенокъ.

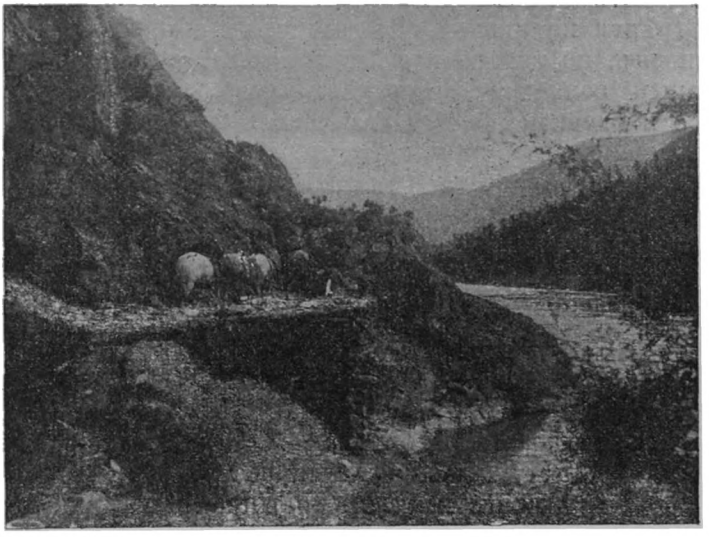
[6]) Прощай.

трубку изо рта и удивленно глядя на мальчика. —Чудной ты, боламъ, какъ же не отдать?

— А онъ будетъ любить ее?—спросилъ пытливо мальчикъ.

И отецъ и ѣхавшая сзади мать разсмѣялись, услыхавъ его вопросъ.

— Какъ же! какъ же!—продолжая смѣяться,



... Лошади тихо ступали по тропамъ... Впереди ѣхалъ Тегенекъ...

сказалъ отецъ.—Онъ поберегетъ... здорово поберегетъ. Ой, и дурачекъ же ты, Тумчугашъ.

И тихо замурлыкалъ себѣ подъ носъ протяжную, печальную пѣсенку, а жена подтянула ее.

Тумчугашъ не смѣлъ болѣе разспрашивать; онъ только печально поглядѣлъ, обернувшись, на свою любимицу и сталъ глядѣть по сторонамъ: съ высокой гривы, черезъ которую они только что перевалили, открывался чудный видъ на дали. Прошедшій день весь они ѣхали мѣстами знакомыми ребенку, а теперь его взглядъ привлекли и новыя горы, и

чужіе аилы, попадавшіеся на ихъ пути, и рѣка, не такая какъ въ ихъ долинѣ, а глубокая, свободная красавица Катунь: она быстро катила свои волны, холодныя и украшенныя бѣлой пѣной у камней, раскиданныхъ по ея руслу.

Путники остановились ночевать на горѣ Тарбенъ-Ту, въ тихой долинѣ, и въ тишинѣ вечера, когда угасли за горами краски заката, и луна облила все блѣднымъ сіяньемъ, Тумчугашъ, сѣвъ на камни, засмотрѣлся на низину. Задумчиво поднималась гора Инигенъ, по ту сторону Катуни, тихо дремалъ, охваченный волною, лѣсистый островъ, рѣка серебрилась и сверкала, змѣей извиваясь по долинѣ, и въ безмолвномъ молчаніи дремали скалистые берега. Въ первый разъ красота и величіе Божьяго міра захватили мальчика: онъ умными темными глазами впился въ развернувшуюся передъ нимъ картину, а его отецъ тихо мурлыкалъ пѣсню, и ея слова ласкали слухъ ребенка, полныя любви къ своему неизвѣстному людямъ краю и близкимъ.

— Ада Алтай такырчакъ.
Ак-пором-тізі тадучакъ.
Ада туугаными асхынчакъ
Айдыжіпъ кельзекъ, якынчакъ!
Камчі сынду каанъ Алтай. [1])

И самъ тихо запѣлъ:

— Камчі сынду, Каанъ Алтай...

глядя на эти, убѣгавшія вдаль, волнистыя линіи горныхъ хребтовъ.

---

[1]) Батюшка Алтай малотравенъ
А поѣстъ мой Сивка сладко.
По отцу родныхъ моихъ маленько;
Какъ сойдемся—поговоримъ славно!
Какъ плеть расплетенная хребты твои, Хан-Алтай.

III.

Тамъ, гдѣ въ Чую впадаетъ шумный Яръ-Болыкъ, они свернули въ каменистое ущелье. Дико и

... Только Яръ-Болыкъ несся, нѣжась и ликуя...

угрюмо было кругомъ, только Яръ-Болыкъ несся, пѣнясь и ликуя: они свернули еще въ сторону по маленькой горной рѣчкѣ, такой же, какую Тумчугашъ привыкъ видѣть близъ родного аила и въ глубокой долинѣ, поднимавшейся и уходившей вдаль, увидали

опять, послѣ безлѣсныхъ почти береговъ и каменистыхъ горъ Чуи, ласкающіе взглядъ лѣса дремучіе, задумчивые и прекрасные, которые любило ихъ сердце.

Камъ жилъ на высокой площадкѣ; родникъ плескался изъ расщелины скалы, къ которой, чуть не вплотную, примыкало помѣстье кама. Была какая то дикая красота въ этихъ вывѣтрившихся скалахъ съ причудливыми выступами, которые повилъ ласковый аржан-эленъ; маралъ и тутъ цвѣлъ. Удивительно красивые алые цвѣты осыпали кусты, и пестрыя конак'и [1]) носились надъ ними. Тімырытъ [2]) гнулась подъ тяжестью бѣлыхъ цвѣтовъ, осыпавшихъ ее и скрывавшихъ листья; небольшая поляна окружала маленькій аилъ, а кругомъ ея, за порослью чернолѣсья, обступилъ сосновый боръ, и прямыя стройныя вѣковыя деревья стояли въ нерушимомъ покоѣ, точно сторожа жилище кама.

Собаки встрѣтили лаемъ прибывшихъ; какая то старая женщина выглянула изъ одной юрты, прикрывъ красные больные глаза рукой, она поглядѣла на пріѣхавшихъ и ушла въ юрту; потомъ вышла другая молодая, высокая съ миловиднымъ лицомъ и, кланяясь, позвала ихъ за собой. Они слѣзли съ лошадей и, оставивъ ихъ у коновязи [3]), пошли за нею, минуя первую юрту, къ другой большой юртѣ, срубленной изъ тонкаго лѣса и покрытой на два ската берестой, приткнутой къ самой скалѣ.

— Каланакъ спитъ, но вы идите себѣ: вчера онъ много камлалъ, присталъ шибко. Теперь маленько отдохните, я набью вамъ трубки и угощу аракой. Ахъ, какая арака! голову крутитъ! Камъ Каланакъ— добрый камъ, отъ него гости не уходили неугощенными, отъ того и ѣдутъ сюда и съ Берели, и съ Кумира, и съ Іедыгема, и съ Катуни. Ой, какой мудрый камъ Каланакъ!

---

[1]) Бабочки.
[2]) Черемуха.
[3]) Жердь, вдѣланная въ два, близко растущіе другъ отъ друга, пня.

Глаза Тумчугаша бѣжали по юртѣ, отыскивая, не освоившись еще послѣ яркаго свѣта дневного, могучаго кама, о которомъ такъ много толковали съ сыномъ бабка Ирленъ. У одной стѣны былъ очагъ, сбитый изъ глины; мальчикъ еще не видалъ такого; въ этомъ высокомъ глиняномъ столбѣ, выведенномъ на крышу, была полукруглая пещера, въ ней жильцы жарили кандыкъ и пекли прѣсныя лепешки, а по бокамъ ея были просверлены дыры для вложенія палокъ, и теперь повѣшенный на нихъ котелокъ весело кипѣлъ, а языки пламени лизали сухіе сучья.

— Какъ хорошо!—похвалилъ Тегенекъ.—Дымъ уходитъ славно!—указалъ онъ на верхъ, гдѣ дымъ вился подъ сплетеннымъ изъ прутьевъ чуваломъ, обмазаннымъ глиною. У насъ хуже: у насъ дымъ отъ вѣтра назадъ летитъ въ юрту, тутъ шибко ладно,—указалъ онъ на продолговатое отверстіе для свѣта, въ которое гнало и дымъ. А зимой снѣгъ не попадаетъ сбоку то?

— Нѣтъ, мы его заставляемъ льдиною!—охотно пояснила хозяйка.

По стѣнамъ юрты были возвышенія, вершковъ на пять поднимашіяся надъ поломъ, и шириною въ аршинъ, покрытыя берестой. На нихъ лежало много добра въ сумахъ, и были устроены ложа, на одномъ изъ которыхъ спалъ хозяинъ, закрывшись большою шубою, такъ что его не было видно изъ подъ нея. Ручные жернова стояли въ углу, а на полу, постланномъ досками, стоялъ у сомо́ большой тюнгурь [1]) въ аршинъ шириною. Тумчугаша привлекла его ручка, протянутая поперекъ обтянутаго кожей марала дна, на одномъ концѣ которой была безобразная рожа съ пуговицею вмѣсто глазъ; побрякушки и тряпки, на подобіе лентъ, болтались на прутѣ, и мальчикъ подошелъ къ тюнгурю.

— Ай!—предостерегъ его отецъ.—Што ты! нельзя этого трогать и эту орбу,—указалъ онъ на деревянную колотушку, обтянутую шкурой горностая и украшенную колечками и тряпками на концѣ.

[1]) Бубенъ.

— Это камово... што ты!—предостерегла сына и Кулай.

И ребенокъ съ сердцемъ, полнымъ чего то жуткаго и непріятнаго, сѣлъ съ родными на переднее мѣсто, гдѣ проворная хозяйка приготовила имъ угощенье.

Тихое покашливанье раздалося съ ложа кама, онъ кряхтя приподнялся и, сплюнувъ, потребовалъ сильнымъ густымъ голосомъ камзу (трубку).

Молодуха поспѣшно раскурила ему длинную трубку; камъ, взявъ ее, слѣзъ и подошелъ къ гостямъ. Это былъ еще не старый человѣкъ съ обычнымъ алтайскимъ узкоглазымъ скуластымъ лицомъ и приплюснутымъ носомъ, его глаза глубоко ушли въ орбиты, и густыя нависшія черныя брови придавали всему его лицу угрюмый и сердитый видъ.

— Эзень, эзень [1])! — кивнулъ онъ головою, неторопливо подходя къ вставшимъ и кланявшимся гостямъ,—Что, камлать? Охъ, присталъ я! А привезли ли вы айранъ [2]), и есть ли у васъ акчі [3]) на приготовленіе другого?

— Все есть, все! и конь приведенъ, и акчі, и айранъ, котораго никто не пилъ... все привезъ я, камъ Каланакъ, только пожалуста покамлай. А какая хорошая лошадь! ой, ой, только камлай!...

— Иди, сзывай людей—обратился камъ къ молодой женщинѣ. Тутъ не далеко аилъ брата моего... версты три... къ закату солнца поспѣютъ.

Это твой боламъ? Якши [4]) боламъ! Кто хвораетъ—чтоли? мать? а-а... это хорошо, Эрлику, говоришь? Надо камлать Ульгеню: онъ—добрѣе: ак-неме [5]) пошлетъ, и они угонятъ болѣзнь твоей энэ.

— Бѣги играй ты, маленькій!—обратился онъ къ Тумчугашу и повернулъ тюнгурь [6]), осматривая его.

На гладкой шкурѣ марала съ наружной стороны

---

[1]) Здравствуй.
[2]) Кумысъ изъ молока.
[3]) Деньги.
[4]) Хорошій.
[5]) Свѣтлыхъ духовъ.
[6]) Бубенъ.

кожи было намалевано красной охрой небо съ радугой и надъ радугой—солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Всѣ побрякушки издали при этомъ какой то печальный и нестройный звукъ, и этотъ звукъ въ камняхъ горы долго преслѣдовалъ забравшагося на нее Тумчугаша.

— „Что будетъ дѣлать этотъ человѣкъ?“—думалъ онъ, и ему вдругъ захотѣлося пасть на воду родника, метавшагося по камнямъ, и улетѣть съ ея струями далеко туда, къ Яр-Болыку и въ Чую, а съ Чуей донестися до Катуни, на волнахъ которой приплыть къ устью родной рѣки.

Аржан-эленъ такъ ласково вился по камнямъ, привѣтливо рокоталъ родникъ студеной волною, ароматомъ наполняла воздухъ тімырытъ, и сердце болама Тумчугаша вдругъ успокоилось, а задумчивые глаза съ глубокимъ вниманіемъ заглядѣлися на двухъ чемгуловъ [1]), рѣющихъ въ воздухѣ, какъ черныя точки, надъ вершинами. Ему вспомнилось, какъ убили охотники за эликъ [2]) такую птицу и притащили въ аилъ; раскинувъ могучія крылья по травѣ, безмолвно лежала она, и пленки закрыли ея глаза, такіе зоркіе при жизни и небоявшіеся солнца. Онъ, тогда еще совсѣмъ маленькій семилѣтній боламчикъ, подошелъ къ ней, и вдругъ точно вѣтромъ пахнуло на него, и рѣзкій печальный клекотъ жалобнымъ звукомъ пронесся по аилу. Его энэ съ испугомъ выскочила изъ юрты и утащила его за собою, но Тумчугашъ не спуская глазъ, слѣдилъ съ порога, какъ рѣяла надъ трупомъ другая большая птица, широко размахивая крыльями, точно осѣняя ими его, и жалобный клекотъ звучалъ до ночи; выстрѣлы стараго абшіяка [3]), тогда еще живого дяди отца, не могли отогнать ее, и до разсвѣта жалобный клекотъ не давалъ спать малышу. Вернувшійся отецъ утащилъ убитаго орла, но его другъ еще цѣлый день вился

---

[1]) Орловъ.
[2]) Горныя серны.
[3]) Старика.

надъ аиломъ и только къ ночи исчезъ, потонувъ въ синевѣ темнѣющаго неба; маленькій умный мальчикъ тогда же рѣшилъ не бить этихъ птицъ.

IV.

Вечеромъ, когда зашло солнце, мальчику было на что поглядѣть: пріѣхало человѣкъ шесть или семь алтайцевъ, и закипѣла работа. Одни очищали траву на полянѣ, другіе рубили свѣжую кудрявую березу, третьи собирали юрту, среди которой поставили эту березу; ея зеленая верхушка выставилась и покрывала листиками острую вершину юрты, какъ метелка поднимаясь надъ нею, тогда какъ ея обрубленныя вѣтви сиротливо валялись на землѣ; къ зеленой вершинѣ руки молодого племянника кама привязали кусокъ полотна вмѣсто знамени, а женщины укрывали юрту войлоками и коврами.

На стволѣ березы камъ вырубилъ девять таптъ [1]), и отверстіе юрты велѣлъ сдѣлать на востокъ. Впереди ея огородили круглое гнѣздо изъ бересты, шириной аршина въ полтора, и изумленный Тумчугашъ спросилъ пріѣхавшаго алтайскаго подростка: для чего это дѣлаютъ?

— Да ты совсѣмъ алмынъ [2]), неужели никогда не видалъ загона? Вишь, та сторона къ двери полая: тутъ и будетъ камлать камъ... ишь ставитъ силокъ съ петлею... онъ изъ конскихъ волосъ. А славнаго коня вы привели для жертвы... хорошій конь! сейчасъ его поведутъ. Вонъ, камова баба несетъ чашку... а ну какъ не годна жертва? не приметъ ее Ульгень, придется тогда твоему абаму купить лошадь у кама.

Тумчугашъ увидалъ, какъ чашку поставили на спину его любимицѣ; отецъ подогналъ ее, всѣ закричали махая на животное руками, и чашка упала вверхъ вмѣстимостью.

— Ладно!—крикнули всѣ.—Годна!

— Теперь выберутъ Баштута-хан-кыжі,—сказалъ

---

[1]) Зарубокъ.
[2]) Дуракъ.

мальчикъ, котораго звали Ургономъ.—Онъ станетъ держать ее... видишь?

А камъ, уже одѣтый, началъ махать березовымъ прутикомъ надъ лошадью, и выбранный Баштут-хан-кыжі держалъ ее за длинный чумбуръ [1]). Лошадь спокойно жевала траву, наклоняя голову и хватая ее.

— Это онъ ихъ къ Ульгеню направляетъ... и коня и Баштут-хана... ишь, какъ нарядился!—шепталъ Ургонъ.—А я сколько этихъ камланій видѣлъ. Ты, вѣрно, совсѣмъ дикій?!

А „дикій“ глядѣлъ на кама, на его халатъ съ нагрудникомъ изъ звѣриной кожи и красную шапку съ бѣлыми перьями изъ хвоста тетери. Взявъ бубенъ и орбу, камъ обошелъ все, но не началъ камланья.

— Голова кружится—сказалъ онъ обступившимъ его.—Завтра вечеромъ.

И ушелъ въ юрту, сколько его ни просили.

— А потомъ что будетъ?—допытывался Тумчугашъ у новаго знакомаго. Съ конемъ что онъ сдѣлаетъ?

— Ей здорово придется!—безпечно сказалъ Ургонъ.—Свяжутъ ей ноги переднія и заднія, а на спину привяжутъ толстую жердь; потомъ этой жердью переломятъ ей спину, а ноздри, ротъ, уши и всѣ отверстія заткнутъ, чтобы кровь не кинулась въ нихъ. Здорово хреснетъ спина! ноги ей тянутъ одни въ одну сторону, а другіе—въ другую, а спину давятъ.

— Калакъ [2])!—вскричалъ Тумчугашъ.—И мою такъ?

Слезы рвалися на его глаза, и онъ удержался едва, чтобы не зарыдать.

— Вотъ чудной! — засмѣялся Ургонъ. — Дакъ неужли жалѣть скотину то? ты не съ ая [3]) ли упалъ? дурной совсѣмъ! на то и скотъ, чтобы люди имъ владѣли.

Онъ удивленно глядѣлъ на Тумчугаша, ставшаго печальнымъ и молчаливымъ.

---

[1]) Волосяная веревка.
[2]) Тошно.
[3]) Мѣсяца.

— Дикой совсѣмъ какой то ты!—качая головою, всталъ Ургонъ.—Эдакъ и барана не колоть?

— Колоть! дакъ, вѣдь, то не мучаютъ! у насъ старую лошадь убили, жеребенка одного, котораго искусалъ пюрю [1]), позучаковъ... [2]) а зачѣмъ коня молодого? ну, ужъ, убей, а то—мучить!!..

— Погляди еще, че говорить станешь, какъ будешь мясо сивки своего жрать!—засмѣялся Ургонъ.

— И не буду жрать! а ты—худой!—поднялъ Тумчугашъ загорѣвшіеся гнѣвомъ глаза.—Говоришь, камланья видалъ. Кто ты тутъ? ни родня каму, ни родня намъ!.. тебѣ бы мучить скотину, лишь бы мясо жрать! поди отъ меня!!..

— А, вотъ, постой, я каму то скажу!—погрозился разсерженный Ургонъ.—Онъ тебѣ жалостному задастъ: напуститъ на тебя кара-неме [3]), такъ узнаешь! Они, вотъ тутъ, у него, за каждымъ камнемъ сидятъ, въ ручьѣ бьются... погоди, узнаешь тогда.

Большая жалость, охватившая Тумчугаша, отогнала страхъ; онъ пробрался къ лошадямъ и долго тихо плакалъ, обвивая шею сивой лошади. Животное терлося мордой о его плечо и помахивало хвостомъ; мальчику казалось, что съ нею отнимутъ у него что то дорогое, завѣтное, любимое. И невыразимая жалость заставляла его ласкать ничего не подозрѣвавшее животное и плакать горькими слезами перваго горя.

Родные, занятые уговорами кама, и не думали хватиться его, и только ласковыя звѣзды свѣтили ребенку. Лошади тихо пофыркивали кругомъ, жуя сѣно, да изъ юрты доносилися голоса, нарушая тишину камовой долины.

V.

На утро опять закипѣла работа: дѣлали айранъ, толкли ячмень и приготовляли лепешки къ пиру.

---

[1]) Волкъ.
[2]) Телятъ.
[3]) Черныхъ духовъ.

Родные, видимо, поладили съ камомъ, и когда наступилъ вечеръ и звѣзды опять начали поблескивать на небѣ, а солнце потушило послѣдніе лучи,

.. Каланакъ, нарядившись въ свою одежду, сталъ сильно ударять орбою въ бубенъ...

въ яркомъ еще отсвѣтѣ зари вечерней началися суета и приготовленія.

Каланакъ, нарядившись въ свою одежду, сталъ сильно ударять орбою въ бубенъ и затянулъ Керьгыдаю.

„Ярдымъ пасханъ яшъ пулутъ,
Ярдымъ паза, келингэръ.
Ульгень углы Кергыдай!“

И дикое: „ао, камъ, ай“, какъ припѣвъ выкликаемое имъ другимъ, не своимъ, голосомъ, понеслося среди тишины долины.

Мальчику Тумчугашу казалося, что это завываетъ пюрю [1]); а камъ вызывалъ множество духовъ.

— Ульгень кааннынъ Кан-Каршітъ!
Орбу кагар-онъ колума...—

тянулъ онъ и опять дико выкрикивалъ: „ао, камъ, ай“, подставлялъ бубенъ, какъ бы принимая выкликаемаго духа.

Стихи были длинны, и камъ выкрикивалъ ихъ монотонно, давно заученные, не обращая вниманія на слова. Баштут-хан-кыжі, выбранный вчера, держалъ лошадь за чумбуръ, а камъ пѣлъ Мерьгень-хану, и этотъ духъ опять отвѣчалъ его голосомъ дикое: „ао, камъ, ай“. Потомъ камъ сѣлъ на чучело, изображавшее гуся, и смѣшно, махая руками, запѣлъ другимъ голосомъ:

— „Аг-аястынъ алды-быланъ.“

На концѣ недлинной пѣсни онъ за гуся, опять перемѣнивъ мотивъ, закричалъ:

— Ингай гакъ,-гакъ, Ингай гакъ,
— Кай-гай-гакъ, кай-гай-гакъ.

И потомъ къ каждой протяжной строфѣ выкликалъ „Ингай“, окончивъ длинною строфою „Ингайгакъ“.

Мальчику Тумчугашу хотѣлося смѣяться: ему почему то пришло въ голову, что Ургонъ все навралъ: „Зачѣмъ будетъ этотъ веселый человѣкъ му-

---

[1]) Волкъ.

чить лошадь? онъ—вруша, этотъ парень: ишь, какъ заливается камъ; какъ конь!"—глядѣлъ онъ веселыми глазами на кама, который носился на своемъ гусѣ, какъ бѣшеный, вокругъ юрты и кричалъ за коня:

— Мьаякъ, мьакъ, мьякъ!

Тумчугашу стало совсѣмъ смѣшно: всѣ эти люди медлительные, тихіе, собравшіеся на камланье, и его абамъ и энэ [1]) понеслися за камомъ съ криками:

— Хай-хай-ай-ай-гай-гай,

помогая вгонять невидимаго коня въ юрту, а камъ кричалъ туда, въ пустое пространство юрты, какія то слова, не укорачивая бѣга; а потомъ вбѣжалъ въ юрту, и бубенъ, брошенный имъ, жалобно загудѣлъ. Камъ орудовалъ съ орбою, запуская ее въ силокъ, разставленный вчера, а одинъ изъ бѣжавшихъ за нимъ поймалъ бубенъ. Камъ точно сбѣсился: онъ, видимо, хотѣлъ подражать коню, шея котораго сдавлена арканомъ, и, страшно вращая глазами, вытягивалъ шею, трясъ головою, прыгалъ и лягался изо всѣхъ силъ.

Сидя на деревѣ, куда забрался сначала камланья, Тумчугашъ тихо хохоталъ теперь, глядя на него; его никто не видалъ и не мѣшалъ его веселью. Одинъ алтаецъ подалъ бѣсившемуся каму вѣточку аржан-элена, которымъ онъ, тяжело дышавшій, окурилъ одного инородца, приговаривая прерывающимся голосомъ:

— Алас-алас-аласъ кубатъ,
Ульгень кааннынъ ап-аласъ!

И, окончивъ, опустилъ своего невидимаго гуся словами:

— Сюрю тууданъ темітъ алъ!—долго выкрикивая ихъ.

---

[1]) Мать.

Потомъ опять по бубну ударилъ орбою, и всѣ довольно затрясли головами, зная, что гусь вспорхнулъ и улетѣлъ.

Теперь сердце Тумчугаша дрогнуло: камъ съ народомъ подошелъ къ коню, бормоча что то и поминая Ульгеня. Они повели лошадь.

Пользуясь тѣнями ночи, заполонявшими долину, Тумчугашъ побѣжалъ за ними. На небольшой глухой полянкѣ у ключа, камъ поставилъ лошадь головой къ востоку, и всѣ его спутники живо принялись за нее, испуганно заржавшую. Одни вязали ей рыло веревкою, другіе къ каждой ногѣ тоже быстро привязывали веревки, третьи положили ей на спину толстую жердь и затыкали травою всѣ отверстія у забившагося животнаго. Тумчугашъ остолбенѣлъ.

— „Значитъ, правда... все, правда, что говорилъ Ургонъ!“

Онъ кинулся къ отцу, къ каму съ криками, но на него не обращали вниманія: его отталкивали; и сквозь слезы, застилавшія глаза, онъ увидѣлъ, какъ бѣлая масса забилась въ густѣющихъ сумеркахъ, и страшный хрястъ отдался въ его сердцѣ и заставилъ его убѣжать отъ этихъ людей. А камъ выкрикивалъ надъ бившейся лошадью:

— Куруйляп-ятъ, куруйляп-ятъ, опъ куруй, опъ куруй, опъ куруй [1]).

Долго возилися около лошадинаго трупа алтайцы и камъ, снимали кожу, оставляя ее на ногахъ отъ колѣнъ до копытъ и на головѣ, выдернули языкъ, а байдару [2]) повѣсили на тюкеле [3]). Близъ таскака [4]) былъ поставленъ березовый столбъ съ расщепленной вершиной, и на нее положили тюкеле съ байдарой головою на востокъ, и байдара повисла безпомощно надъ таскакомъ. Мясо лошади быстро

---

[1]) Буду ловить счастье, или остальную силу, выходящую съ жизнью, на приплодъ.

[2]) Кожу съ головой и ногами.

[3]) Березовая жердь, длиною отъ 12 до 16 аршинъ, толщины около 5 вершковъ. Заостривъ тонкій конецъ, ее просовываютъ между ногъ и въ голову.

[4]) Жертвенникъ.

разрѣзали на части, разобрали по суставамъ, не ломая костей и, выбравъ ихъ, отнесли учу [1]), разобрали сабаръ [2]) и обрѣзанную съ костей мякоть сырую подѣлили всѣмъ; учу и сабаръ съ мелкими костями положили въ котелъ, и казанчі [3]), вооружившись длинными эдушами [4]), захлопотали около котла. Къ котлу кромѣ нихъ не долженъ никто былъ приближаться. Изъ березовыхъ прутьевъ сдѣлали шіре, постлавъ ихъ комлями по краямъ и вѣтвями въ середину, сжимая комли въ двухъ связанныхъ палкахъ, и казанчі вытащили эдушами сваренную конину и разрѣзали ее на куски. Камъ взялъ чачіл-аякъ [5]), положилъ въ нее мяса и эрюсь [6]) и, подойдя къ теле, остановился лицомъ къ востоку, брызжа эрюсь'ю, и начиная свой запѣвъ по положенію. Половина камланья съ обрядами прошла, предстояло еще два вечера, а теперь, дѣля кусочки конины (паяным-уляжі), Тегенекъ вспомнилъ о сынѣ.

— Гдѣ мой боламъ?—спросилъ онъ гостей и жену.—Ой, куда онъ забѣжался?—видно испугался кама.

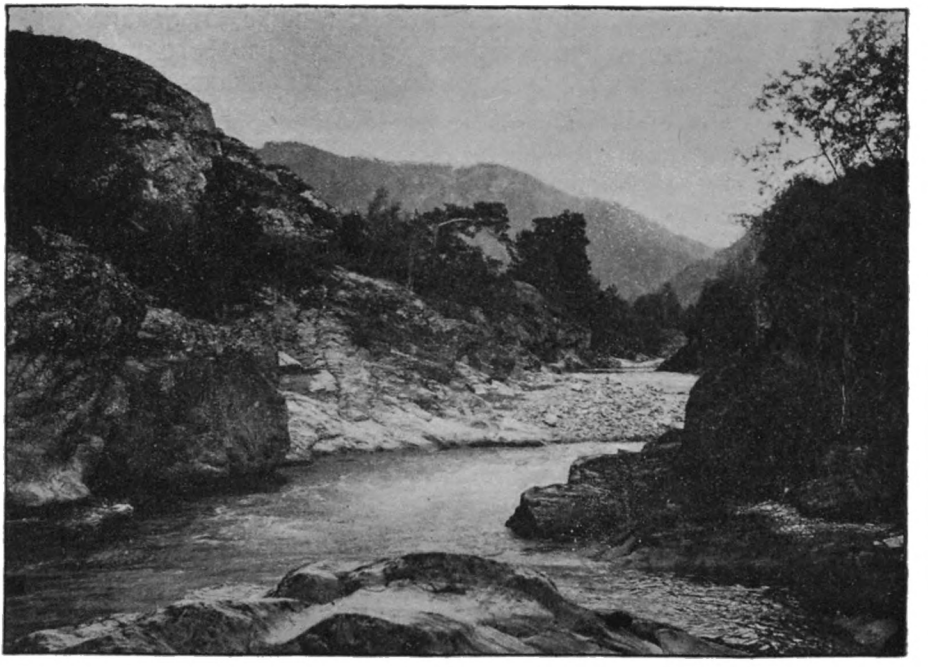
И не на шутку встревожился, одѣляя гостей.

VI.

Тумчугашъ, забравшійся на гору, безъ мысли сидѣлъ, сжавъ разгорѣвшееся личико руками, и только неудержимыя слезы лилися и падали безъ рыданій; въ ушахъ его раздавалось страшное хрипѣніе его любимицы и хрястъ, поразившій его сердце; между тѣмъ въ низинѣ, въ тишинѣ благословенной, свѣтлой и прекрасной ночи, слышалося нестройное пѣніе кама, сливавшееся съ ропотомъ родника, шумѣвшаго близко около камней, въ которые забрался мальчикъ. Скоро сонъ охватилъ разболѣвшуюся отъ

[1]) Уча—самая лучшая часть жертвеннаго тѣла.
[2]) Грудинку съ ребрами.
[3]) Повара.
[4]) Длинный колъ, толщиною въ вершокъ.
[5]) Чашку.
[6]) Жидкости.

слезъ голову мальчика. Положивъ руки на аржанэленъ, онъ уткнулся въ него разгорѣвшимся смуглымъ лицомъ и заснулъ тревожнымъ сномъ, полнымъ кошмаровъ. Бабушка Ирленъ привидѣлась ему, она вся тряслася въ испугѣ и говорила:



... Шумъ рѣки привлекъ его, и скоро онъ, постепенно опускаясь, очутился на днѣ долины не широкой и не глубокой.

— Убѣгай, убѣгай, боламъ мой! убѣгай; ой, скорѣе: тебя завтра закамлаетъ Каланакъ.

И мальчику показалось, что онъ бѣжитъ отъ этого ужаснаго Каланака, который гонится за нимъ, бѣжитъ и падаетъ, соскакиваетъ и опять бѣжитъ, какъ полоумный, крича:

— „Ай, ай! тошно мнѣ, тошно!“,

Первые солнечные лучи, брызнувшіе въ лицо,

заставили его проснуться отъ этого тяжелаго сна. Далеко на низинѣ въ аилѣ чуть чуть курились дымки надъ юртами кама; тамъ еще спали, а на полянкѣ, тоже видной съ той высоты, гдѣ ночевалъ Тумчугашъ, висѣло неподвижное бѣлое пятно, то была кожа его любимицы. Горькая мысль мелькнула въ маленькой головѣ:

„Его забыли и мать, и отецъ такъ-же, какъ бѣдную лошадку, а въ прошломъ году она убѣжала отъ волковъ съ нимъ, когда тѣ гналися за ними, и энэ сама дала ей ячменя за это. Вотъ, захочетъ этотъ страшный камъ и убьетъ его такъ же, какъ убилъ ее, а они не заступятся. Если бы знала бабка Ирленъ, что онъ такой злой, этотъ камъ, она бы не отдала его любимую лошадь абаму!“.

И рѣшилъ тутъ же уйти дальше по рѣчкѣ до Яр-Болыка и Чуи къ себѣ, бѣжать тотчасъ же пѣшкомъ подальше отъ камова аила, рѣшилъ и исполнилъ свое рѣшеніе, начавъ спускаться, самъ не зная куда, съ горы, объятый желаніемъ уйти отъ аила.

Лѣсъ полный гомона птицъ встрѣтилъ его, эти птицы пѣли и гомонили, скакали тыікъ [1]) по соснамъ, келескень [2]) шмыгали по травѣ, и гдѣ то шумѣла рѣка. Мальчикъ долго шелъ безъ тропъ, перескакивая черезъ валежникъ молодыми ногами, пока не почувствовалъ голода, тогда на первой же полянѣ онъ отыскалъ кандыкъ, быстро выстругалъ себѣ капарульку изъ сука дерева своимъ ножомъ и, накопавъ корней, подкрѣпился ими. Шумъ рѣки привлекъ его, и скоро онъ, постепенно опускаясь, очутился на днѣ долины не широкой и не глубокой, въ которую падала съ порядочной высоты, поднимавшейся у начала долины каскадами, горная рѣчка.

— „Вотъ пойду такъ... и эта рѣчка течетъ въ Яр-Болыкъ и Чую“.

И не замѣтилъ, не умѣя оріентироваться въ незнакомомъ мѣстѣ, что рѣчка по долинѣ бѣжала вовсе не туда, куда онъ думалъ; что сама долина лежала

[1]) Бѣлки.
[2]) Ящерицы.

не такъ, какъ та, изъ которой летѣлъ Яр-Болыкъ, и когда вечернія тѣни заполонили низины, ребенокъ изнеможенный и усталый упалъ, горько плача, на траву у берега рѣки, лепетавшей свои невѣдомыя ему рѣчи.

— „А всетаки лучше тутъ",—упрямо думалъ онъ, проплакавшись.—„Пусть пюрю придутъ: вонъ какіе деревья тутъ, залѣзу на нихъ и усну тамъ: теперь не зима. А только бы злой камъ не пришелъ сюда, не нашелъ бы меня!",

И, взмостившись на развѣсистую старую ветлу, обнялъ ее, какъ друга, и уснулъ, прижавшись къ старому, поросшему мхомъ, стволу заплаканнымъ личикомъ.

Онъ не зналъ, что мать и отецъ бросили камланье, что они, обезумѣвшіе отъ горя, ищутъ его. Сонъ заставилъ его, измученнаго долгимъ путемъ, забыть все и послалъ ему безмятежныя грезы. Утромъ онъ опять поѣлъ отысканнаго и сегодня кандыка и пошелъ по своему пути. Долина дѣлала крутые повороты, но конца ея онъ не видалъ; въ его душу закралося отчаяніе.

Вдругъ кара-неме водятъ его? Озлились и водятъ, и никогда не найдетъ онъ большой воды?!. А ноги устали такъ, что скоро не понесутъ его и отощало тѣло отъ одного кандыка.

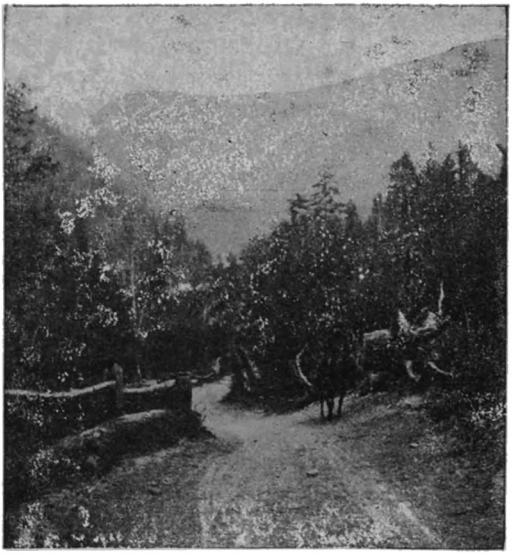
Отчаяніе его усилилось къ вечеру, пустыня нагнала на него страхъ, эти безмолвныя горы, этотъ монотонный лепетъ рѣки страхомъ сжимали его сердце, жуть брала его, и онъ, собирая послѣднія силы, шелъ въ опять начавшихся сумеркахъ, смѣнившихъ ясный теплый день, и, послѣ крутого поворота рѣки въ новую безлюдную, казалось, долину, онъ увидѣлъ вдали привѣтливо мелькавшій огонекъ.

— „Ой, не дойду, не дойду!"—летѣло въ усталой головѣ.

Съ просѣки къ нему кинулися собаки въ совсѣмъ уже погустѣвшихъ сумеркахъ. Онъ даже не отмахивался отъ нихъ, и когда одна большая кинулась на него, обезсиленный упалъ на траву.

— Марфуша, посвѣть-ка!—какъ сквозь сонъ услыхалъ онъ голосъ.—Цицъ вы! Полкашка! звѣрина... на кого кидаешься—на малыша? ой, безсовѣстный, безсовѣстный!

— Ну, ты, милъ человѣкъ, откель объявился? Ишь, славный какой! обезсилѣлъ видно съ толкану то! ахъ, ты плиточка... совсѣмъ ишшо малышъ... не



... Этотъ жалобный стонъ услыхалъ, уже далеко за-полдень, подъѣзжая къ аилу.

понимаешь по русски? Ну, якши! стану по алтайски лепетать.

Но и алтайскія рѣчи не заставили отвѣчать измученнаго ребенка, уснувшаго мертвымъ сномъ.

VII.

Алая заря утра заглянула въ большую просторную избу русскаго скотовода Михаила Григорьева, и

проснувшійся Тумчугашъ удивленно оглядѣлся на невиданное жилище.

— „Урусы!“—вспомнилъ онъ бабушкины разсказы о русскихъ, и блаженный покой овладѣлъ его сердцемъ.—„Эти камамъ не отдадутъ: они ихъ не любятъ. Какъ хорошо теперь!“.

Миловидное лицо наклонилося надъ нимъ.

— Мамонька! Алексѣичъ! да поглядите вы: парнишка какой славнецкій! Мы вечерось сколь съ Марфушей на него любовались!

— Што ты, Оленушка, дитятко, на соннаго то глядишь? охъ, и молодесенька же ты, погляжу я, бабочка: тебѣ бы все играть... ласковая... Марфушенькѣ сестра... а мы то съ ней боялися, каку мачиху Михайло нашъ облюбовалъ!

— А ну?—тихонько засмѣялася миловидная женщина.—Ой, мамонька, а я то пужалася васъ: какъ, думаю, Алексѣичъ меня привезетъ, да не злюбитъ меня свекровушка? а поглядѣла на тебя, и меня ижно хохотъ разобралъ: гляжу—добренькая, сѣденькая, ласковая на рѣчахъ. Кого же я боялася? а, Марфуньку!

И она опять тихо разсмѣялась, пряча лицо въ плечѣ свекрови.

Эти ласковые голоса на непонятномъ языкѣ совсѣмъ разбудили Тумчугаша; онъ сѣлъ на постели, протеръ глаза и застѣнчиво улыбнулся обступившимъ его людямъ.

— Вы меня не отдадите камамъ?—робко спросилъ онъ на своемъ языкѣ.—„Урусы ихъ не любятъ“. бабка Ирленъ говорила... вѣдь, это правда, эдже [1])?

Невысокій плечистый русскій крестьянинъ подошелъ къ нему. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ водилъ онъ тутъ скотъ и охотничалъ, изучивъ алтайскій языкъ, и, услыхавъ слова ребенка, добродушно положилъ ему руку на голову.

— Посмѣй-ка они у меня тутъ появиться, я ихъ отпотчую,—подмигнувъ женщинамъ, сказалъ онъ.—Не гляди, паренекъ, что я маловатъ ростомъ: меня

[1]) Тетка.

всѣ аю [1]) боятся по лѣсу, а ужъ камовъ и рукой по дать растрепать!

— И кара-неме?—радостно воскликнулъ Тумчугашъ.

— Ну, конешно! а то какъ же? я и курюмеся [2]) растрясу самого, и кагыровъ, и шайтановъ... всѣхъ прихлопаю, потому—вся эта нечисть ваша нашего креста во какъ труситъ! а я ихъ какъ пужану: запою Христосъ Эльгондонъ [3]), такъ ихъ туда унесетъ, што и съ самой высокой горы не видать. Ты штоже ихъ шибко боишься?

— Дайте ему, мамонька, молока: глядите, опять забѣлѣлъ: отошшалъ сердешный. Пошли Оленку... куда она дѣлася? ишь, дурныя... гляди, они шшенятъ ташшутъ... парнишку тѣшить. Охъ, и ума у обѣхъ!

Его красивое еще молодое лицо улыбалось дочери и женѣ, а лицо старушки доброе и кроткое тоже расплылося въ улыбку.

— Суды, суды, глупыя... положите ихъ ему, да дуйте за молокомъ: ѣсть ему надо.

Накормленный и отошедшій Тумчугашъ разсказалъ все пріютившимъ его людямъ: и о страшномъ камланіи, и о томъ, какъ замучили его любимицу, о своемъ ужасѣ, и о родныхъ, и охотникъ Михаилъ Алексѣевичъ Григорьевъ задумался.

— Камъ на горѣ, говоришь? ладно! это, должно, Каланакъ! такъ, такъ... ладно, что я мало мало по твоему понимаю, а то бы пождала тебя мать. Ишь, куды забрѣлъ... поди верстъ 35 будетъ! Жалко, экаго славнаго парнишку опускать... а камамъ ты, умникъ, не вѣрь: зря они народъ обманываютъ, дурные... скотину мнѣ и самому жалко.

— А бабку то ево полѣчить бы надо, мамонька, снадобью... помнишь, которое докторъ давалъ дядѣ Михею? ты, вѣдь, товда запаслася?!

— Какъ же, сынокъ! ево у меня много... можно

---

[1]) Медвѣди.
[2]) Дьявола.
[3]) Христосъ Воскресе.

удѣлить для больной. Такъ ты, видно, надумалъ увезти ево?

— А то какъ?! посуди-ка по себѣ, какъ мать по емъ убивается!

— Стосковался ты по матери, Тумчугашъ?

— Стосковался!—поникъ онъ черной головкой.— Только, абагай, боюся туды ѣхать: кама боюся; оставь меня, абагай, тутъ, у твоихъ эджэ [1]), а самъ поѣзжай за абамомъ и энэ... скажи, что здѣсь я... жду... что мнѣ хорошо... а къ каму не поѣду.

Григорьеву понравилось рѣшительное личико и твердыя слова его нежданнаго гостя.

— Инъ быть по твоему тогда!—сказалъ онъ, ласково гладя Тумчугаша по спинѣ.—Поѣду: теперь еще время пустопорожнее... жди меня съ своими.

— Кормите его, мамонька, да чтобы дѣвки не замяли мнѣ парнишку,—ласково поглядѣлъ онъ на дочь и жену.—Ишь, у нихъ дурь на умѣ.

— Быдто ужъ?—потупилася Оленушка.—Ужъ и шутникъ же ты, Алексѣичъ, намъ и говорить то съ нимъ плохо будетъ, рази што дѣдушка Петряй размаячитъ,—кивнула она на стараго работника бобыля, пришедшаго съ семьей изъ далекой Россіи.

— Ужъ вы найдете, какъ его и безъ разговоровъ расшевелить,—погладилъ ея русую головку съ скрытыми подъ платкомъ косами мужъ.—Дури, дѣвонька: на то тебѣ и молодость дана... вотъ, вишь, и дѣвонькой тебя зову!

— А и не буду!—съ заблестѣвшими слезами глазами сказала она.—Уѣдешь, вѣдь, и тоскливо станетъ!

— Ну, ну: не на годъ!—улыбнулся онъ, согрѣтый этими искренними слезами, и, толкнувъ легонько молодую жену къ маленькому гостю, пошелъ сѣдлать коня.

---

[1]) Тетокъ.

VIII.

Сцѣпивъ руки, безъ мысли сидѣла Кулай въ камовомъ станѣ, выплакавъ всѣ слезы, осунувшаяся и блѣдная; и Тегенекъ, захвативъ руками голову, сидѣлъ возлѣ нея. Камъ Каланакъ предлагалъ имъ камлать, чтобы умилостивить боговъ, камлать кагыру, черному духу, уведшему мальчика въ трущобы лѣса, но они не хотѣли камланья.

— Ой, тошно!—заломила руки Кулай.—Не надо: онъ отъ него и убѣжалъ... испугали его, моего болама, ой-ой-ой!

И, тихо покачиваясь, она иногда стонала, жалобно растягивая одно дорогое ей имя пропавшаго сына:

— Ту-мчу-га-а-а-шъ!!.

Этотъ жалобный стонъ услыхалъ Григорьевъ, уже далеко за полдень подъѣзжая къ аилу.

— „Должно, они!“—подумалъ онъ—„Кто болѣе? ишь, сидятъ, какъ прищибленные!“.

И, подогнавъ лошадь, остановился передъ ними.

— Эй, вашего парненку Тумчугашемъ звать?—спросилъ онъ по алтайски.

И мать встрепенулась, какъ подстрѣленная птица.

— Нашего! нашего!—заговорилъ и Тегенекъ.—Потеряли мы его.

— Ну, валяйте, собирайтесь: у меня онъ... ладно, сохранилъ ево Осподь: такъ напужали ребенка камомъ, што онъ ѣхать суды боится... звать васъ велѣлъ... а онъ, обманшикъ, поди ишшо камлать сбивалъ васъ?

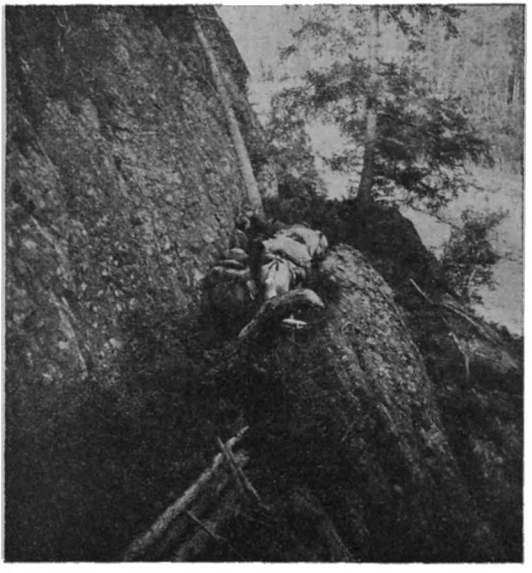
Черезъ малое время они всѣ быстро ѣхали къ жилищу Григорьева.

Тумчугашъ уже спалъ, и мать, обливаясь радостными слезами, не стала его тревожить. Отца и ее охотникъ вразумлялъ чуть не до свѣта.

— Ой, бросьте камовъ вашихъ: все врутъ, обманываютъ. Глядите, было парнишку потеряли изъ-за нихъ; да я за экаго то парнишку сто рублей бы отдалъ да корову, а надо—тысячи бы не пожалѣлъ!

Плюньте вы на нихъ... а, вотъ, вамъ для старухи больной снадобье; по разсказамъ то, надо быть, водянка у ей, а отъ водянки страсть хорошо оно помогаетъ! Да прилягте: истомилися... гляди-ка, Тегенекъ, мать то вѣтромъ шатаетъ... ну, покамлалъ, ястри его! было изъ-за камланья дитенка лишились.

На свѣту проснулся Тумчугашъ: онъ увидалъ



... Опять лѣсными тропами, перевалами и по тропамъ бомовъ возвращалась домой семья Тегенека.

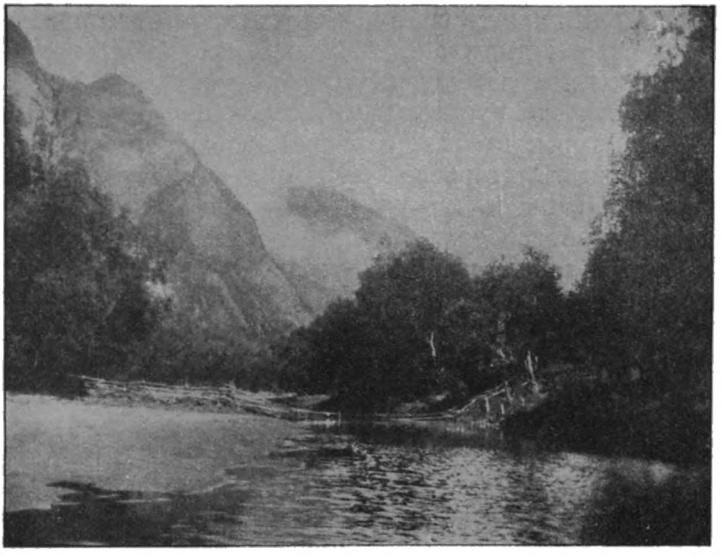
мать и радостно засмѣялся, но потомъ его глаза испуганно оглядѣлись кругомъ.

— Энэ, я еще посплю, а ты только вели славной русской эджэ и кысъ, чтобы онѣ крѣпче закрыли двери отъ кама, штобъ онъ загинулъ! я боюсь его, мама.

И онъ, какъ зайчикъ, свернулся клубочкомъ около матери и сладко уснулъ безъ страшныхъ грезъ о камахъ.

Опять лѣсными тропами, перевалами и по тро-

памъ бомовъ возвращалась домой семья Тегенека. Близъ Чуи они оставили друзей, которые сдѣлали имъ такъ много добра, и Тумчугашъ пообѣщалъ веселой Оленушкѣ и Марфушѣ, что каждый годъ будетъ пріѣзжать къ нимъ гостить, и такъ сильно звалъ къ себѣ всѣхъ эджэ и добраго абагая, что они дали обѣщаніе посѣтить его далекій аилъ.



... Въ ясный прекрасный день лошади подошли къ родному аилу...

IX.

Въ ясный прекрасный день усталыя лошади подошли къ родному аилу, и бабушка Ирленъ со слезами обнимала Тумчугаша, слушая повѣсть о страшномъ камланьи и о томъ, что пережили мальчикъ и его родные. Съ радостью стала Ирленъ пить траву, данную Григорьевыми, и опухоль ногъ начала проходить; Ирленъ стала вставать, и, когда наступилъ

мѣсяцъ од-ай [1]), большой мѣсяцъ съ долгими днями, они, оставивъ Кулай управляться дома, собралися къ далекимъ друзьямъ, чтобы Ирленъ могла сама сказать имъ спасибо.

Агаш-тіілекъ [2]) спѣла на перевалахъ, такая крупная, красная, и мальчикъ рвалъ ее кустомъ, объѣдая ягоды на сѣдлѣ.

— Вотъ онъ живетъ,—говорилъ онъ, указывая бабкѣ на горы.—Тамъ. Никогда, бабушка, не буду я камлать, и ты не камлай, и абамъ. Ахъ, какъ страшно! пусть Каланакъ себѣ камластъ... какой страшный онъ, кабы ты видѣла! мнѣ ночью иногда слышится его голосъ... я даже горъ тѣхъ боюся.

И онъ съ суевѣрнымъ страхомъ глядѣлъ на угрюмыя горы, въ которыхъ таилось камово гнѣздо.

Собаки Григорьевской заимки встрѣтили ихъ лаемъ, но сейчасъ же угомонились, услыхавъ звонкій и радостный голосокъ Тумчугаша. Вся семья сбѣжалася къ нимъ, кромѣ Григорьева и дѣда Петряя, косившихъ на открытыхъ гривахъ горъ и пришедшихъ вечеромъ. Оленушка и Марфуша зацѣловали мальчика, а старая бабушка Матрена заугощала Тегенека и Ирленъ. Когда наступилъ вечеръ, они собралися всѣ вмѣстѣ и повели разговоръ, который переводили незнающимъ Петряй и Михайло.

— Ну, парнишко, не поталанило послѣ тебя каму,—говорилъ хозяинъ, поглаживая черную головку Тумчугаша, сѣвшаго у его ногъ.—Устроилъ онъ большое камланье богачу съ Уймона, скакалъ, плясалъ все такъ, коня замучили... даже двухъ, а на завтра какъ зачалъ опять докамывать, да завертѣлся, у него и хлынь кровь изъ носа. Ну, такъ и сякъ и травой затыкали, какъ конямъ несчастнымъ,—ничего. Дня три, сказывали мнѣ калмыки, такъ изъ него лила она, и теперь онъ лежитъ какъ пластъ: побѣлѣлъ, говорятъ, какъ снѣгъ горный, и пропадетъ должно. Вотъ Онъ—Богъ то! это все ему, собакѣ, за муки, што конямъ онъ дѣлалъ, да за обманъ.

---

[1]) Іюль.
[2]) Малина.

Въ сгустившихся сумеркахъ Тумчугашъ крѣпче прижался къ ногамъ охотника.

— Что ты, малый?—ласково сказалъ тотъ.— Ровно боишься?

— Боюсь!—откровенно откликнулся ребенокъ.— Бѣлый, страшный, въ камняхъ и около него кара-неме черные и курюмесь надъ нимъ съ кагыромъ.

— Вся компанья!—усмѣхнулся Михайло.—Че заслужилъ, то и получишь.—Ахъ, ты, малышенокъ, вотъ за бабку твою радъ я; кабы весь народъ алтайскій камовъ побросалъ, да за работу принялся! Хорошо бы дѣло пошло, шибко... благодать бы была... побогатѣли бы всѣ. А, вотъ, и еще новость вамъ. Былъ у него парнишко съ родни, Ургономъ звали, сестринъ сынъ... троюродный што ли, и тоже его въ камы налаживали... продувнецкій такой. Што же думаете? погинулъ! поминайте, какъ звали теперь: стали они лошадь для камланья путать, и онъ тоже помогалъ, хорошая, говорятъ, лошадь, здоровая... метнула ногой, къ которой онъ веревку вязалъ, да и угодила ему прямо въ лобъ... и не дыхнулъ! палъ на лицо только. Вотъ, оно, камланье то!

Всѣ задумались надъ разсказаннымъ, а старая Ирленъ сказала:

— Да, старые боги уходятъ... мы видимъ, что камланье—обманъ, и камы злы, какъ курюмесь. Кому же вѣрить, другъ, кому же вѣрить?

Михайло задумчиво поднялъ голову и указалъ старой инородкѣ на небо, сіяющее огнями звѣздъ, на глубокое небо, раскинувшееся надъ Алтаемъ.

— Стало быть, Осподу Богу!—просто сказалъ онъ, и неопровержимой истиной прозвучали его слова.

Чудная ночь заполняла Алтай, ароматная, немного холодная, полная шороховъ лѣса и гомона ручьевъ. Таинственными казались долины, наводненныя мглою, задумчивыя высокія горы тянулися къ вѣчному тенгередэ, жилищу Кудая.

— Ишь, Божьи огни горятъ!—сказалъ Михайло. —Очи Божіи, они, Ирленъ, одни призрѣли твоего Тумчугаша, и Кудай послалъ за нимъ ангеловъ, чтобы

они охранили его, потому что любитъ Онъ такихъ дѣтишекъ малыхъ и бережетъ, будь они и не крешшеныя, потому у младенцевъ душа такая же чистая, какъ горный снѣгъ.

Мягкія руки Оленушки обвили Тумчугаша, и ему стало такъ хорошо и радостно среди этихъ людей, точно они были его родные. Ихъ Кудай, ихъ долина, небо съ Илдысъ и теплыя Оленушкины руки... съ переполнившимся сердцемъ онъ сказалъ своимъ яснымъ серьезнымъ голоскомъ, нарушивъ тишину ночи:

— Погоди, абагай, какъ только выросту, я прогоню всѣхъ камовъ съ Алтая и стану молиться вашему Богу, потому что Онъ добрый.

Сверкнувшая яркимъ огнемъ пролетѣвшая по небу звѣздочка точно сказала „аминь“ въ тихомъ прекрасномъ небѣ, и по лицу Михайлы пробѣжала ласковая усмѣшка, немного грустная отъ сознанія, быть можетъ, что еще долго въ Алтаѣ будутъ звучать бубны камовъ, и старыя вѣрованія, привитыя вѣками, царствовать надъ умами робкихъ и суевѣрныхъ людей.

... И Сашенька, на мигъ блеснувъ глазами, подумала...

ВО РЖИ.

I.

— Ну, Сашенька, штобы—слушаться!—уговаривался Иванъ Петровичъ, сѣдлая красивую лошадь. —Ужъ коли на Соловкѣ—то безъ шалостевъ, а то опять куда нибудь уѣдете... а я, вѣдь, васъ на свой страхъ беру: сколь не соглашалася Анна Евдокимовна отпустить!

— Вѣдь, я же тебѣ честное слово дала!—негодовала Сашенька, одиннадцатилѣтняя сѣроглазая дѣвочка.—Ты сталъ прямо какой-то Ѳома невѣрный, Федорковъ.

— Съ вами будешь Ѳомой невѣрнымъ!—сказалъ

онъ, усмѣхаясь въ сѣдые усы, и добрыми темными глазами взглянулъ въ нахмуренное личико.—Ужъ и осердилась!—перешелъ онъ на ты.—Ахъ ты, Сашенька, Сашенька! да кабы ты не прокудница была, ужли бы я тебя оговаривалъ? а то што и вспоминать... вспоминать стану—еще хуже разсердишься.

Онъ зануздалъ лошадь и, потрепавъ ее по шеѣ, ласково погладилъ кудрявую головку дѣвочки.

— Ну, зови коли всѣхъ, хто ѣдетъ!

— Дядя Алеша!—звонко закричала она.—Дядя! мы—собрались.

И побѣжала къ стеклянной террасѣ дома, окруженнаго садомъ, въ которомъ уже желтѣли листы черемухъ. Старикъ передалъ лошадь молодому слугѣ и, набивъ трубочку, раздумчиво покачивалъ головою, слѣдя глазами за бѣлымъ платьицемъ, мелькавшимъ за стеклами, и лицо его, опушенное короткой бѣлой бородою съ коротко обстриженнымъ ежомъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, стало совсѣмъ ласковымъ.

— Ишь... знаю обищанья-то я!—проворчалъ онъ. —Только обнадѣйся.

А Сашенька, летя по комнатамъ, звала дядю, бабушку, брата Кольку, свою учительницу, всѣхъ, кого ждали запряженныя въ телѣгу лошади.

— Я на Соловкѣ!—дразнила она семилѣтняго брата Кольку:—Вотъ тебѣ, малышекъ! Съ дядей и Федорковымъ.

— И удерешь!—сказалъ Колька, живой и шаловливый мальчикъ.—Удери, Саша... пожалуйста, удери!

— Ну!—покачала она головою,—нельзя: я честное слово Федоркову дала.

— Честное слово!—недовольно протянулъ Колька. —Ну и глупая.

А дядя Алеша уже звалъ всѣхъ скорѣе. Бабушка, полная симпатичная старушка, вышла провожать на террасу.

— Смотри же, Иванъ Петровичъ, за Сашей!—говорила она,—всѣ займутся грибами и забудутъ ее, а она опять за шалости примется. Пожалуйста, съ глазъ не спускай.

— Хорошо, бабушка, не безпокойтесь!—говорилъ онъ.—Съ глазъ не спущу.

Бабушка не любила, чтобы ее звали барыней, она всѣмъ говорила:

— Какая я барыня: отецъ мой—крестьяниномъ былъ, а мужъ—разжалованный дворянинъ... и выходитъ, что я, старуха, простая „бабушка“... такъ и зовите.

И всѣ, уважавшіе дѣятельную, хлопотливую старушку, такъ и звали ее „бабушкой“ или Анной Евдокимовной.

А Сашенька уже гарцовала на сѣдлѣ.

— Не горячи коня!—сказалъ ей дядя:—Соловко—огонь, смотри—умчитъ тебя.

И Сашенька, на мигъ блеснувъ глазами, подумала, что сладко было бы улетѣть далеко, далеко на ея золотистомъ конѣ въ тридесятое царство, гдѣ живутъ заколдованныя сказочныя принцессы и королевичи и цвѣтутъ невиданные цвѣты.

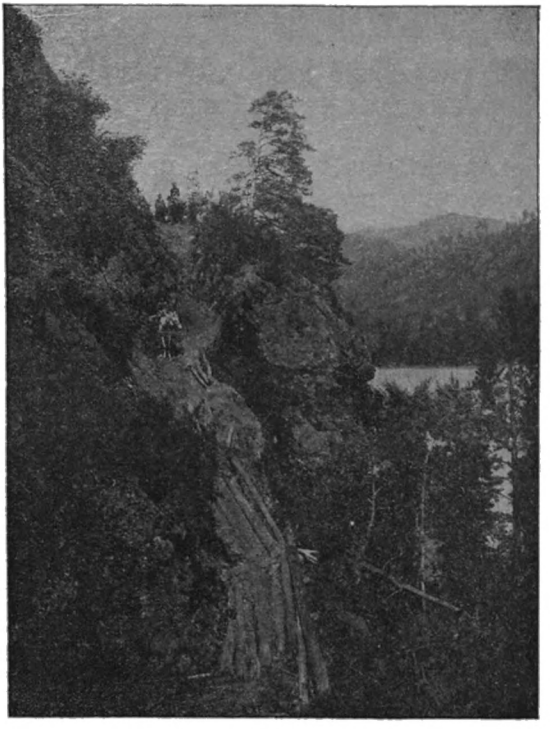
II.

— Съ Богомъ!

Широкополая шляпа замелькала по улицѣ, миловидное личико глядѣло изъ-подъ нея въ рамкѣ кудрей, полными мечты глазами. На Сашеньку напало настроеніе, въ которомъ она не любила шалить, и ея золотистый конекъ летѣлъ полной рысью рядомъ съ конемъ Федоркова, раздувая ноздри и горделиво неся породистую голову. Двѣ телѣги далеко отстали отъ нихъ; тамъ что то пѣла веселая компанія, ѣхавшая по грибы, но и это пѣніе и все окружающее было далеко отъ русой головки.

А прелестный день раскинулъ темносинее небо надъ Алтаемъ. Чистая безъ отмѣтинки синяя небесная гладь ласкала взглядъ, и придорожный лѣсъ шелестѣлъ чуть-чуть листьями, словно посылая привѣтъ и золотистой лошади, и свѣжему дѣтскому личику, и сѣдой головѣ съ какъ-то особо надѣтой на бекрень фуражкой.

Федорковъ былъ доволенъ: Сашенька сегодня не „удрала“ ни одной изъ своихъ любимыхъ штукъ: не пролетѣла мимо моста въ бродъ, не свернула на любимую дорогу къ пещерамъ, не рвала высокіе крѣп-



Алтай.—Бомъ „Скакунъ“ на р. Катуни.

кіе стебли мятельника съ маху, наклоняясь съ лошади, и не горячила Соловка.

— Совсѣмъ умница барышня!—одобрительно глядѣлъ онъ на дѣвочку.

А сзади телѣгъ доносилося довольно стройное пѣніе:

„Алая заря въ восточныхъ
Загоралась въ облакахъ“...

III.

Море, цѣлое золотистое море хлѣбовъ! Высокіе колосья поднялися надъ землей, обѣщая обильную жатву. Съ холма всѣ эти полосы съ невидными въ пышномъ хлѣбѣ полосками межей, почти заросшими, показалися Сашѣ дѣйствительнымъ моремъ. Солнце

... Море, цѣлое золотистое море хлѣбовъ!

золотило его, и легкое колыханіе вѣтра заставляло переливаться волнами эти хлѣбныя волны, уходившія къ Катуни, казалось, убѣгавшія до самаго Бабыргана (гора вблизи села Шульгинъ-Логъ, Бійскаго уѣзда).

— „Какъ много хлѣба!“—думала она, широко открывъ глаза и небрежно на бокъ держа корзину, въ которой безпомощно лежали два сорванные гриба.

— Что вы, Сашенька, примолкли и изъ лѣса убѣжали?—спросилъ ее Федорковъ.—Здѣсь совсѣмъ жарко,

и обѣдъ у насъ совсѣмъ не готовъ: гляди, еще похлебка не закипѣла.

— Я пойду,—сказала она, не отрывая глазъ отъ хлѣбовъ. И вдругъ заинтересовалася сѣрою мышкой, юркнувшей туда.—„А вдругъ это заколдованная мышка, какъ тѣ, что прислала крестная Золушкѣ, и ея далекая крестная, можетъ быть, посылаетъ ее къ ней? Вѣдь, жила же она въ томъ богатомъ домѣ, который вспоминался ей, Сашѣ, и выплывалъ изъ смутнаго несознательнаго дѣтства! И вдругъ тамъ, за этимъ золотымъ моремъ, гдѣ нибудь тутъ, близко, невидимый поднимается замокъ, и туда зоветъ ее мышка, посланная крестной? Можетъ быть, это вовсе не наши горы за рѣкой, а другія новыя горы... иначе, почему онѣ кажутся тутъ близко, за полосами хлѣбовъ? А если идти къ нимъ прямо по хлѣбу, то скоро дойдешь... Надо непремѣнно попробовать: все равно грибовъ ей не собрать сегодня низачто! тамъ наберутъ другіе... И вдругъ за этимъ золотымъ моремъ откроется пышный входъ?“

И, какъ нарочно, сѣрая мышка опять выглянула изъ ржи, смотря на дѣвочку умными глазами. Саша оглянулась на Ивана Петровича: онъ заправлялъ похлебку, всыпая въ нее крупу и озабоченно наклонившись надъ котелками.

Минута... нѣсколько быстрыхъ шаговъ и фигурка дѣвочки пропала во ржи, которая чуть-чуть заколыхалась, разбираемая дѣтскими руками, и опять сомкнулась за нею, какъ настоящая рѣчная волна, принявъ въ себя человѣка. Тишина охватила Сашу; тишина и полусвѣтъ послѣ солнца,—и она бодро пошла все прямо, прямо, а сѣренькія мышки любопытными глазами глядѣли на нее. Маленькія руки разводили колосья, шибко стучало сердце, полное грезъ, и ножки твердо ступали, идя къ намѣченной цѣли. Новая Золушка искала замокъ крестной матери за спѣющей рожью, а нерушимая тишина стояла кругомъ, и спѣющіе колосья надъ ея головою о чемъ то тихо и грустно шептались.

— Ишь, убѣжала!—оглянулся кругомъ Иванъ Петровичъ.—Вонъ што: и корзинку кинула... Сашенька!

Ему показалось, что ея голосъ крикнулъ „ау“ и онъ успокоился, почему то сегодня увѣренный въ благоразуміи Саши.

IV.

Было уже за полдень. Къ стану подъ березами у хлѣбовъ начали собираться всѣ грибники. Пришелъ веселый дядя Леша и стройная Катя, его сестра—красивая блѣднолицая дѣвушка, прибѣжалъ Колька съ двумя горничными, явилась Варвара Петровна и старый профессоръ Невзоровъ, уже годъ жившій въ семьѣ Ланскихъ на правахъ воспитателя, пришли пріютскія дѣвушки Лиза и Липа, которыя были взяты въ компанію съ ихъ старшей Марфой Евстигневной, явился и Семенъ кучеръ любимецъ маленькихъ Ланскихъ, только Саши, къ ужасу Ивана Петровича, не оказалось.

— Господи, да куды вы мнѣ ее дѣли?—испуганно спрашивалъ онъ. Но никто не могъ ему отвѣтить—и растерявшаяся учительница, и дядя съ теткой, и прислуга.

— Вѣдь, она сюда ушла!—говорилъ Колька.—Да ты ее самъ спряталъ: смотрите, вонъ и ея корзинка!

— То-то и есть, што она посидѣла и опять направилась къ вамъ... я и не видалъ, какъ ушла. Садись, Семенъ, на коня да объѣзжай грибники, а я поѣду къ Катуни: ужъ опять не утянулася ли она туда? Ахъ, Сашенька, Сашенька! а еще обѣшшалась не ходить.

И съ сокрушеннымъ сердцемъ, бросивъ похлебку, онъ сѣлъ на рѣзвую Соловую лошадь и поѣхалъ къ Катуни дорогой, лежащей мимо хлѣбовъ.

А дѣвочка все шла; она давно уже устала: ноги путались въ стебляхъ хлѣба, ручки накололи колосья, и мечта меркла съ каждымъ шагомъ, тускла и блѣд-

нѣла передъ дѣйствительностью. Золотое море обмануло ее: тутъ было такъ душно и тѣсно, почти не было видно неба!

— Куда бы повернуть, чтобы выйти? а то тамъ испугаются, узнавъ, что ея нѣтъ. Дорога, кажется, налѣво... вотъ такъ!

И, повернувъ, она опять долго, долго шла, пока усталость не заставила ее сѣсть. Сѣрыя мышки бѣгали тутъ среди безчисленныхъ стеблей, какіе то жуки, стрекозы перескакивали и ползали кругомъ, и пятна свѣта освѣщали землю.

Въ сердцѣ дѣвочки поднималась тоска: этотъ лѣсъ съ заросшими межами, въ которыхъ она не могла разобраться, точно давилъ ее; ей хотѣлось простора, и здѣсь точно не хватало воздуха, и она вскакивала, бѣжала впередъ и падала обезсиленная, чтобы опять вставать и бѣжать; и чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ сильнѣе росъ ея страхъ передъ этими безмолвными стѣнами ржи, чьи цѣпкіе корни словно путали ея ноги.

Иванъ Петровичъ выбился изъ силъ: и онъ, и Семенъ, и дядя, и всѣ женщины искали Сашу, забывъ объ обѣдѣ, простывшемъ на потухшихъ кострахъ, обѣдѣ, который поѣли только профессоръ и Колька, хотя и они тревожились.

А солнце уже близилось къ закату и слало косые лучи на хлѣбное неоглядное море тѣсно засѣянныхъ полосъ. Если-бы Саша знала, что бѣлые колышки были мѣтками граней, она бы выбралась по нимъ и разобралася по межѣ, но испуганное сердце тукало отчаянно, и только одна мысль жгла умъ ребенка, что ей никогда, никогда не выйти отсюда.

Солнце сѣло; розовые тона легли на поля, и тихой прохладой повѣяло въ воздухѣ. Всѣ испуганные и усталые собралися на станъ. Дѣвочка точно канула въ воду, сгинула и пропала. Только одно старое вѣрное сердце еще не потеряло надежды ее найти. Усталый Соловой конекъ, исколесившій немало за эти

тревожные полдня, поднялъ Федоркова на пригорокъ, и зоркіе глаза старика печальнымъ взглядомъ окинули море ржи, золотое море, чудно красивое въ розовомъ свѣтѣ. Но не красота привлекла его: онъ слишкомъ измучился сердцемъ, чтобы замѣтить красоту, озаренныхъ закатомъ полей. Нѣтъ, тамъ далеко въ тишинѣ и безвѣтріи вечера шевелились золотые колосья, оставляя слѣдъ, и мгновенная догадка зажгла его мозгъ:

— Въ рожь забрела, должно... не иначе!

Его глаза впилися въ хлѣба, и вдругъ онъ, разомъ поднявшись на стременахъ, стегнулъ горячаго конька и помчался по дорогѣ къ далекимъ межамъ, у которыхъ, ему показалось, колышется рожь. Дядя Алеша замѣтилъ это и поѣхалъ за нимъ, далеко отставъ отъ него; Иванъ же Петровичъ то и дѣло сворачивалъ отъ дороги, на холмистыя предгорья Манжерокской дороги, съ минуту глядѣлъ, не отрываясь, на хлѣба, а потомъ опять гналъ Соловка. Лицо его просвѣтлѣло, и онъ, круто свернувъ въ одномъ мѣстѣ, верстахъ въ четырехъ отъ стана, въ рожь, погналъ Соловка по заросшей межѣ; колосья ржи безпощадно хлестали лошадь и всадника.

— Ну, ну!—подгонялъ онъ ее,—скорѣ, скорѣ! солнце сядетъ—плохо будетъ... Ну, ну!

И голосомъ, задрожавшимъ отъ волненія, закричалъ:

— Сашенька, ау!.. Сашенька!!.

Но хлѣба были безмолвны и тихи. И разъ, и два плеть обжигала Солового, онъ прибавилъ шагу, но не могъ идти рысью, а тревожный голосъ звалъ неотступно:

— Са-шень-ка! Са-шень-ка!!..

Саша подняла голову; она тихо сидѣла на кочковатой землѣ съ безнадежнымъ выраженіемъ личика и закрытыми глазами, обезсиленная совсѣмъ.

— Что это?.. точно зовутъ! далеко, далеко...

Въ жуткой тишинѣ хлѣбовъ звуки человѣческаго голоса далекіе и глухіе доходили до нея; во ржи уже стемнѣло: непроницаемой стѣною стояли стебли, какъ

путы, сдерживая ея желаніе бѣжать, а жуткая тьма сгущалась и схватывала ее.

— Са-а-шенька!

Она опять встрепенулась.

— Зовутъ... зовутъ!

И вскочивъ и протянувъ впередъ руки съ рыданіемъ воскликнула:

— Федорковъ!

Ближе и ближе голосъ Федоркова; дѣтскій крикъ донесся до него, и онъ прямо направилъ лошадь на него въ гущу ржи, чутко слушая. А Сашинъ голосъ уже ясно слышался ему:

— Федорковъ! Федорковъ! Федорковъ!!

Дѣвочка подавила рыданія и овладѣла собой: помощь шла, близилась, и скоро сильныя руки подняли ее, и ласковый голосъ безъ тѣни упрека сказалъ близко надъ ухомъ ослабѣвшаго ребенка:

— Ну, слава Тебѣ, Господи, нашелъ!

V.

Заря совсѣмъ потухла, и синяя алтайская ночь заблестѣла очами звѣздъ, ароматная, напоенная запахомъ хвои, ночь, покрывшая золото хлѣбовъ. Сашеньку тихо покачивала усталая лошадь; она сидѣла на рукахъ Федоркова уже оправившаяся и выдержала гнѣвъ своихъ, потерявшихъ изъ-за нея удовольствіе дня, ничего никому не возражая, молча выслушавъ все и глядя на нихъ усталыми глазами. Пока они разогрѣвали обѣдъ и собирались домой, она уснула тяжелымъ сномъ.

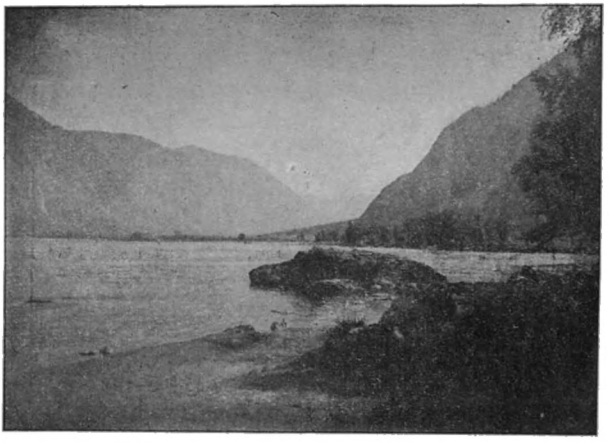
Теперь тутъ, на конѣ, съ головою, положенной на грудь къ Ивану Петровичу, чье сердце отчетливо билося у ея уха, она отдыхала, и шумный смѣхъ, и разговоры съ телѣгъ не касалися ея уха: ея сердце тяготила печаль... Робко поднявъ свѣтлые глаза на освѣщенное отсвѣтомъ молодого мѣсяца доброе лицо, знакомое съ ранняго дѣтства и любимое, она робко и тихо спросила:

— Ты не сердишься, Федорковъ?

— Ну, вотъ!—усмѣхнулся онъ.—Молчи ужъ глупенькая! ишь, какъ рожью то поцарапала себѣ ручки!!.

— Ахъ, Федорковъ,—затрепетавшими губами сказала она.—Мнѣ такъ грустно, такъ грустно: ты теперь никогда не повѣришь ужъ въ мое честное слово.

— Ну, ужъ будто?—мягко сказалъ онъ.—Можетъ и повѣрю: вѣдь вы, поди, больше въ рожь не пойдете!?..



Алтай.—Телецкое озеро близь Чолушманскаго монастыря.

— Ну, конечно!—съ облегченіемъ воскликнула она.—Само собою не полезу ни за что: это такъ страшно, Федорковъ! она колышется гдѣ-то высоко, а кругомъ стѣны и точно кто-то ловитъ ноги, хватаетъ ихъ. Ты никогда не забирался въ хлѣбъ, Федорковъ?

— Богъ миловалъ,—усмѣхнулся тотъ.

— И што васъ потянуло туда, Сашенька?

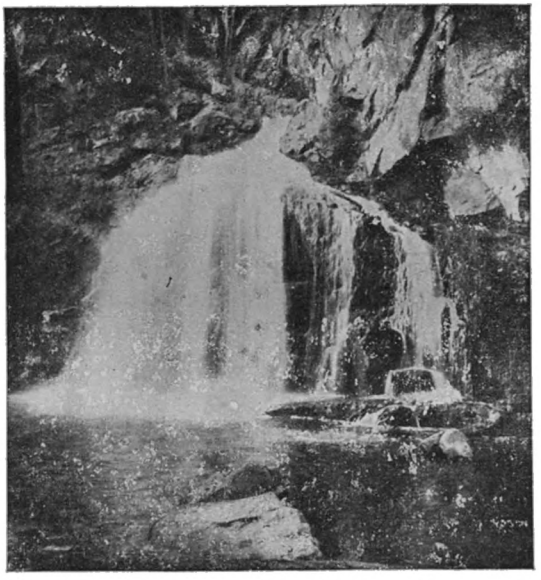
— Ахъ, Господи! вѣдь, я думала, что эта противная мышка послана моей крестной и уведетъ меня въ заколдованный замокъ.

Подумалъ старикъ и промолвилъ ласково:

— Не вѣрь ты, въ заколдованные замки, Сашенька!

— Нѣтъ, нѣтъ,—встрепенулася она.—Они есть, есть, Федорковъ!.. и всѣхъ лучше—замокъ счастья.

— Ну, Христосъ съ тобой: есть, дакъ есть... какъ



Алтай.—Водопадъ Камышла.

хошь, такъ и думай, а я думаю, что ты и сейчасъ живешь въ замкѣ штоли счастья, баловница!

Дѣвочка ничего не сказала ему, она заглядѣлась на звѣзды, на эти спокойные небесные огни и мало-по-малу, глядя на нихъ, тихо и спокойно задремала на груди человѣка, любившаго ее преданно и вѣрно. А усталая лошадка несла ее къ дому, покачивая на ходу, къ ея милому дому, который былъ для нея счастливымъ замкомъ міра ея сказочныхъ грезъ.

... изумительно нѣжное личико, съ тонкими правильными чертами и черными бриллiантами глазъ...

ПЮРЮ. [1]

I.

Суровой нѣжностью загорались глаза Алексѣя, когда онъ глядѣлъ на Андрюшку, на его свѣтло-волосую головку и прекрасные черные глаза, глубокiе и задумчивые, какъ темныя осеннiя алтайскiя ночи...

Хмурый богатырь, сильный и высокiй 28-лѣтнiй парень, одичавшiй въ глуши, обожалъ этого ребенка: казалось, вся его жизнь, всѣ радости сосредоточились въ Андрюшкѣ, и безумная нѣжность поднималась и

[1] Пюрю—волкъ.

захватывала его сердце при видѣ свѣтлой улыбки, бѣжавшей по прекраснымъ нѣжнымъ губкамъ строго очерченнаго дѣтскаго ротика...

И, дѣйствительно, невольно любоваться приходилось на малютку рѣдкому заѣзжему путнику, знавшему хлѣбосольство богатаго Алексѣя: такъ красиво было его изумительно нѣжное личико съ тонкими и правильными чертами и черными брилліантами глазъ... Онъ точно сказочный принцъ чудесной страны росъ въ дикой глуши алтайскаго угла съ старой Матреной, инородцемъ Чаптуномъ—другомъ Алексѣя, и юнымъ семнадцатилѣтнимъ Степкой, его пріемышемъ... Не по лѣтамъ задумчивый, онъ привыкъ, какъ и Алексѣй, рѣдко ронять слова, но иногда дѣтство брало свое, и онъ лепеталъ Алексѣю о всемъ, что его интересовало; распрашивалъ, почему кузукъ-агаши [1]) растутъ такіе огромные, а горы—еще выше ихъ поднимаются?.. почему чемгулъ [2]) не жалѣетъ маленькихъ ягнятокъ, и отчего у него такіе злые ребятишки, что рвутъ въ клочья и ихъ, и койоновъ [3])?.. а они такіе смирные, никому не дѣлаютъ зла... Вотъ, ему не жалко яланъ-чиханъ [4]): онѣ—злыя, а бѣдные койоны —добрые и тыинъ [5]) добрыя... пошто же не разбираетъ чемгулъ?.. Этакъ онъ и его, Андрюшу, пожалуй утащилъ бы, если бы тятька и дядя Чаптунъ его не караулили?.. Таскалъ бы еще окъ-диланов [6])..., а то злой онъ чемгулъ... хотя Андрюша любитъ глядѣть, какъ въ небо онъ поднимается сильный и могучій...

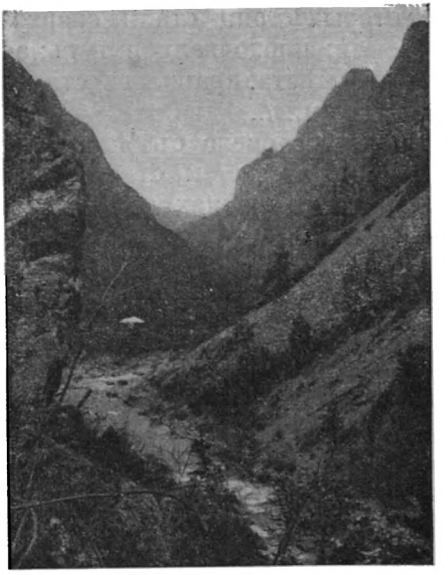
И точно солнечный лучъ касался души великана отъ этого лепета, а Чептунъ и Степка гладили заскорузлыми обвѣтренными руками свѣтлорусые волосы Андрюши... Чаптунъ часто разсказывалъ малюткѣ старыя алтайскія преданія и отвѣчалъ на вопросы малыша: онъ много видалъ на своемъ вѣку и

---

[1]) Кузукъ-агашь—кедръ.
[2]) Чемгулъ - орелъ.
[3]) Койонъ—заяцъ.
[4]) Яланъ-чиханъ - крыса.
[5]) Тыинъ—бѣлка.
[6]) Окъ-диланъ—змѣя мѣдянка.

мастеръ былъ расказывать... А Матрена улыбалась доброй усмѣшкой на пытливыя рѣчи Андрюши и говорила съ шутливой лаской:

— Ишь, разболтался сегодня,—чуръ глупаго слова!—молчунокъ мой!.. какъ бы тебя не изурочить, Андрюшенька!..



... Чудное мѣстечко выбрали они...

II.

Вѣковыя деревья сторожили избу Алексѣя; подъ бокомъ на выступѣ поставилъ онъ ее пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ углубленіи, между горами, и горная быстрая рѣка шумѣла недалеко отъ ея порога, а въ половодье или дожди—подступала къ дверямъ...

Чудное мѣстечко выбралъ онъ, придя сюда еще совсѣмъ юнымъ тринадцати-лѣтнимъ парнишкой съ отцомъ своимъ; развели они тогда пчелъ и зажили со старой теткой Матреной, пришедшей съ ними изъ

Россіи: у нихъ съ покойнымъ старикомъ духъ захватило отъ этого многоземелья и свободы лѣсной послѣ россійской скудости. На славу выстроили они просторную избу связью; а все же Алексѣй тосковалъ тутъ долго по бѣднымъ степямъ далекой родины, по роднымъ могиламъ, и едва-едва привыкъ къ тишинѣ бора, покрывавшаго щетиной горные хребты узкой долины, и къ рокоту бурливой и быстрой рѣки...

Пчелъ, которыхъ они стали сперва разводить, они скоро бросили: плохо велися тутъ; а уходить не хотѣлось съ этого мѣста: нравилось старику безлюдье и тишина ихъ долины...

Тутъ судьба ихъ свела съ Чаптуномъ, потерявшимъ послѣ оспы семью, и стали они заниматься охотой и водить скотъ, распахивая при этомъ небольшія полянки своего участка, пріобрѣтеннаго у инородцевъ, близъ избы, на которыхъ обильно росъ хлѣбъ, золотясь крупнымъ колосомъ.

Старикъ скорѣе Алексѣя привыкъ къ Алтаю и полюбилъ его, но бѣдному не поталанило: умеръ онъ черезъ пять лѣтъ отъ какой-то странной, изсушившей его, болѣзни, противъ которой не помогли ни чудный цѣлебный воздухъ, ни шепотки и приговоры Матрены, ни кровь куропатокъ, которой его поилъ Чаптунъ... Сыну онъ завѣщалъ въ Россію не тянуться, а тутъ жить у благодати, завѣщалъ жениться на смирной дѣвкѣ изъ алтаекъ „што бы на людей не тянула“, но Алексѣй послѣдняго завѣта отца не исполнилъ: чистый сердцемъ и помыслами этотъ богатырь чуждался женщинъ и не глядѣлъ даже на дочерей своихъ кочевыхъ сосѣдей; онъ мало-по-малу влюблялся въ лѣсъ, въ дикую красоту горъ, пристрастился къ охотѣ и цѣлые дни проводилъ въ лѣсу... Осенью, какъ только снѣгъ осыпалъ деревья и пухомъ ложился по тропамъ, Чаптунъ принимался чистить винтовки, готовилъ ловушки, а тетка Матрена ладила толканъ [1]) для Чаптуна и сухари для Алексѣя; она же собирала котелки и прочую мелочь и клала ихъ

---

[1]) Толканъ—поджареный и истолченый ячмень.

на нарты [1])... и далеко уходили отъ дома охотники, оставляя старуху одну подъ защитою бабъ сосѣдняго аула, зимовье котораго было близь ихъ заимки... Да и защищать не отъ кого было, а просто скуки ради приглашала Матрена инородокъ... О лихихъ людяхъ неслыхано было въ ихъ глуши. И начиналась настоящая охота.

Никогда Алексѣй не скупалъ ни у кого пушнины, никогда и самъ не сдавалъ скупщикамъ, а, по окончаніи охоты, отвозилъ въ городъ все, что было своего, и продавалъ прямо въ руки настоящему покупателю...

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ привезъ теткѣ и Чаптуну чудный подарокъ вмѣстѣ съ хозяйственными вещами и обновами—обычными покупками каждаго года,—привезъ крошку ребенка двухъ или трехъ недѣль, безжалостно брошеннаго какой-то неизвѣстной безсердечной матерью на крыльцо того постоялаго двора, гдѣ останавливался Алексѣй, съ маленькой записочкой: „крещенъ... зовутъ Андреемъ"... На охающихъ и ахающихъ хозяевъ и проѣзжающихъ Алексѣй глядѣлъ угрюмо; онъ спросилъ ихъ, чего они такъ заботятся; удивлялся, что они морозятъ ребенка и не несутъ его въ домъ...

— Въ какой домъ?—въ свою очередь удивились его вопросу.—За городовымъ послали... въ полицію отправимъ...

Сѣрые холодные глаза парня вспыхнули гнѣвнымъ изумленіемъ:

— Въ полицію?.. Зачѣмъ же туды?..

— Што бы въ пріютъ отправить!—отвѣтили ему равнодушно.

Еще въ Россіи Алексѣй слыхалъ о пріютахъ: много брали изъ нихъ питомцевъ по деревнямъ... и насмотрѣлся онъ на ихъ горькую долю... Сильной и огромной рукой, молча, раздвинулъ онъ столпившихся

[1]) Нарты—длинныя гибкія сани, которыя тащатся лямкой; нарты шириной и высотою около одного аршина, длиною болѣе сажени; полозья ихъ тонкіе, на подобіе лыжъ, дно изъ двухъ тонкихъ досокъ; бока зарѣшечиваются ремнями. Въ снѣгу этотъ экипажъ не тонетъ.

людей и, спокойно взявъ съ рукъ дворника ребенка, быстрой походкой направился въ домъ, гдѣ, бережно положивъ малютку рядомъ съ своими покупками, потребовалъ молока и рожокъ.

— Ты, што же, его взять хочешь?—приставалъ къ нему хозяинъ.

— А ты какъ думашь?—нахмурился гигантъ...

Такъ-же заявилъ онъ пришедшему городовому.

Дѣло оформили, и черезъ три дня Алексѣй Колпашевъ увозилъ съ собою крошку Андрюшу съ рожкомъ и молокомъ, нисколько не думая о дальней трудной дорогѣ и о томъ, какъ онъ довезетъ такого малыша... Правда, онъ подыскалъ молодого безроднаго парнишку Степку и уговорилъ его ѣхать съ собою на далекую заимку, и тотъ много помогалъ ему въ пути...

Живой и невредимый пріѣхалъ Андрюша, и въ свѣтлой высокой избѣ стало веселѣе отъ звука его слабаго голоска, становившагося сильнѣе и звучнѣе.

Матрена привязалась къ малышу; да и всѣ обитатели крѣпкой заимки въ долинѣ, защищенной горами... даже Степка, привыкнувшій и полюбившій уголъ Алексѣя, нѣжили малыша; а ужъ самъ Алексѣй души не чаялъ въ мальчуганѣ.

— Экая мать!—говорила иногда Матрена въ долгіе зимніе вечера, когда подъ глухой ропотъ бури, летавшей по вершинамъ и не доходившей до ихъ тихой, защищенной скалами забоки, сладко спалъ Андрюша, закинувъ за головку тонкія точеныя ручки, —и какая только мать!.. этакого-то королевича бросила!.. этакого-то красавца!!.

— Эхъ, тетка!—съ неудовольствіемъ откликался Алексѣй,—не поминай ты этого: мой онъ!.. никакой у него и матери не было... думай ты, быдто онъ на мое счастье съ неба палъ... гляди—свѣтъ ровно у насъ на заимкѣ иной, какъ Андрюшка появился, и удачи такъ и сыплютъ: тебѣ, вонъ, коровъ ужъ доить одной не въ моготу! сколь ихъ расплодилось... а овецъ сколь у насъ!.. коней!.. все на ево долю да на Степкину родятся... Степку я тоже не забуду: вмѣстѣ

я ево съ Андрюшкой нашелъ!—любовно поглядывалъ Алексѣй на семнадцатилѣтняго вихрястаго парня...

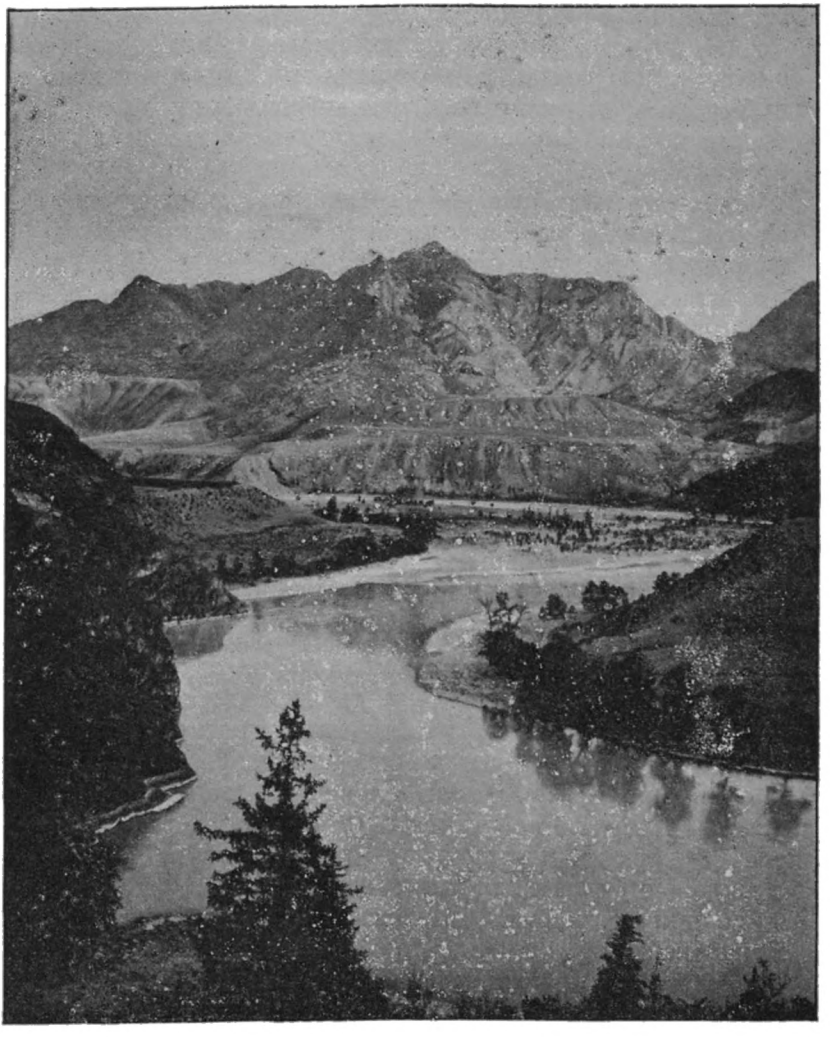
И дружно, мирно, въ любви, согласіи и трудѣ жила эта собранная семья честныхъ людей подъ задумчивыми, опушенными лѣсомъ, сопками у быстрой бурливой рѣки, отѣненной богатой порослью лѣса и кустарниковъ...

Заѣзжалъ на заимку къ Колпашеву иногда миссіонеръ, бездѣтный, еще молодой священникъ и нѣжно ласкалъ Андрюшу, привозя ему лакомства... Религіозный Алексѣй любилъ эти пріѣзды, служилъ панихидку на отцовой могилѣ подъ кустами черемухи и бесѣдовалъ „о божественномъ“ и о томъ, что въ мірѣ совершается за рубежемъ Алтая. Онъ привозилъ Алексѣю книги и иногда листки газетъ и пестрыя картинки и сказки Андрюшѣ, который его не дичился.

III.

Въ шестой годъ Андрюшиной жизни снѣга пали особенно глубокіе; прекрасныя кысъ [1]), сдѣланныя изъ лошадиной кожи, содранной съ колѣнъ этихъ животныхъ, далеко уносили Алексѣя и Чаптуна отъ родной избушки: по пятидесяти и шестидесяти верстъ дѣлали они въ день, а если приходилось перехватить звѣря, т. е. пересѣчь линію бѣга, замѣтивъ его направленіе, то пробѣгали отъ ста до ста пятидесяти верстъ. Алексѣй не уступалъ инородцамъ въ искусствѣ бѣгать на лыжахъ; онъ даже имѣлъ и ихъ необыкновенную смѣтливость: въ лѣсу на быстромъ бѣгу, при множествѣ слѣдовъ звѣря, онъ читалъ по нимъ, какъ по книгѣ... Не даромъ Чаптунъ училъ его этому съ любовью и терпѣніемъ въ юности!.. теперь ученикъ перещеголялъ своего учителя... Трехъ абшаковъ [2]) убили они этой поздней осенью; убили нѣсколько рысей... наловили лисицъ и соболей... Разъ, уже къ концу охоты, наткнулись они на пюрю [3]), че-

[1]) Кысъ—лыжи.
[2]) Абшакъ—медвѣдь.
[3]) Пюрю—волкъ.



Алтай.—Рѣка Катунь на устьѣ рѣки Чуи.

ловѣческимъ голосомъ попросившаго у нихъ пристанища. Это былъ странный волкъ—небольшого роста, худощавый, одѣтый въ армякъ и полушубокъ: ви-

димо, онъ пришелъ издалека, и недобрымъ огнемъ горѣли у него небольшіе сѣрые глаза.

— Съ дороги сбился!—пояснилъ онъ,—я—изъ аила N (назвалъ онъ кочевье); жилъ тамъ... угла ищу... не пріютишь ли странника?

И Алексѣй повелъ его въ свою избу, хотя сердце его точно защемило и сжало предчувствіе: недобрымъ человѣкомъ ему показался пришлецъ...

— Пюрю!—пробормоталъ ему Чаптунъ при неожиданной встрѣчѣ.

— „Бѣглый воръ, али убивецъ!"—подумалъ Алексѣй, „и усмѣшка недобрая губы коситъ... но гость святъ!.. еще отецъ училъ... надо такъ видно!"—молчаливо покорился онъ, вводя въ горницу пришлеца...

Тотъ сразу сталъ на хозяйскую ногу, отнималъ отъ работы Степку, уводя на прогулки съ собою, заставлялъ Матрену готовить кушанья по своимъ рецептамъ и, если только ему хотѣлось, сѣдлалъ лошадь и ѣхалъ, куда глядѣли глаза, ни у кого не спрашивая позволенія.

Сосѣди инородцы толковали Алексѣю о томъ, что онъ все вертится по аиламъ и тѣмъ, кто умѣлъ понимать русскую рѣчь, говорилъ о томъ, что ясакъ платить не слѣдуетъ, что біевъ не надо слушать...

— Плюньте на него! махалъ рукою Алексѣй.— Волкъ!.. а развѣ волковъ слушаютъ?.. турите его изъ аиловъ... мнѣ вотъ горе, нельзя прогнать: гостемъ назвался!..

Когда семья, по старому завѣту отца, становилась на молитву, гость съ насмѣшливой улыбкой слѣдилъ за ними и начиналъ свистать какую-нибудь пѣсню, и это выводило изъ себя Алексѣя: онъ съ трудомъ сдерживался, чтобы не кинуться на пришлеца, и его сильныя большія руки невольно сжимались въ кулаки...

Противъ обычая Алексѣй не поѣхалъ въ городъ, а отправилъ Чаптуна съ продажей и за покупками...

— Охъ, Алексѣй!.. гляди въ оба: худой этотъ гость!—предупреждалъ его тотъ, прощаясь,—недо-

брый... не спи ночь сама... другой ночь Степка не спи: карауль Андрюшку... прогони ево...

Холодно, угрюмо насупился Алексѣй:

— Человѣкъ онъ... не велѣлъ отецъ гостя гнать... наказъ давалъ... знаешь, поди... Самъ вижу—недобрый онъ... не за добромъ пришелъ, да молчу... станетъ тепло, скажу: „иди!.. будетъ!..“ теперь—не могу...

И они, молча, разстались съ Чаптуномъ, котораго далеко проводилъ Алексѣй...

А гость положительно портилъ жизнь эти дни Алексѣю: еще до отъѣзда Чаптуна изъ молчаливаго шатуна онъ вдругъ сдѣлался домосѣдомъ... Послѣ того, какъ становой пріѣхалъ въ сосѣдній аилъ на слѣдствіе, онъ засѣлъ дома, и откуда то у него взялась рѣчь: началъ онъ убѣждать Алексѣя созвать сосѣдей-алтайцевъ: поговорить ему захотѣлось съ ними.

— Ты у меня переводчикомъ будешь... я къ тебѣ нарочно пришелъ,—приставалъ онъ къ хозяину...

И на другой день послѣ отъѣзда Чаптуна онъ опять присталъ къ Алексѣю:

— Я слыхалъ о тебѣ... съ хорошими рѣчами пришелъ: о волѣ, о землѣ...

— А ты откудова самъ-то?—вдругъ полюбопытствовалъ Алексѣй.

— Я—издали... изъ Россіи...—изумленно вскинулъ глазами пришлецъ.

— Што же ты тамъ о волѣ не говорилъ: тамъ оно все къ дѣлу:—малоземелье... а у насъ тутъ,—широкимъ жестомъ размахнулъ Алексѣй,—все... намъ тутъ нечего слушать твои рѣчи... передъ глазами и воля и земля... Вонъ, я въ тотъ день, какъ на тебя наткнулся, восемьдесятъ верстъ съ Чаптуномъ отмахалъ на лыжахъ, и препоны мнѣ никто не поставилъ... воля у насъ... мы—какъ птицы тутъ живемъ...

— Не то!.. не то!.. о другой я волѣ... разскажу вамъ о томъ, какъ можно самимъ себѣ господами быть, што бы ни становыхъ, никого не знать, а самимъ изъ себя выбирать голову...

— Вонъ што!..—усмѣхнулся Алексѣй,—вонъ, въ сѣверной дючинѣ выбрали зайсана... сами выбрали...

охотой... а такой, язви ево, придался подлецъ... на шеи сѣлъ бѣднымъ... А знаю я пристава по пріискамъ одного... безъ выбору начальника... человѣка душевнѣе нѣтъ!..

— Подати можно будетъ не платить!—заикнулся гость.

— Ну, это ты оставь!—совсѣмъ нахмурился Алексѣй,—въ Россіи у насъ тягота безземелья, а все же мы несли подати Царю законному, Божьему Помазаннику, а здѣсь, на волѣ, ясакъ отдать ничего не стоитъ...

— А куда деньги идутъ? На чиновничество!.. на бюрократовъ!.. на ваше порабощеніе...—озлился пришлецъ.

— Мудреныя слова кидашь!.. Идутъ деньги въ казну царскую, на содержаніе... знаю я, какъ въ Россіи, въ голодуху, наша копейка опять къ намъ обрачалася на кормежъ... знаю и то, што, если войска на нее содержатся, такъ нельзя миновать этово: потому, насъ тогда враги забрать могутъ безъ арміи... опять же и чиновники по городамъ нужны: полиція, суды... и школы, што царь содерживатъ... Я, вотъ, свово Андрюшку тоже отдамъ... таперь и мужику все доступно... я не шибко грамотенъ, а знаю, што сравнялъ насъ Осударь въ правахъ съ осподами... не выжилъ, вѣдь, я ума то въ лѣсу,—знаю, што копейка моя, примѣрно, на школу идущая и моему рабенку пригодиться можетъ... а самъ то ты чей, гость мой?.. у насъ, въ черни, зану [1]) нѣту гостей опрашивать, но коли пошло на разговоръ, то сказать должонъ кто ты самъ то? чей? зачѣмъ пришелъ про волю и землю говорить къ намъ, въ тайгу? И вижу я по обличью, повадкѣ твоей, што самъ ты изъ осподъ... только непутное въ тебѣ што то я чую... много такихъ, сказываютъ, по городамъ васъ развелося... Я не стану сзывать никого... ступай, говори, што хошь, какъ говорилъ по аиламъ, а меня не втягивай въ твои дѣла!..

---

[1]) Занъ—обычай.

— Подь сюда, Андрюша!.. Што это онъ у насъ такой кручинный? Тетка Матрена, гляди, какіе невеселые глазки...

— И сама не знаю, родимый!.. вонъ, таскалъ его вчера гость по вѣтру, какъ ты Чаптуна провожалъ, —нашолъ каку то диковинку въ лѣсу, сманилъ, а онъ што? извѣстно—рабенокъ... пошелъ... я ужъ Степку послала за ими...

— Куда ты ходилъ, Андрюша?—встревожился Алексѣй, беря ребенка на руки.—Скажи мнѣ, дитятко!..

— Бѣлокъ смотрѣть!—хриповатымъ голоскомъ отвѣтилъ малютка,—дядя бѣлокъ казалъ въ дуплѣ... онъ сложилъ, тятя, хворостъ, да листьевъ нарылъ и поджогъ ихъ... а огонь то по дереву... бѣлки въ дуплѣ пищатъ, тятя, выскакиваютъ... а я его прошу: „дяденька!.. дяденька!.. имъ больно!..“ а онъ ихъ палкой, тятя, подшибъ... онѣ въ огонь, сердешненьки!— хрипло заплакалъ ребенокъ, закрывъ тонкими ручками глаза.

— Полно!.. полно, Андрюшенька... свѣтикъ мой... пошто же ты не сказалъ мнѣ вчера, родимый!..

— Да, вѣдь, онѣ сгорѣли!—отчаянно протянулъ ребенокъ,—а онъ мнѣ орѣхи досталъ; „на“, говоритъ!.. Я ихъ бросилъ, тятя... а бѣлочки на огнѣ корчатся... лапки прижимаютъ и хвостики обгорѣли!..— опять заплакалъ онъ...

— Ахъ, ты!—грозно поглядѣлъ на гостя Алексѣй,—ребенка малаго нашелъ чѣмъ изобидѣть...

— И зачѣмъ ты, тетка, отпускала ево? гляди— голосъ перехватило... завари-ка малинки, да напой...

— А тебя, гостинекъ, прошу уйти въ горницу другую: тамъ топлено, а тутъ мнѣ глядѣть на тебя тошно...

И такая была угроза въ голосѣ Алексѣя, что гость всталъ:

— Напрасно гонишь!..—сказалъ онъ,—я лечить знаю... ты вѣрно угадалъ, что не простой я человѣкъ: учился... докторомъ скоро буду... для „дѣла“ ученье бросилъ... а ребенка я не на зло повелъ: хотѣлъ по-

тѣшить его... не думалъ, что онъ такой кислый; иллюминаціей моей недоволенъ остался... ему же орѣховъ достать хотѣлъ... надо ему сейчасъ компрессъ на горло: воды холодной, клеенки, вонъ, отрѣзать со стола, теплую тряпку отъ твоей рубахи, хрѣну потереть на нее и на горло привязать,—хрипота пройдетъ... Ну, живо!..

Онъ опять овладѣлъ потеряннымъ положеніемъ и увидалъ, что Алексѣй его слушаетъ...

Цѣлую ночь просидѣлъ Алексѣй надъ Андрюшей, долгую, тяжелую ночь. Ребенокъ, утихшій немного съ вечера, къ полночи разгорѣлся и сталъ хрипло и страшно кашлять...

— Точно собака лаетъ!—говорилъ Степанъ, тоже не спавшій.

И на утро не отлегчало Андрюшѣ, хотя гость, перемѣнивъ повязку на горлѣ, велѣлъ ставить самовары и разливать горячую воду въ чашки около ребенка, давалъ ему дышать надъ паромъ, жегъ смолу, ставилъ ножки въ горячую воду... но ничего не помогало: Андрюша началъ задыхаться и тянулъ ручки къ Алексѣю.

— Тятя,—съ трудомъ лепеталъ онъ,—помоги ты мнѣ!.. тятя, помоги!..

А Матрена, заливаясь слезами, тихонько и скорбно молилась и шептала на уголекъ, прыская мальчика отъ „урока“... Это злило гостя.

— Глупая старуха!—ворчалъ онъ,—у него крупъ... понимаешь ты—крупъ!... а ты его своими шепотками лечишь!!.

На третью ночь Андрюша началъ совсѣмъ задыхаться: онъ метался по кровати и ловилъ воздухъ, широко открывая ротикъ и хватаясь за горло ручками, съ безумнымъ ужасомъ смотря на лицо подходившаго къ нему пришлеца. Онъ кидался къ отцу, словно прося у него защиты, и большіе, прекрасные, измученные глаза его молили о помощи...

— Нельзя помочь!—сказалъ гость,—конецъ!. нѣтъ инструментовъ... нужна операція, да и то едва ли поможетъ!..

Онъ сказалъ это съ безжалостной холодностью измученному Алексѣю, и Андрюша понялъ его слова.

— Тятя... Тятя... Богъ...—хрипѣлъ онъ, складывая ручки,—тятенька, помолимся!..

И точно что толкнуло Алексѣя: тутъ же у кровати малютки рухнулъ онъ на колѣни и зашепталъ, сжимая руки:

— Осподи Владыко!.. помилуй мнѣ ево!.. Матерь Божья! Ты Сама муку терпѣла... послушай Ты меня... сохрани... знашь, вить, какъ тяжко съ дѣтушками разставаться... послушай Ты меня: на Улалу пѣшкомъ пойду, къ Пантелимону Цѣлителю съ Андрюшей...

— Не поможетъ!—остановилъ его голосъ пришлеца...—умираетъ... смотри—посинѣлъ...

Но Алексѣй оттолкнулъ его и съ страстнымъ невыразимымъ упованіемъ вслухъ выкрикивалъ, сжавъ большія сильныя руки и смотря куда-то въ незримое, видимое ему:

— Царица Небесная!.. не отыми отъ меня ребеночка... свѣтика моево... пойми муку мою мученскую... сотвори чудо... Матушка Заступница—Ты услышишь... вотъ Христосъ мой, чую я это... Ты помилуешь...

И столько любви, упованія и вѣры было въ этомъ воплѣ, что Она услышала...

И передъ изумленными глазами гостя, передъ просвѣтленнымъ восторженнымъ взглядомъ Алексѣя, Матрены и Степана совершилось дѣйствительное чудо: словно сила какая подняла безжизненное посинѣвшее тѣло Андрюши, и вмѣстѣ съ страшнымъ кашлемъ изъ его ротика вылетѣлъ комокъ плёнокъ... еще... и еще... поднялась рвота съ отдѣленіями, и разомъ исчезла синева... ребенокъ вздохнулъ глубоко, облегченно, закрывъ истомленные глазки... И потъ пошелъ по похудѣвшему тѣльцу...

Алексѣй перекрестилъ его, и не вставая съ колѣнъ, уже тихо зашепталъ молитву благодарности и упованія.

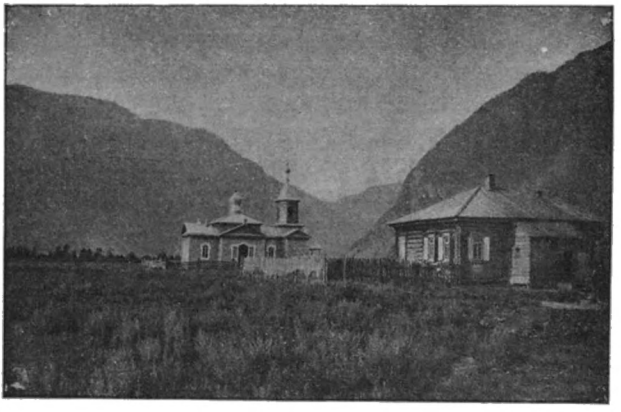
Гость шмыгнулъ изъ комнаты, а Степанъ и Матрена обтерли мокроту, подобрали густой комокъ пле-

нокъ и тоже стали молиться въ простотѣ своихъ простыхъ сердецъ...

А Алексѣй все припадалъ лбомъ къ полу, Алексѣй молился до утомленія и только тогда, когда облитое слезами его лицо совсѣмъ побѣлѣло отъ усталости, онъ тихонько всталъ и легъ рядомъ съ Андрюшей, тихо и ровно дышавшимъ въ глубокомъ снѣ...

На завтра Степка, засѣдлавъ пару лучшихъ лошадей, поѣхалъ до стану за батькой...

Алексѣй, вставшій рано съ просвѣтленнымъ ли-



Алтай.—Миссіонерскій станъ.

цомъ, слушалъ Андрюшинъ голосокъ, становившійся яснѣе и яснѣе...

Ребенокъ слегка покашливалъ, но не горѣлъ, и глаза его, хотя и истомленные, все же сіяли, и дыханіе было покойно и ровно...

Гость попытался войти въ избу, но Алексѣй его не пустилъ: просто, безъ словъ, заслонилъ онъ дверь и указалъ черезъ кухонную связь на слѣдующую комнату... И такъ внушителенъ былъ его жестъ, что пришлецъ не смѣлъ противорѣчить...

Когда на завтра пріѣхалъ миссіонеръ, Андрюша уже сидѣлъ, и его только что покормили похлебкою...

Алексѣй кинулся къ пріѣзжему, какъ къ родному отцу, и попросилъ отслужить молебенъ и причастить Андрюшу; все разсказавъ священнику, что было, и подтвердивъ свои обѣты, онъ попросилъ его настоятельно избавить ихъ отъ гостя, принесшаго столько горя подъ его мирный кровъ...

Но, къ недоумѣнію обоихъ, горница была пуста; гостя въ ней не было... не оказалось и крѣпкаго алтайскаго конька на пригонѣ, новаго сѣдла въ амбарѣ... Волкъ сгинулъ... и Алексѣй махнулъ рукою на пропажу вещей.

-- Только бы не являлся болѣе!—сказалъ онъ, облегченно вздыхая.

Успокоенный и просвѣтленный богатырь съ любовью и почетомъ проводилъ священника, а на другой день пріѣхалъ истомленный, измученный не менѣе Алексѣя, Чаптунъ. При видѣ сидящаго мальчика, инородецъ вскрикнулъ радостно и почти упалъ на лавку, не объясняя своего волненія... Онъ молча выслушалъ о всѣхъ событіяхъ, нахмуривъ сѣдѣющія брови.

— Я ево видалъ!—наконецъ сказалъ онъ, сжавъ кулаки:—въ городъ ѣкалъ, ой, какой злой... конь—нашъ... я ему кричалъ: „постой... куда?“ а онъ говоритъ: „парнишка померъ вашъ!“ и ускакалъ!.. мой сердце умеръ... Андрюшу жаль... сердце умеръ... только отошелъ теперь...

Андрюша протянулъ къ старику свои худенькія ручки, и слезы потекли по щекамъ инородца.

— Померъ было совсѣмъ изъ-за него, подлаго!—сжалъ кулаки Алексѣй,—да смиловалась Божія Матерь: подняла... Ахъ, Чаптунъ! кабы ты видалъ, какъ помиралъ онъ...

— Охъ!—махнулъ рукой инородецъ...

— На Улалу пойду весной съ Андрюшей къ Пантелимону Цѣлителю!

— И я пойду!—сказалъ Чаптунъ... и я... самаго лучшаго соболя унесу Большому Кудаю... лисицу унесу Миколаю... Старому Чаптуну свѣтъ сталъ чорный, какъ узналъ онъ, что нѣтъ Андрюши...

И съ тихой лаской глядѣли эти люди на прекрасную головку мальчика, забравшагося на колѣни Чаптуна съ бакулками, напиленными Степкой, въ рукахъ... Изъ нихъ онъ строилъ на столѣ удивительныя избы, и у обоихъ охотниковъ точно спадала съ души огромная невыносимая тяжесть...

И Алексѣй, взявъ худенькія ручки малыша, прижался къ нимъ губами, скрывая набѣжавшія на глаза горячія слезы, обжегшія его вѣки...

...Мальчикъ лѣтъ четырнадцати... стройный, ловкій и сильный, съ бѣлымъ лицомъ, красивымъ и смѣлымъ, съ котораго большіе темные глаза глядѣли не по дѣтски серьезно.

Чемгуленокъ Микешъ.

— Эзень!-грубо сказалъ Мангашъ, обращаясь къ молодому охотнику.— Какой тебя курюмесь [1]) затащилъ сюда, въ горы наши? ай-ай!.. ладно... я поѣхалъ да тебя увидалъ, а то такъ бы и лежалъ подъ конемъ, пока бы тебя аю [2]) или пюрю [3]) не загрызли... И коня загубилъ... какой конь!.. ахъ, какой конь!.. топерь его приколоть надо.

Сердито ворча, старый горный

[1]) Дьяволъ.
[2]) Медвѣдь.
[3]) Волкъ.

Тарбальдинъ [1]) принялся помогать молодому охотнику освободиться отъ лошади, издыхавшей съ переломанными ногами, и высвободить его изъ подъ ея тяжелаго тѣла.

— Не сердись, абагай [2]),—наполовину по русски, наполовину по алтайски заговорилъ онъ.—Падера ровно одурѣла,—безъ слѣда, безъ дороги плуталъ... думалъ—замерзну: ладно тепло одѣтъ... Тебя, видно, ко мнѣ для Рождества Господня прислалъ Богъ,—выбиваясь изъ подъ лошади, говорилъ охотникъ,—чую, што во мнѣ ничего не сломано, оммята только нога... право слово: чудо!.. видно, мама дома шипко молится... она сердешная, лошадь то моя, на колѣни хряпнулась оттуль,—указалъ онъ на откосъ, бомомъ нависшій надъ тѣсной долиной,—а потомъ на бокъ ужъ свернулася... обезпамятѣлъ я, а изъ сѣдла не вылетѣлъ... а какъ въ умъ зашелъ—и ты подъѣхалъ, спаси тебя Господь.

— Ну,—нахмурился Мангашъ,—не знаю я твоего Господа... давай, можешь ли подняться?

— Ровно и могу, а только ровно деревянная нога, затекла вся... я, поди, часа три эдакъ подъ скотиной лежу... шипко тяжелая, сердешная... пристрѣли ее, абагай... не знаю, какъ звать то тебя.

Инородецъ покойно исполнилъ его просьбу.

— Откуда будешь?—разглядывая коня, спросилъ онъ.

— Изъ Онгудая.

— Вонъ што. Въ самомъ Онгудаѣ живешь?

— Нѣтъ. Я пасѣшниковъ... можетъ, бывалъ тамъ, слыхалъ Митревыхъ?.. по Коксѣ мы живемъ: я, дѣданька, отецъ, мама и тетка съ дядей Михайлой... въ Онгудаѣ ихъ всякій знаетъ.

— Далеко заѣхалъ!—усмѣхнулся инородецъ.—Я—Мангашъ... звѣроловъ Мангашъ, и тельгочі [3])... далеко тебя падера завела... который день блудишь?

— Третій!—сказалъ охотникъ.—Мы съ дядей

---

[1]) Беркутъ.
[2]) Дядя.
[3]) Гадатель.

Михайлой охотничали и слѣдъ потеряли; разъѣхались поразно, штобы ево отыскать, а буря дунь, ястри ее, сильнѣе, и потерялъ я дядю... слѣда не нашелъ, а ево потерялъ.

— Ну, ладно... обмерзъ ты... садись на мою лошадь и поѣдемъ ко мнѣ... меня,—безъ всякаго хвастовства, съ спокойнымъ достоинствомъ сказалъ Мангашъ,—никакія падеры не смутятъ: я тутъ и горы, и камни—все знаю...

И двинулся тихо, спокойно, увѣренно.

Цѣлыя тучи снѣга летѣли съ горъ, сдуваемыя падерой. Наступали сумерки короткаго декабрьскаго дня, и охотникъ съ грустью повернулъ голову туда, гдѣ остался трупъ его лошади, въ долинѣ, подъ горнымъ уступомъ, трупъ, который заносило снѣгомъ.

— „Ахъ, мама, мама“, — подумалъ онъ.—„И меня бы этакъ засыпать стало... погинулъ бы ни за грошъ!“

Подъ навѣсомъ деревьевъ было темно, чуть-чуть замѣтная тропа лежала тутъ, а дикіе камни торчали кругомъ, и мрачная тайга стояла въ нерушимой тишинѣ.

— „Куда забираемся! Господи, есть же углы незнаемые... этакая трущоба, ястри ее!“—думалъ охотникъ.

— Ишь, куды забрался?—сказалъ онъ вслухъ.—Одинъ живешь?

— Нѣтъ!—сказалъ Мангашъ угрюмо,—а тебѣ что?

— Да ничего, жутко больно: лѣсъ да камень... и высоко—все въ гору: должно по ручью, тропа то эта... ручей, должно, тутъ лѣтомъ?

— Ну! —сухо сказалъ охотникъ.—Не упади: лошадь скакать будетъ.

И дѣйствительно лошадь принялась перескакивать черезъ сваленныя поперекъ ручья старыя, нѣкогда поваленныя бурей, деревья. Проводникъ самъ легко перебирался черезъ нихъ, и еще спустя нѣсколько минутъ они очутились на обширной сравнительно горной площадкѣ, возвышавшейся надъ горной долиной.

— Вотъ мое жилище!—сказалъ Мангашъ.—Ты—гость мой!

И крикнулъ:

— Микешъ!

Сумракъ уже окуталъ горы и низины,—короткій зимній день кончился, и охотникъ сквозь сѣтку снѣга и мглу не могъ разглядѣть того, кто принялъ его лошадь и вмѣстѣ съ Мангашемъ помогъ ему спуститься съ нея.

— Дай руку!—сказалъ чей то мягкій голосъ по русски.—Сюда... вотъ такъ...

— Абагай Мангашъ, ты самъ разсѣдлаешь коня, а я проведу его до ложа: онъ усталъ, нашъ гость.

Мангашъ что то проворчалъ, но его уже не слушали. Пройдя подъ навѣсомъ скалъ, они сразу очутились въ теплѣ, и при свѣтѣ костра, дымъ отъ котораго прямо поднимался въ высоту, молодой охотникъ увидалъ большую пещеру, просторную, высокую, въ которой были ложа изъ шкуръ звѣрей, сумы и ружья по стѣнамъ; но его вниманіе сейчасъ же привлекъ тотъ, кто его привелъ и положилъ на ложе, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, стройный, ловкій и сильный, съ бѣлымъ лицомъ, красивымъ и смѣлымъ, съ котораго большіе темные глаза глядѣли не по дѣтски серьезно и внимательно.

— Ты русскій?—спросилъ онъ.

— А ты?—быстро вопросомъ на вопросъ отвѣтилъ охотникъ.

— Не знаю!—равнодушно поднялъ онъ глаза на входное отверстіе,—можетъ быть: я никого не знаю, кромѣ абагая Мангаша и этихъ горъ... мы—лѣсные... меня зовутъ Микешъ.

Было что то привлекательное и властное въ его манерѣ говорить и въ звукахъ его мягкаго голоса. Мангашъ вошелъ поспѣшно, неся сѣдло охотника. Онъ ласково провелъ по темной головѣ Микеша и сѣлъ у костра, указавъ жестомъ Микешу на мѣсто около себя.

— Гость хочетъ ѣсть,—сказалъ Микешъ, сдвигая тонкія брови.—Абагай забылъ, что гость у насъ.

И тонъ его голоса заставилъ огромнаго сильнаго Мангаша потупить голову.

— Ну, ну!—мягко сказалъ онъ.—Я присталъ... зови эджэ [1]): пусть она приготовитъ гостю тышъ [2]), а я стану говорить съ нимъ, только выкурю трубку, и осмотрю его ногу.

Неторопливо докуривъ, онъ поглядѣлъ на молча лежавшаго охотника.

— Тебя какъ зовутъ, гость?—спросилъ онъ.

— Петромъ кличутъ!—сказалъ тотъ и спросилъ: —Откуда у тебя паренекъ этотъ? больно красивъ... русскій онъ?

— Не знаю!—опять насупился Мангашъ.—Ничего не знаю... эджэ знаетъ: она привела его ко мнѣ тамъ, далеко, на Чуѣ; привела и сказала: „возьми"... она не любитъ говорить, моя эджэ, и я не знаю, гдѣ она нашла его... была осень и шли дожди...

Изъ сосѣдней пещеры, отверстіе которой было закрыто шкурой, вышла сѣдая алтайка съ бѣлой, какъ снѣгъ, головою; ея сгорбленное тѣло было однако бодрымъ, и узкіе глаза глядѣли проницательно на гостя, за нею шелъ Микешъ, и лицо его стало мягкимъ и нѣжнымъ, это красивое тонкое лицо... у молодого охотника что то метнулося въ эту минуту въ памяти: храмъ... блѣднолицая женщина въ богатомъ нарядѣ... И вдругъ, вспомнилъ.

— „Чечевцева купчиха! Вотъ на кого походитъ Микешъ!.."

Вспомнилъ, какъ недобрая слава шла про эту молодую жену стараго мужа...

— „Ужли же она свое дитя кинула?"—думалъ онъ и, полузакрывъ глаза, слѣдилъ за мальчикомъ.

— Два дня полежишь,—осмотрѣлъ его ногу Мангашъ.—Иди, эджэ, погляди.

— Дня два—сказала она, глядя на охотника внимательнымъ взглядомъ.—Я покормлю его сегодня и лягу спать: мнѣ надо увидать сны...

---

[1]) Тетка.
[2]) Мясо, жареное надъ огнемъ костра на палочкахъ.

— Микешъ, ты не слушай его!

Она потрясла головою, пристально глядя на юное лицо мальчика.

— Чемгуленокъ [1]) глядитъ на дорогу совъ, вспоминаетъ о дуплахъ... ой, ой... ты сынъ эджэ Памакъ... ты—мой сынъ... не слушай словъ бѣлыхъ: твое сердце не должно биться для нихъ.

— Перестань!—сухо оборвалъ ее мальчикъ.—Ты точно санысханъ [2]): Микешъ знаетъ, что нужно ему говорить и дѣлать... уходи и слѣди за огнемъ... тамъ эликъ у порога, которую убилъ абагай.

Она послушно отошла отъ ложа больного и приблизилась къ огню; Мангашъ пошелъ потрошить животное, а Микешъ сѣлъ у ногъ охотника.

— Выздоровѣешь скоро: они умѣютъ лечить,— сказалъ онъ и внимательно выслушалъ разсказъ охотника.

— Охъ,—докончивъ его, сказалъ Петръ,—это ништо, если поваляюся: я самъ знаю, што нога оттоптана только... а вотъ што тошно: мамѣ то праздникъ не въ праздникъ будетъ, и тятя истомится обо мнѣ... ты самъ посуди только: вѣдь, завтра Рождество.

Большіе красивые глаза Микеша заглядѣлись куда то.

— Рождество?—повторилъ онъ и глубоко задумался.

— Микешъ! — крикнула ему предостерегающій окрикъ старуха.

— Молчи!—гнѣвно нахмурилъ онъ брови.—Не мѣшай... я хочу говорить... не думай, что мое сердце согрѣла жалость...

И еще суровѣе поглядѣлъ на Мангаша, подошедшаго къ нему.

— Дѣлай свое дѣло, абагай, пожалуйста... я хочу говорить... онъ сказалъ что завтра Рождество...

Темные глаза мальчика заблестѣли и разгорѣлись.

— Помню,—сказалъ онъ,—теплую комнату въ

---

[1]) Орленокъ.
[2]) Сорока.

совиномъ дуплѣ и красивую эне [1])... я много помню... она боялась меня цѣловать и разъ велѣла мнѣ уйти, потому что пріѣхалъ чужой... я сказалъ, что холодно на улицѣ, а она побила меня, и я ушелъ... ушелъ совсѣмъ въ лѣсъ, въ горы изъ дупла совъ, и эджэ и абагай стали моими, но я помню Рождество... старая бѣлая эджэ говорила мнѣ о немъ... она ушла въ холодную яму, и меня взяли въ большія дома русскихъ... я не могу забыть, какъ меня били, и боюсь совиныхъ норъ; я люблю свѣтъ, день, звѣзды... я люблю высокую пещеру, въ которой не слышно бурь, и меня любитъ абагай Мангашъ и эджэ.

— Да, мы любимъ его!—сказалъ Мангашъ.

И эдже повторила, сложивъ руки на груди:

— Любимъ!

— А все-таки,—съ страстной тоскою воскликнулъ Микешъ,—меня тянетъ иногда слушать, какъ поютъ въ далекихъ аилахъ русскихъ на высокихъ домахъ козо [2]); они зовутъ меня, но я вольный чемгулъ и не пойду туда въ неволю, чтобы меня опять стали бить... нѣтъ... я, вѣдь, не дѣлаю зла...

— „Душа грешшоная",—думалъ охотникъ Петръ. —„Господи Ты мой, Боже! ужли не сплачетъ сердце у матери?.."

И закрылъ глаза.

— Уснулъ,—сказалъ Мангашъ.

— Здорово присталъ, и, видно, правда его эне молила ихъ Бога, чтобы онъ спасъ ея болама [3]).

— Эдже! мать, значитъ, любитъ свое дитя?... да? —спросилъ пытливо Микешъ.

— Да,—сказала та неохотно.—Ты знаешь, какъ трепещетъ надъ дѣтьми эликъ, какъ караулитъ свое гнѣздо самка чемгула? И рыбы, и звѣри, и птицы любятъ своихъ дѣтей!.. у меня не было дѣтей, мой Микешъ, я—старая кысъ [4]), но я люблю тебя, котораго нашла на катандинской дорогѣ.

---

[1]) Мать.
[2]) Колоколъ.
[3]) Ребенка.
[4]) Дѣвушка.

— Да, ты меня любишь,—сказалъ онъ мягко.— Ты меня любишь, эджэ... тогда, когда мое сердце горѣло обидой, давно, когда руки той, которую называли матерью, били меня, и мое тѣло болѣло, ты взяла меня на сѣдло и баюкала и нѣжила... Почему она побила меня, эджэ? я всегда любилъ ее... чуть чуть помню бѣлое лицо, но хорошо помню, что не сдѣлалъ ничего дурного... зачѣмъ она выгоняла меня? И я ушелъ, ушелъ сюда, въ гнѣздо тарбальдина Мангаша, къ тебѣ, волчицѣ горъ, и научился жить, какъ живете вы, а все-таки, все-таки, эджэ, я не могу забыть Рождества и высокій золотой домъ; огни въ немъ и доброе лицо старой эджэ... меня иногда тянетъ туда, но не бойся, я туда не пойду: Микешъ чемгуленокъ не умѣетъ лгать, его языкъ не двоится, онъ говоритъ правду, и его мысли ясны передъ тѣми, кто его любитъ, но эджэ и Мангашъ должны лечь спать, а я стану говорить съ охотникомъ когда онъ проснется, говорить о многомъ.

И воля этого ребенка была такъ сильна, что они подчинились ей, какъ всегда.

— Тышъ готовъ,—сказала старуха.—Буди гостя, пусть встаетъ, я принесу ему араки [1]), чтобы подкрѣпить его силы.

— Ты хорошо придумала,—сказалъ Мангашъ.

— Эй, гость! поѣшь и выпей... ты подкрѣпишься... Вотъ, Микешъ хочетъ говорить съ тобой... ой-ой этотъ Микешъ... въ пещерѣ Мангаша онъ самый большой, и сердце Мангаша отдано ему.

Они молча стали ѣсть въ нерушимой тишинѣ глубокой пещеры, куда не достигали звуки бури.

— Тутъ хорошо,—заговорилъ Микешъ.—Тутъ очень хорошо: у насъ каждая тропа говоритъ, а Архытъ! духъ захватываетъ, когда человѣкъ поглядитъ на Архытскую пропасть... теперь она спитъ, гость моего абагая... почему ты такъ задумался?

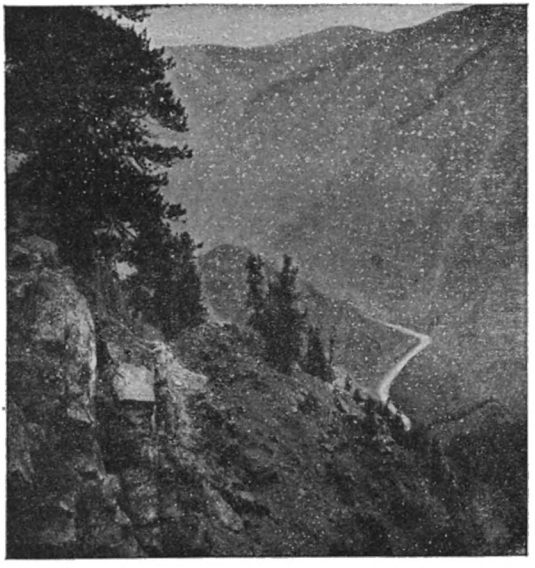
— Я думаю о мамѣ,—сказалъ Петръ.—Вотъ то томится, сердечная!.. Ахъ, Микешъ, какой праздникъ-

---

[1]) Вино.

то у насъ—Рождество Христово!.. Въ это время, вотъ какъ будетъ далѣ полночи, давно-давно то было: Христосъ родился, Богъ нашъ... съ той поры всѣ Ему молятся, потому Онъ всего міра Господь и небо сотворилъ и землю.

— Я помню домъ съ огнями,—сказалъ мальчикъ. —Говори еще...



...духъ захватываетъ, когда человѣкъ поглядитъ на Архытскую пропасть.

— Уйди, эджэ, спи: я хочу слушать.

Старуха приподняла шкуру и скрылась во второй пещерѣ, а Микешъ жадно слушалъ то, что просто и неумѣло, но съ чувствомъ и вѣрою говорилъ Петръ.

— Ты, вотъ, поди идоламъ лупоглазымъ поклоняешься? а, видать,—хрешшоное дитя!—окончивъ, грустно сказалъ Петръ.

— Никому я не поклоняюсь,—сказалъ мальчикъ гордо.—У меня нѣтъ боговъ... Я знаю, что есть Ве-

ликій Духъ, потому что не могли сами зажечься звѣзды, и не могъ подняться Алтай; я знаю, что есть Великій Духъ: мнѣ говорилъ о немъ абагай Мангашъ: онъ мудрый человѣкъ, онъ показалъ мнѣ то, что я тебѣ говорилъ... вѣдь, самъ я помню все только потому, что онъ показалъ мнѣ меня.

— Ну?—заинтересовался Петръ и опасливо посмотрѣлъ на Мангаша.

Тотъ сидѣлъ невозмутимо спокойно и дремалъ, казалось, у костра.

— Абагай Мангашъ, покажи, какъ ты ворожишь и говоришь съ тѣми, которыхъ нѣтъ,—сказалъ юноша повелительно.

И Мангашъ затрепеталъ.

— Я усталъ, Микешъ,—сказалъ онъ тихо и робко.

Но мальчикъ настаивалъ.

— Покажи ему то, что я видѣлъ! я такъ хочу, абагай Мангашъ!

И тихо, робко, неувѣренно Мангашъ поднялся; онъ бросилъ на костеръ дровъ, и пламя поднялося, кладя прихотливые блики на стѣну; въ пещерѣ стало тепло, даже жарко, и Мангашъ сбросилъ шубу. Онъ остановился надъ костромъ точно статуя, и, видимо, дѣлалъ кому то внушенія: такъ напряглись жилы на его вискахъ, и глаза разгорѣлись, какъ угли. По тѣлу Петра пробѣжала дрожь: этотъ статный, точно отлитый изъ бронзы, человѣкъ, пугалъ его далеко не робкое сердце, а сидѣвшій съ нимъ рядомъ мальчикъ, странное дитя каменнаго гнѣзда, смотрѣлъ большими глазами, полными затаенной грусти, на бѣлую стѣну пещеры, гладкую и прямую, на которой тѣни костра странно свивались и расползались.

— Смотри,—сказалъ онъ тихо.

На стѣнѣ дымъ свился, опредѣливъ въ фигуру свой контуръ, и фигура ожила: то была женщина-старушка съ добрымъ лицомъ, она цѣловала красивое дитя, лежащее у ней на колѣнахъ. Потомъ появилось другое лицо: высокая женщина, красивая женщина, торопливо и небрежно цѣловавшая ребенка.

Пятно уплыло и скрылося, замѣнившись другимъ. Петръ видѣлъ храмъ, молящихся и уже подросшее красивое дитя; потомъ онъ увидѣлъ гробъ и глубокую яму, колеблющееся пламя свѣчей и узналъ, чуть не вскрикнувъ, онгудайскаго священника.

Картины уходили и приходили, но онъ молчалъ, какъ парализованный, онъ видѣлъ стараго богача чуйскаго купца и его красивую важную молодую жену, увидалъ ее и незнакомую женщину въ избѣ у лѣса, и дитя игравшее тамъ; видѣлъ побои, наносимые крошкѣ, и его слезы и блѣдную богатую женщину купчиху, вбѣжавшую и схватившую мальчика... выраженіе страха и гнѣва на дѣтскомъ личикѣ и лицо женщины испуганное и злое. Она толкала его передъ собою и бѣжала, бѣжала съ нимъ по лѣсной тропинкѣ, гдѣ и бросила его, торопливо ворочаясь назадъ; онъ видѣлъ въ темнотѣ лѣса дѣтскій силуэтъ, видѣлъ, какъ брелъ малышъ по лѣсу, и инородку въ чегедекэ, поднявшую его на сѣдло, и въ ужасѣ отъ всего этого страннаго и невиданнаго зрѣлища прошепталъ холодѣющими губами:

— Господи, ради праздника Твоего святого смилуйся надо мною!

И разомъ расплылись и сгинули картины, только пламя неровнымъ клубомъ метнулось и разослалось по полу.

— Великій Духъ дунулъ на него,—сказалъ Микешъ немного взволнованно,—я всегда зову Его, когда не хочу глядѣть на то, что вызываетъ абагай, но я не звалъ еще Великаго Духа.

— Я позвалъ,—сказалъ Петръ,—Господа моего.

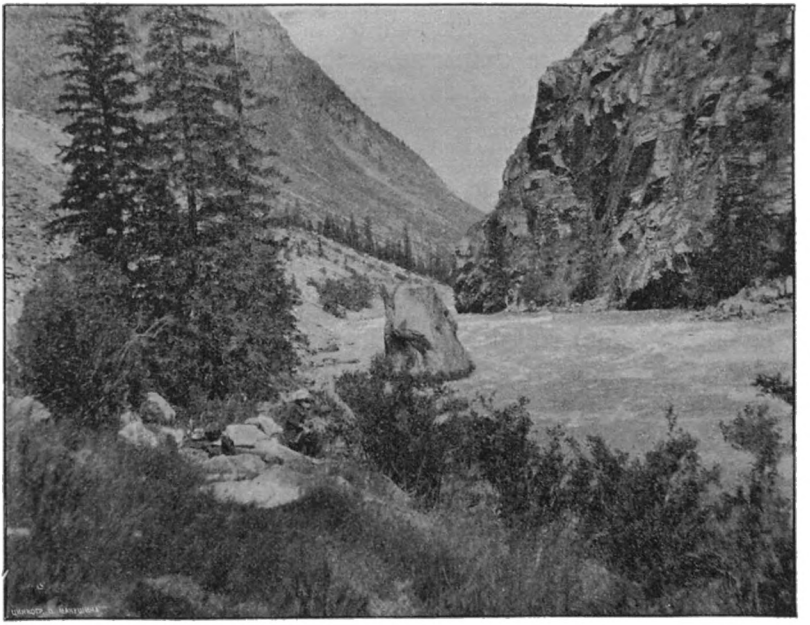
— Ты?

Микешъ задумчиво поглядѣлъ на огонь, опять ровно запылавшій и оставлявшій тѣни на стѣнѣ пещеры, простыя тѣни дыма.

— Твой Богъ—Великій Богъ,—сказалъ. Микешъ— Хорошо, что я узналъ о Немъ: жаль, что ты не досмотрѣлъ, гость... ты бы увидѣлъ грозу и бурю, увидѣлъ бы Архытъ въ ущельѣ, грозный Архытъ и человѣка, котораго смела вода, этотъ человѣкъ былъ абагай

Мангашъ... ты бы увидѣлъ сѣрую лошадь и меня, чемгуленка гнѣзда Мангаша, увидѣлъ бы, какъ мой конь борется съ Архытомъ и ловитъ того, кто былъ абамомъ, брошенному боламу Микешу... потомъ...

— Не стонай, абагай Мангашъ: это будетъ, и я



—Берегись Архыта, мой ай!.. берегись его!..

не боюсь: я уйду къ Великому Духу и скажу Ему, что мое сердце всегда тянулось къ илдысъ [1]), а ты будешь жить, абагай Мангашъ, что бы потомъ, когда придетъ твоя улюмъ [2]), и нить твоей жизни порвется, уйти туда же, куда ушелъ и я.

— Нѣтъ, нѣтъ,—простоналъ Мангашъ, сжимая руками грудь.—Берегись Архыта, мой ай[3]), берегись

[1]) Звѣзды.
[2]) Смерть.
[3]) Мѣсяцъ.

его, потому что Мангашъ—тельгочі: видитъ будущее, онъ, видитъ свѣтлое тѣло Микеша высоко, а себя такъ далеко, такъ далеко...

— Брось вѣру твоимъ Ульгеню, Эрлику, молись Великому Духу,—убѣжденно заговорилъ отрокъ.—Сегодня—Его ночь... забудь тѣхъ... вотъ онъ только сказалъ слово, и все исчезло... Великій Духъ съ нимъ... Онъ тамъ, у людей, отъ которыхъ я ушелъ; но и ихъ Онъ не приметъ, если ихъ сердца не будутъ чисты, какъ снѣга на Ханъ-Алтаѣ, какъ снѣга вершинъ... не думай и не бойся... я не боюсь курюмеся и всего темнаго: сложи руки такъ, и пусть гость въ ночь своего и нашего Бога, Великаго Духа міра, научитъ насъ, какъ звать Его.

— Саа алкышъ Іессінъ е Христосъ Кудай! бістінгъ іженірібісъ, Саа алкышъ іессін (Слава Тебѣ, Христе Боже упованіе наше, слава Тебѣ)...—сѣвъ на ложѣ, сказалъ растроганно охотникъ, кладя крестъ.

И оба они, и охотникъ и мальчикъ повторили твердо:

— Саа алкышъ іессінъ е Христосъ Кудай! бістінгъ іженірібісъ, Саа алкышъ іессінъ.

— И такъ—руку,—сказалъ младшій старшему, слагая какъ и Петръ, крестное знаменіе съ открытымъ сердцемъ: потому что Великій Духъ видитъ все; а теперь я не боюсь Великаго Духа за тебя, абагай Мангашъ: я разскажу о Немъ эджэ, и Архытъ покроетъ насъ, когда придетъ нашъ день.

Мангашъ изнеможенно закрылъ глаза и погрузился въ сонъ, тяжелый и крѣпкій, а Микешъ долго смотрѣлъ на него.

— Тебя привелъ Великій Духъ,—сказалъ онъ мягко.—Сколько разъ послѣ картинъ тамъ на стѣнѣ, послѣ того, какъ я видѣлъ свое тѣло избитое и безъ дыханья въ ущельѣ Архыта, моя душа тосковала объ абагаѣ, и я думалъ, какъ онъ останется въ тьмѣ и безъ меня... я люблю его, гость: онъ сдѣлалъ мнѣ сладкой жизнь... я знаю, что меня тутъ любятъ и мною гордятся... твоя ночь хороша и свѣтла; послѣ завтра я дамъ тебѣ коня и выведу на дорогу, но ты не

найдешь больше тропъ къ намъ, когда пожелаешь еще разъ насъ увидѣть: этого не нужно... я обѣщалъ эджэ и абагаю, что никогда не уйду отъ нихъ, и не хочу, что тебя полюбило мое сердце и потянулось за тобой... потомъ я видѣлъ, что ты узналъ мою мать... Пусть Великій Духъ проститъ ее: она меня бросила, какъ тонуртка [1]) птенца, и я не стану искать ея ласки, но я стану повторять твои слова къ свѣтлому Духу... я не забуду ихъ: они у меня навсегда остались въ сердцѣ, и я буду такъ класть руку,—перекрестился онъ,—и учить этому и словамъ абагая и эджэ... а всетаки я заставлю абагая затемнить твой путь и забыть жилище Микеша.

Онъ такъ и уснулъ на ложѣ охотника, и въ свѣтѣ догорающаго костра Петръ невольно любовался тонкими чертами умнаго и красиваго дѣтскаго лица. Черезъ день его проводили: Мангашъ до какой то горной рѣки, застывшей и лежавшей подо льдомъ, Микешъ—еще далѣе, какими то долинами, тропами, путемъ, который Петръ тщетно старался запомнить.

— Вотъ твоя дорога,—сказалъ мальчикъ, указывая на торную тропу.—Ступай: твоя эне ждетъ... И потомъ, заблестѣлъ онъ глазами,—когда Архытъ черезъ три лѣта запоетъ весною пѣсню послѣ первой бури, скажи той, которую знаешь, что Микешъ чемгуленокъ изъ гнѣзда Мангаша, не станетъ жаловаться Великому Духу на свою мать.

Охотникъ долго оглядывался на стройный силуэтъ въ камняхъ, на красивую, гордо посаженную на тонкія плечи, голову мальчика въ странной одеждѣ на конѣ, покойно стоявшемъ надъ камнями, а весною онъ напрасно искалъ тропы къ жилищу Мангаша: о немъ слыхали въ аилахъ, но его гнѣзда никто не зналъ.

Иногда Петру казалось, что ему снился сонъ, странный сонъ, красивый и печальный. А годы шли, неслося неумолимое время, и разъ у ихъ мирнаго домика остановился сѣдой, сгорбленный инородецъ.

---

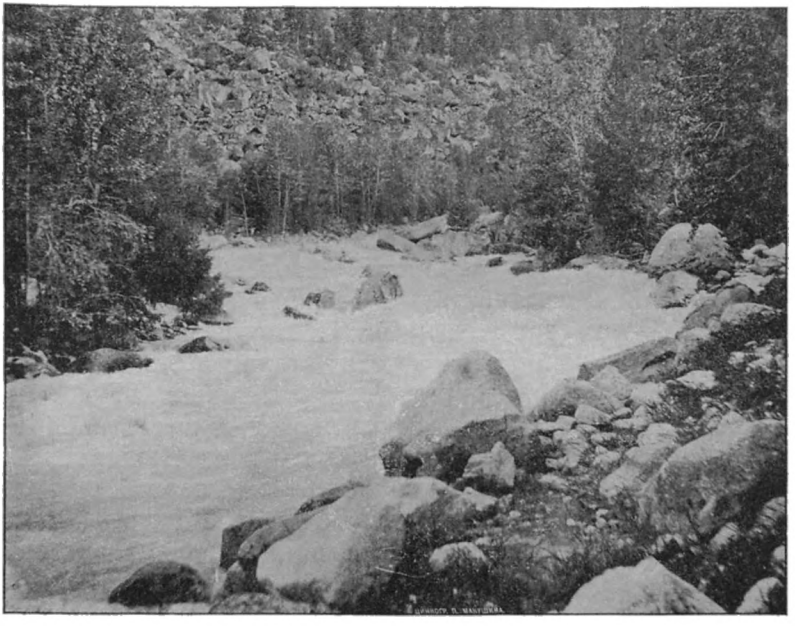
[1]) Кукушка.

— Дома охотникъ Петръ?—спросилъ онъ.

— Да, онъ дома,—сказала молодая жена Петра и крикнула его.

Петръ увидѣлъ знакомыя черты: суровыя брови и глаза Мангаша, но они были невыразимо печальны.

— Мангашъ изъ каменнаго гнѣзда!—воскликнулъ охотникъ радостно.—А Микешъ?



...мнѣ показалося среди ночи и бури, что Іедыгемъ грохочетъ въ горахъ.

— Три лѣта прошло,—сказалъ охотникъ глухо. —Весною Архытъ унесъ Микеша... мы охотились и сбились съ пути... мнѣ казалося среди ночи и бури, что Іедыгемъ грохочетъ въ горахъ... они, темные, отвели мнѣ глаза: я попалъ въ воду, желая найти бродъ, и сталъ погибать, старый слѣпой тарбальдинъ, а онъ, мой чемгулъ, мой ай, онъ не могъ стерпѣть этого: онъ кинулся за мною и вытащилъ меня, но Архытъ не любитъ выпускать жертву: я

нашелъ его разбитаго и умиравшаго на камняхъ тогда уже, когда солнце встало надъ Алтаемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что уходитъ къ Великому Духу, и велѣлъ мнѣ учиться у тебя, потому что я все забываю слова того, что нужно говорить Кудаю... и потомъ онъ сказалъ, что не нужно говорить той того, что онъ тебѣ сказалъ: онъ велѣлъ сказать тебѣ, что она его забыла, и ей не надо напоминать... я—одинъ... и скоро уйду туда... свѣтъ моей жизни потухъ; эджэ ушла за нимъ... научи меня тому, что говорилъ онъ, и я уйду умирать туда, къ Архыту, гдѣ надъ пропастью въ высотѣ я положилъ его: тамъ онъ спитъ, защищенный камнями, и сквозь ихъ отверстіе видитъ синее тенгередэ и илдысъ.

И охотникъ благоговѣйно нѣсколько разъ повторилъ:

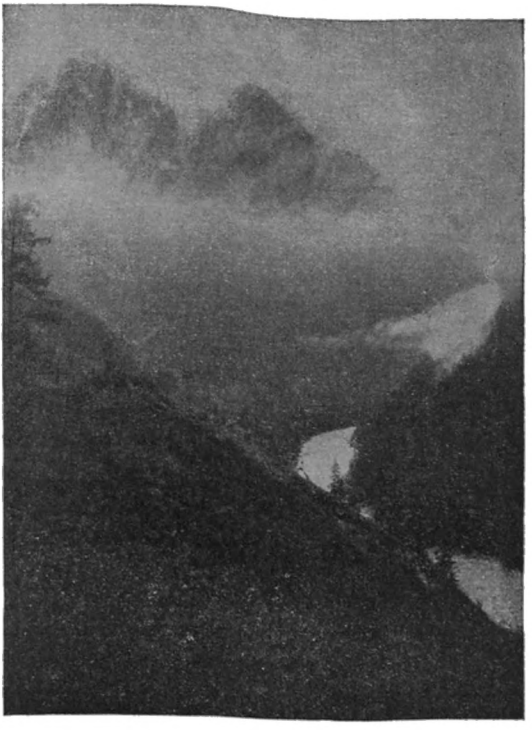
— Саа алкышъ іессінъ е Христосъ Кудай! бістінгъ іженірібісъ, саа алкышъ іессінъ!—и печально прибавилъ:

— Е Каанъ, кайрлагынъ Микеша [1]).

И старыя дрожащія уста повторили за нимъ:

— Е Каанъ... Е Каанъ, кайрлагынъ Микеша!..

[1]) Господи помилуй Микеша!..



...онъ любилъ горы всѣмъ сердцемъ, страстно и нѣжно любилъ!..

Ночь, въ которую родился Христосъ.

— „Дальше и выше... туда, гдѣ за верхушками великановъ сосенъ и могучихъ кедровъ свѣтятся звѣзды съ темносиняго неба, гдѣ чище воздухъ и такой просторъ открытъ для взгляда!“

Старыя ноги, съ трудомъ передвигаясь, несутъ истомленное хилое тѣло туда, выше и дальше, дальше

отъ людей, отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ жилъ тамъ внизу, гдѣ густѣетъ холодный туманъ, закрывая долину.

Тихо шелестя, шепчутся осыпанными снѣгомъ вѣтвями великаны лѣса надъ его головою высоко-высоко; нижнихъ вѣтвей ихъ не достигаетъ легкій вѣтеръ, и на тропу, по которой двигаются старыя ноги, не падаютъ сдутыя имъ пушистыя звѣзды холоднаго снѣга; густѣютъ сумерки тамъ, выше лѣса, здѣсь-же, подъ его сѣнью, всегда сумерки... И, напрягая силы, старикъ торопится, тихо кашляя старческимъ кашлемъ, туда, къ самой вершинѣ могучаго горнаго великана, гдѣ изъ-за нависшихъ вѣтвей глядятъ звѣзды большія, спокойныя, яркія.

— „Дальше!..“

Ему было тяжко тамъ, въ маленькой избушкѣ; онъ тосковалъ, лежа на печи, и однѣ думы о прошломъ помогали переносить и нужду, и духоту, и ворчанье... ему тяжело было терпѣть... И вспоминались старому Ургону его молодость, свободная жизнь, занесенныя снѣгомъ аилы въ такія зимнія ночи и лѣтнія утра, когда вотъ этотъ самый лѣсъ, весь розовый отъ зари, встрѣчалъ его своимъ смолистымъ ароматомъ, блики первыхъ солнечныхъ лучей, прорѣзывавшихъ его чащу, ложились на полянки и мелкую поросль, ласкались къ вѣтвямъ великановъ и грѣли ему лицо.

Онъ любилъ горы всѣмъ сердцемъ, страстно и нѣжно любилъ; свободолюбивая душа его рвалась въ высоту, искала простора, и онъ не сдавался на уговоры дѣтей, звавшихъ его креститься и повести осѣдлую жизнь. И теперь старый, разбитый, слабый и несчастный онъ ушелъ въ эту морозную ясную ночь изъ тѣсной душной и бѣдной избы... Нужда, лишенія, попреки—все это пало ему на долю, когда онъ, потерявъ бодрость и силы, пришелъ въ избу родныхъ и терпѣливо несъ все бремя печалей и нужды. Полуслѣпой горный соколъ, онъ не любилъ и не умѣлъ жаловаться!..

Зять корилъ дряхлаго язычника, пришедшаго къ нимъ умирать въ трудный голодный годъ, дочь—тоже

упрекала, внуки косились на объѣдавшаго ихъ старика, и только одна правнучка Варя любила и ласкала грязнаго и несчастнаго дѣда. Вчера она сказала ему:

— Дѣдушка! завтра Рождество нашего Бога... Большой праздникъ... Наши говорятъ, что достали барана, купили хлѣба, но не хотятъ давать его тебѣ потому, что ты не молишься съ нами! Но не бойся: я отдамъ половину всего, что дадутъ, тебѣ, я молюсь всегда, какъ учатъ насъ въ школѣ, за тебя. Вѣдь, Господь все слышитъ. Онъ все дастъ, если просить хорошенько, хотя и живетъ высоко, высоко, тамъ, куда Чаптыганъ [1]) уходитъ вершиною; я молюсь Ему, чтобы Онъ далъ намъ всѣмъ много, много хлѣба; особенно молюся въ Его Рождество; мнѣ кажется—въ свой праздникъ Онъ скорѣе услышитъ!—наивно прибавила дѣвочка,—только я боюсь, не слишкомъ ли низко мы живемъ, и услышитъ ли Онъ меня отсюда?

Старикъ, слушавшій внимательно и сосредоточенно, долгимъ взглядомъ поглядѣлъ на ребенка.

— Онъ всѣхъ слышитъ—ты сказала?—прошамкалъ онъ, гладя изсохшей рукой голову дѣвочки.

— Всѣхъ!—съ жаромъ отвѣтила она: о, да, всѣхъ, дѣдушка: и добрыхъ, и злыхъ.

Старикъ больше ни о чемъ не разспрашивалъ, ничего не говорилъ и только крѣпко поцѣловалъ милое дѣтское личико.

И вотъ онъ идетъ со вчерашняго дня выше и выше, дальше отъ людей, туда, къ вершинѣ Чаптыгана, гдѣ небо близко склоняется къ горѣ, гдѣ живетъ Тотъ, Рождество Котораго сегодня ночью наступитъ, Кто слышитъ все, о чемъ его просятъ, Кого онъ хочетъ такъ много просить. Теперь уже близко, —онъ не боится звѣрей, ничего не боится... ему нужно туда, на вершину, выше... выше... ближе къ Нему... Вонъ и лѣсъ рѣдѣетъ, вонъ и небо блестящими звѣздами смотритъ въ лѣсную глушь... Какой

[1]) Гора верстахъ въ 40 отъ с. Улалы, Бійскаго уѣзда, Том. губерніи.

это былъ трудъ, столько пройти! Едва движутся истомленныя ноги, но онъ долженъ итти, онъ хочетъ этого для нея, для любимой ласковой внучки!

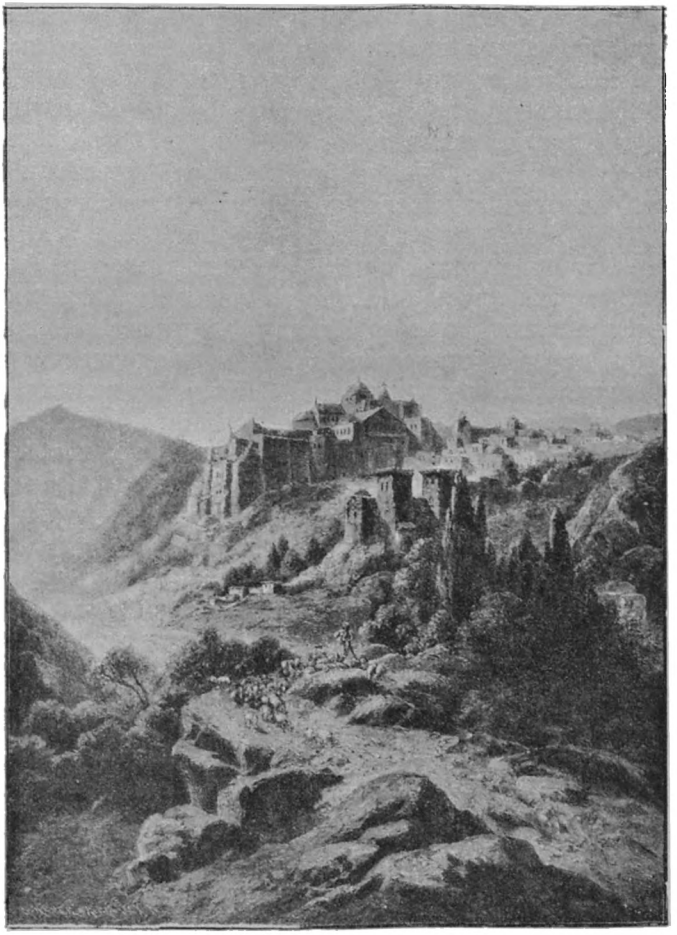
Хорошо тутъ! вотъ оно небо огромное, съ него привѣтливо смотрятъ блестящія звѣзды: вершина въ двухъ шагахъ, а оно все высоко это небо, такъ же, какъ кажется и оттуда, изъ долины...

„Услышитъ ли?“—мелькаетъ сомнѣніе, и что-то вродѣ отчаянія сжимаетъ старое сердце. Онъ добрался до вершины, сѣлъ на сваленное бурей дерево и пытливо глянулъ туда, въ высоту, и ему стало хорошо и сладко, какъ бывало въ молодости въ утренніе солнечные дни лѣта, когда онъ былъ здоровъ и силенъ; ему казалось, что кто-то ласкаетъ его, словно чьи-то нѣжныя, какъ у Вари, руки гладятъ его по лицу и сердце, старое наболѣвшее скорбящее сердце затрепетало. и, опустившись на снѣгъ на колѣни, онъ зашепталъ, тихо, едва шевеля устами:

— „О Кудай! добрый Кудай! я хочу, чтобы Ты услыхалъ стараго Ургона; я хочу, чтобы у дѣтей, у Вари было много хлѣба... я хочу, чтобы я не мѣшалъ имъ... я хочу, чтобы Ты взялъ меня туда, гдѣ Ты живешь, потому что тогда они не будутъ сердиться на Варю за то, что она даетъ мнѣ хлѣба! О, Кудай, возьми меня... Я такъ много жилъ, я люблю Тебя и Ты меня любишь... Я не хотѣлъ креститься, но я зналъ, что Ты не осердишься! Прости меня, если я худо дѣлалъ! Сегодня Твое Рождество, Ты больше слушаешь сегодня тѣхъ, кто проситъ... Послушай меня и возьми отъ нихъ, потому что я старъ и не могу работать, а ѣмъ такъ много: ѣмъ Варину долю и все хочу ѣсть, и все беру хлѣбъ... Ты всѣхъ любишь... Ты слышишь?..—Я пришелъ оттуда, изъ низу... Я шелъ такъ долго... я усталъ... Ты слышишь, о Кудай? Ты слышишь?!“..

И въ отвѣтъ ему сильнѣе зашелестѣли ели и кедры подъ пронесшимся холоднымъ вѣтромъ, морозомъ охватившимъ усталое тѣло, а онъ все стоялъ на колѣняхъ и смотрѣлъ на небо: снѣжныя звѣзды, сдутыя съ верхушекъ кедровъ, окружавшихъ прога-

лину на вершинѣ горы, тихо падали ему на шапку и лицо, таяли на его сѣдыхъ бровяхъ, мѣшаясь съ



г. Виѳлеемъ.

слезами, которыя неудержимо катились изъ его помутившихся отъ старости глазъ, съ тихой печалью и умиленіемъ смотрѣвшихъ на небо, а сухія губы

все шептали тише и тише съ глубокимъ упованіемъ и вѣрою.

— „О, Кудай! Ты слышишь? Ты услышалъ?! О, Кудай... спасибо, добрый Кудай... О, какой большой!.. о, какой добрый... Я знаю, что Ты слышишь меня, что Ты услышалъ!..“

Его голова склонялась все ниже и ниже, глаза совсѣмъ закрылись и не глядѣли на звѣзды, а губы шептали уже невнятныя слова, и на нихъ стыла улыбка счастливая и радостная.

Звѣзды ясно мерцали надъ горнымъ кряжемъ, лѣсъ тихо шептался: ночь заполонила землю торжественная, спокойная... Та ночь, въ которую родился Христосъ!